

ISSN 0869.544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО • 3
• ВЕДЕНИЕ 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2023

МАЙ •
ИЮНЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**И.А. Сedaкова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова (заместитель главного редактора), М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун, М.В. Лескинен,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, С.А. Мызников, К.В. Никифоров,
В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко,
Н.Н. Старикова, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова, Е.И. Якушкина.**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

*Отделы: И.Е. Адельгейм (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринoв, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), Е.Б. Лопатина,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).*

Заведующая редакцией Г.А. Михеева

*Сотрудники редакции: Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова
Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а*

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Дзюбинский Я. Р.</i> (Москва). Варшавский двор наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича. 1862–1863 годы	5
<i>Никифоров Д. И.</i> (Москва). Финансовая политика Сербского княжества накануне сербско-турецкой войны. 1875–1876 годы	23
<i>Парфирьев Д. С.</i> (Москва). Отношение Николая II и его окружения к украинскому национальному движению	34
<i>Ефимова В. С.</i> (Москва). Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации	44
<i>Старикова Н. Н.</i> (Москва). Роль литературы в социокультурной жизни независимой Словении	55
<i>Андрюнина М. А.</i> (Москва). Материалы к изучению полесской обрядности Сретения: магическое использование <i>громничных</i> свечей в годовом и семейном ритуальных циклах	65

СООБЩЕНИЯ

<i>Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.</i> (Москва). Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года)	81
---	----

50 лет кафедре славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

<i>Гливинская В. Н.</i> (Москва). 50 лет жизни кафедры	95
<i>Маричевич Балач Е.</i> (Нови Сад). Русская тема в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича (1791)	104

РЕЦЕНЗИИ

<i>Иванова М. О.</i> С. Дюллен. Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940-е / пер. с фр. Э. Кустовой	117
<i>Проклов И. Н.</i> На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейской культурах	121
<i>Соколова О. В.</i> Сборник Матице српске за славистику. Бр. 100. Нови Сад	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Дронов А. М.</i> VI конференция в рамках Междисциплинарного центральноевропейского семинара «Женщина в сердце Европы: неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре Центральной Европы и сопредельных регионов»	129
<i>Копченко И. В.</i> Международная конференция «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной традиции»	133
<i>Завьялова М. В., Злыднева Н. В., Седакова И. А.</i> Международная конференция «Семиотика в прошлом и настоящем»	137

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

MAY •

JUNE •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

**I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), E.N. Kovtun, M.V. Leskinen,
G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, S.A. Myznikov, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
N.N. Starikova, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova, E.I. Yakushkina**

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); M.M. Valentsova (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).*

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Dziubinskii I.R.</i> (Moscow). The Warsaw Court of the Viceroy of the Kingdom of Poland Grand Duke Konstantin Nikolaevich. 1862–1863.....	5
<i>Nikiforov D.I.</i> (Moscow). Financial Policy of the Serbian Principality on the Eve of the Serbian-Turkish War. 1875–1876.....	23
<i>Parfirev D.S.</i> (Moscow). The Attitude of Nicholas II and his Entourage to the Ukrainian National Movement.....	34
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Old Church Slavonic Phraseological Calques in the Aspect of their Further Phraseologization.....	44
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). The Role of Literature in the Socio-Cultural Life of Independent Slovenia.....	55
<i>Andrunina M.A.</i> (Moscow). Materials for the Studies of Candlemas in Polesie: The Magic Uses of Consecrated Candles in the Calendar and the Family Ritual Cycles.....	65

ESSAYS

<i>Pilipenko G.P., Yasinskaya M.V.</i> (Moscow). Contact Phenomena in the Field of Language and Traditional Culture of the Slovenes Living in Natisone Valley and Ter Valley (According to the 2022 Field Research).....	81
--	----

50 years of the Department of the Slavic Languages and Cultures of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of the Lomonosov Moscow State University

<i>Glivinskaya V.N.</i> (Moscow). Fifty Years of a Department.....	95
<i>Marićević Balac J.</i> (Novi Sad). Russian Theme in Jovan Raić's Epic «Boj Zmaja sa Orlovi» (1791)....	104

REVIEWS

<i>Ivanova M.O.</i> S. Dullin. The Thick Frontier. The Origins of Soviet Policies (1920–1940) / Transl. by E. Kustovaia.....	117
<i>Proklov I.N.</i> At the Crossroads of the East and West: The Problems of Borderzone in Russian and Central European Cultures.....	121
<i>Sokolova O.V.</i> Matica Srpska Journal of Slavic Studies. Vol. 100. Novi Sad.....	125

SCHOLARLY LIFE

<i>Dronov A.M.</i> VI Conference as Part of the Interdisciplinary Central European Seminar «A Woman in the Heart of Europe: Non-Obvious Aspects of Gender Issues in the History and Culture of Central Europe and Neighboring Regions».....	129
<i>Kopchenova I.V.</i> International Conference «“End Times” in the Slavic and Jewish Cultural Traditions».....	133
<i>Zavyalova M.V., Zlydneva N.V., Sedakova I.A.</i> International Conference «Semiotics in the Past and in the Present».....	137

Славяноведение, 2023, № 3, с. 5–22

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 5–22

DOI: 10.31857/S0869544X0025869-8

Оригинальная статья / Original Article

Варшавский двор наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича. 1862–1863 годы

© 2023 г. Я.Р. Дзюбинский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)

ydzyubinskiy@hse.ru

Статья подготовлена по результатам проекта
«Восточноевропейские исследования в транснациональной перспективе»
при поддержке фонда «Гуманитарные исследования»
ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020–2022 гг.

Аннотация. Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) являлся наместником Царства Польского с июня 1862 г. по октябрь 1863 г., т.е. накануне и во время польского восстания. Этот кризисный в истории российско-польских отношений период изучен довольно подробно, однако варшавский великокняжеский двор остался вне поля зрения исследователей.

Двор великого князя-наместника был уникальным пространством, где выстраивались символические отношения между династией и подданными. Находясь в Варшаве, Константин Николаевич реализовывал собственный «сценарий власти». Ключевым церемониальным модусом выступал образ единства империи. Наместник столкнулся со сложностями в поиске лояльных империи придворных-поляков и привлекал в качестве таковых своих подчиненных из Морского министерства.

На основе широкого круга делопроизводственных документов из ГА РФ, ОР РГБ, ОР РНБ, РГИА, РГА ВМФ и источников личного происхождения в статье рассматривается генезис и функционирование двора великого князя, а также связанная с этим институтом повседневная жизнь августейшего семейства в нескольких варшавских резиденциях. Введение в научный оборот новых источников позволило установить круг придворных, финансовое обеспечение двора и характерные для него канцелярские практики. Несмотря на длительное отсутствие брата императора в северной столице, основные функции по обеспечению его государственной деятельности продолжал выполнять штат Мраморного дворца.

Ключевые слова: великий князь Константин Николаевич, великокняжеский двор, варшавский двор, Царство Польское, «сценарии власти», восстание 1863–1864 гг.

Ссылка для цитирования: Дзюбинский Я.Р. Варшавский двор наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича. 1862–1863 годы // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 5–22. DOI: 10.31857/S0869544X0025869-8

The Warsaw Court of the Viceroy of the Kingdom of Poland Grand Duke Konstantin Nikolaevich. 1862–1863

© 2023. Ian R. Dziubinskii

National Research University «Higher School of Economics»
(Moscow, Russian Federation)

ydzyubinskiy@hse.ru

The article was prepared based on the results of the project «Eastern European Studies in a Transnational Perspective» with the support of the «Humanities Research» Foundation of the Faculty of Humanities of the National Research University «Higher School of Economics» in 2020–2022.

Abstract. Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1827–1892) was the governor of the Kingdom of Poland from June 1862 to October 1863, that is, on the eve and during the Polish uprising. Despite the high degree of knowledge of this crisis period in the history of Russian-Polish relations, the Warsaw Grand Duke's court remained outside the research focus of historians.

The court of the Grand Duke-vice-roy was a unique space where symbolic relations between the dynasty and the subjects were built. In Warsaw Konstantin Nikolaevich implemented his own «scenario of power». The key ceremonial mode was the image of the unity of the empire. The vice-roy faced difficulties in finding Polish courtiers loyal to the empire and widely involved his subordinates from the Naval Ministry.

Based on a wide range of documents from the GA RF, OR RGB, OR RNB, RGIA, RGA VMF and sources of personal origin, the genesis and functioning of the court of the Grand Duke, as well as the everyday life of the august family in several Warsaw residences are considered. The introduction of new sources into scientific circulation made it possible to establish the circle of courtiers, the financial support of the court and practices peculiar to the court. Despite the long absence of the emperor's brother in the northern capital, the main function of maintaining his state activity continued to be executed by the staff of the Marble Palace.

Keywords: Grand Duke Konstantin Nikolaevich, Grand Duke's court, Warsaw court, Kingdom of Poland, «scenarios of power», uprising of 1863–1864.

Reference for citation: *Dziubinskii Ian R.* The Warsaw Court of the Viceroy of the Kingdom of Poland Grand Duke Konstantin Nikolaevich. 1862–1863 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 3. P. 5–22. DOI: 10.31857/S0869544X0025869-8

Двор являлся центральным звеном монархической системы. Как большой императорский двор, так и великокняжеские дворы были уникальным пространством для политической и культурной интеграции представителей различных народов Российской империи, площадкой для утверждения величия дистанции между династией и подданными. Будучи государственным институтом, двор выполнял важную миссию по сопровождению деятельности представителей Дома Романовых на служебном поприще и в общественно-культурной сфере. Поэтому его можно исследовать с точки зрения канцелярских практик и рассматривать с позиций потестарной имагологии, сосредоточившись на символических аспектах отношений господства и подчинения, позиционировании власти и изучении ее образов [5]. Проблематика королевского двора в контексте Западной и Центральной Европы периода Средних веков поднималась в ряде монографий под редакцией Н.А. Хачатурян [11; 17].

Сценарии осуществления власти разрабатывали не только монархи, но и другие представители правящей династии. Обращение к этим сценариям делает важным уортмановский поворот (Wortmanian turn). «Не было ли так, — поставил вопрос М.Д. Долбилев, — что церемониймейстерами при русском дворе являлись “все и никто”, все понемногу, все люди, входившие в ближайшее окружение монарха и имевшие возможность вносить свой вклад в процесс и акт репрезентации?» [1. С. 53].

Несмотря на ключевое значение двора в Российской империи, исследователи не обращали специального внимания на его формирование. Сравнительно недавно обозначился интерес к различным аспектам истории «малых» великокняжеских дворов Дома Романовых, получивших распространение в царствование Николая I.

В статье О.В. Новиковой, посвященной подготовке двора великого князя Константина Николаевича к коронации Александра III, в первую очередь рассмотрена организация торжеств, тогда как придворные остались на втором плане. Отмечается лишь, что «большие серебряные коронационные медали получили и чины двора великого князя Константина Николаевича — действительный статский советник И.А. Грейг, генерал-майор А.А. Киреев и подполковник П.Е. Кеппен» [19. С. 188].

В статье Г.Н. Корневой и Т.Н. Чебоксаровой исследованы великокняжеская дворцовая служба, структура и функционирование ведомства, понятия «политическое» и «статусное» применительно ко двору великого князя Владимира Александровича. Согласно авторам, «любой великокняжеский двор — это не просто случайное соединение в той или иной мере ярких, активных, талантливых личностей, это сложный организм, в действиях которого отражались цели, стремления, воля и характер представителя семьи Романовых, которому этот двор принадлежал» [16. С. 209].

Издан с предисловием публикаторов дневник княжны С.Л. Шаховской, отразивший повседневную жизнь двора московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича в начале XX в¹. Д.М. Софьин и М.В. Софьина написали ряд статей, посвященных различным аспектам дневниковых записей великих князей Сергея Александровича и Георгия Михайловича [23–25].

Поскольку речь в данной статье идет о периоде наместничества Константина Николаевича в Царстве Польском, важным представляются проблемы лояльности элиты национальной окраины имперскому центру и репрезентации миссии наместника. Однако в работах таких исследователей, как И. Кобердова [32], С. Кеневич [30], М. Штадельман [34], Я. Кипп [31], Э. Каррер д'Анкосс [28], М. Рольф [20], А.П. Шевырев [26–27], Л.В. Завьялова и К.В. Орлов [12], В.Е. Воронин [6–7] нет предметного фокуса на исследовании структуры и повседневных практик варшавского двора. «Назначение наместником великого князя Константина Николаевича, известного своими либеральными идеями, — написала Э. Каррер д'Анкосс, — было недостаточным, чтобы успокоить умы, и пара, образованная вице-королем и личным представителем императора, несмотря на очевидное стремление выйти из тупика власти, стала беспомощным свидетелем неудержимого подъема восстания, охватившего все общество» [28. С. 322].

¹ При дворе Великого князя Сергея Александровича: дневник княжны С.Л. Шаховской, 1900–1901 гг. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 2017. 56 с.

Управленческий тандем, о котором идет речь, состоял из великого князя Константина Николаевича и польского аристократа маркиза А. Велёпольского. Д.А. Милютин свидетельствовал в воспоминаниях, что больше всех в Петербурге поддались «чарам» Велёпольского Константин Николаевич, А.М. Горчаков, В.А. Долгоруков и П.А. Валуев. «Его уверенность в себе, логическая последовательность его планов, — отметил Милютин, — явились чем-то новым для наших государственных деятелей, привыкших к неопределенности и бесцветности нашей канцелярской деятельности. Я позволю себе употребить иностранное выражение — маркиз “импонировал” нашим государственным деятелям»².

Согласно анонимной записке, хранящейся в ОР РНБ, «мысли Велёпольского были приняты, и так как он не соглашался подчиниться в Варшаве русскому начальнику войск, а невозможно было подчинить ему русского генерала, то и явилось предположение отправить в Варшаву члена императорской фамилии, которому оба начальника, военный и гражданский, были бы равно подведомственны. [...] Великий князь Константин Николаевич был назначен наместником с явной целью служить живым доказательством благих намерений государя императора, с поручением удостоверить поляков фактами в доброжелательном к ним государя отношении и с назначением: 1. Всемерно содействовать Велёпольскому в осуществлении его предположений, 2. Привлекать сколь можно более поляков в администрацию, и 3. Устранять всякие столкновения русских с поляками. Умиротворить край мерами кроткими и служить органом милостей царских»³.

Кротость эта имела двойственный результат. По свидетельству адъютанта великого князя Д.С. Арсеньева, «русскому в это время было очень тяжело жить в Варшаве [...]. А наместник продолжал уважать легальность: не трогали костелов и монастырей, где среди Варшавы и заведомо всем организовались все революционные деяния, устраивались склады оружия, сборища и т.п. Все русские были в большом унынии, а мы, состоявшие при великом князе, сердечно о нем жалели и недоумевали»⁴.

Назначение Константина Николаевича наместником Царства Польского нельзя назвать хорошо спланированной политической акцией, если не принимать во внимание того, что политические противники великого князя немало этому способствовали. «Враги Константина Николаевича, — указал П.В. Долгоруков, — рассчитывали, что на этом невозможном месте он и перессорится с людьми либеральных мнений и вместе с тем докажет, до какой степени общественное мнение впадало в ошибку, считая его человеком отменно способным»⁵. Внук Константина Николаевича великий князь Гавриил Константинович писал, что «в 1862 г. дед был назначен наместником Царства Польского. Император Александр II первоначально хотел назначить своего младшего брата, великого князя Михаила Николаевича, но последний уклонился, мой

² Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 1999. С. 320.

³ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 37. Л. 4об., 5. «Записка неизвестного о деятельности великого князя Константина Николаевича в качестве наместника в Польше» могла быть составлена в ближайшем окружении великого князя Константина Николаевича при участии А.В. Головина в контексте дискуссий по польскому вопросу и методам управления Царством Польским. Четыре копии записки на 52 листах хранятся в фонде Головина в ОР РНБ. В следующем деле по описи — «Записке о деятельности великого князя Константина Николаевича в качестве наместника в Польше», имеются пометки Головина. Обе записки датируются сентябрем 1863 г.

⁴ Арсеньев Д.С. Из записок адмирала Д.С. Арсеньева // Русский архив. 1910. № 11. С. 410.

⁵ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Кооперативное изд-во «Север», 1934. С. 175.

же пылкий и увлекающийся дед, наоборот, хотел этого. Оба брата поговорили с государем, и государь согласился назначить в Польшу моего деда»⁶.

Практически до самого отъезда в Варшаву Константин Николаевич продолжал активно заниматься делами в Государственном совете, Морском министерстве, общественных и научных организациях. От высочайшего указа о новом назначении до отправки личных вещей великого князя в Царство Польское не прошло и недели.

Великокняжеский двор Константина Николаевича стал одним из первых «малых» дворов в Российской империи, созданных для детей императора Николая I. Проект его штата, составленный в Министерстве императорского двора и уделов, был высочайше утвержден 30 августа 1848 г. Речь шла о функционировании основной резиденции в Петербурге (Мраморный дворец) и нескольких дворцово-парковых ансамблей в окрестностях столицы.

О создании и деятельности варшавского двора великого князя можно судить по делопроизводственным документам, в том числе переписке между придворными контрорами⁷ и подразделениями Министерства императорского двора и уделов, финансовой документации великокняжеских контор в Петербурге и Варшаве, статистическим данным, адрес-календарям, а также источникам личного происхождения.

Проекты придворной конторы и штата для варшавского двора были разработаны и поданы на высочайшее утверждение обер-гофмейстером графом М.И. Хрептовичем лишь в марте 1863 г., спустя десять месяцев с момента назначения великого князя наместником.

Из переписки с канцелярией Министерства императорского двора и уделов следует, что при формировании штата учитывалось мнение великого князя и «испрашивалось назначение» дополнительных придворных чинов. Так, в рапорте от 27 февраля 1863 г. обер-гофмейстер ходатайствовал о включении в штат шталмейстера, помощника управляющего двором в чине гофмейстера, первого и второго церемониймейстеров⁸. В последовавшем 9 марта ответе 4-го отделения канцелярии Министерства императорского двора и уделов сообщалось: «Что же касается церемониймейстеров, то его величеству угодно, чтобы они были командированы в Варшаву от высочайшего двора, без подразделения их при том на первого и второго»⁹.

Министерство осведомлялось, «угодно ли его императорскому высочеству, чтобы князь Феликс Огинский (вице-референдарий канцелярии Государственного совета Царства Польского) был назначен прямо церемониймейстером, что присвоит чин статского советника, а также кому его высочество предполагает предоставить остальные вновь учреждаемые должности»¹⁰. Согласно

⁶ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М.: Вече, 2017. С. 358; Также о процессе назначения наместника: Великий князь Константин Николаевич. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2019. С. 358–361; Также см.: [34. Р. 324].

⁷ Придворная контора – административно-хозяйственное подразделение – аппарат двора, ведавший делами по обеспечению жизнедеятельности представителей Дома Романовых. В ее функции входили: формирование штата двора; контроль за условиями проживания членов правящей династии во дворцах – от питания до мебелировки и ремонта комнат; организация мероприятий при дворе; ведение финансовой отчетности, ревизии и выплат штатных сумм по двору; исполнение поручений Министерства императорского двора и уделов; коммуникация с прочими придворными конторами, индивидуальными просителями и государственными учреждениями империи.

⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 7, 7об., 8.

⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 9об.

¹⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 9–10.

составленному в мае отношении в канцелярию министерства, Константин Николаевич определил казначеем Собинского, бухгалтером Адольфа Пивницкого, столоначальником губернского секретаря Глазунова, писцом Владислава Довяковского – чиновника для писем по инспекторской части варшавского обер-полицмейстера¹¹. Заведующим канцелярией великого князя был назначен Юлиуш Тенгоборский, по аттестации архиепископа З. Фелиньского, «поляк того же рода, что и Хрептович; воспитывался в Петербурге полностью обрусевшим отцом»¹². Долгое время он служил атташе в Дании¹³. «Из подчиненных чиновников двора, – писал Фелиньский, – один только был поляк, Собаньский, из наиболее захудалой ветви этого семейства, который также не имел никакого политического влияния»¹⁴.

«Список высших чиновников и сановных лиц Царства Польского», составленный не позднее 1863 г.¹⁵, является единственным официальным опубликованным документом, в котором содержатся сведения о придворных чинах высшего разряда варшавского двора. Список зафиксировал двоякую репрезентацию Дома Романовых на польских землях. Во-первых, в Варшаве на постоянной основе находился императорский двор, включавший 17 лиц, в большинстве этнических поляков. Во-вторых, там же функционировал двор великого князя Константина Николаевича и его супруги великой княгини Александры Иосифовны, в котором числилось 25 служащих обоих полов, включая 18 адъютантов великого князя¹⁶. «Живший во дворце великий князь, – писала графиня М. Э. Клейнмихель, – был окружен блестящей свитой, особенно подчеркивавшей значение наместничества»¹⁷. При этом в период пребывания Константина Николаевича в Варшаве основной резиденцией оставался Мраморный дворец в Петербурге, где текущие нужды брата императора продолжала обслуживать его канцелярия.

В число чинов высшего разряда двора Константина Николаевича в Варшаве входили обер-гофмейстер граф М. И. Хрептович¹⁸, имевший тот же статус в штате императорского двора в Варшаве; его жена графиня Е. К. Хрептович, урожденная Нессельроде; фрейлины графиня А. Е. Комаровская и баронесса Рантзау (Ранцау); лейб-хирург тайный советник И. С. Гауровиц; гофмейстер Д. Н. Набоков¹⁹, имевший тот же статус в штате императорского двора в Варшаве; камер-юнкер А. М. Пенхержевский²⁰. Адъютантами великого князя являлись полковник О. А. Сержпутовский, князь Л. А. Ухтомский, капитан Д. С. Арсеньев, капитан Н. И. Казнаков, капитан А. А. Киреев, граф Е. Е. Комаровский, барон Э. А. Рамзай, капитан 2-го ранга Ф. В. Сарычев, капитан-лейтенант барон Р. А. Мирбах, начальник штаба А. Вжесневский, заместитель начальника штаба

¹¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 13.

¹² *Feliński Z. Pamiętniki*. Warszawa: PAX, 1986. S. 560.

¹³ *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира: мемуары. Берлин: Глагол, 1923. С. 18.

¹⁴ *Feliński Z.* S. 560.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–16.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 390. Л. 3, 3об.

¹⁷ *Клейнмихель М. Э.* С. 17.

¹⁸ Назначен на данную должность незадолго до крестин великого князя Вячеслава Константиновича 8 августа 1862 г. См.: *Милютин Д. А.* С. 396; [30. S. 255, 272, 278].

¹⁹ Согласно воспоминаниям Д. А. Милютина, Д. Н. Набоков был взят великим князем Константином Николаевичем в Варшаву в «качестве доверенного при нем секретаря», а должность директора Комиссариатского департамента Морского министерства, которую он ранее занимал, оставалась незамещенной более года. См.: *Милютин Д. А.* С. 300.

²⁰ «Le Gentilhomme de la Chambre». – ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 390. Л. 3.

Кучинский, обер-полицмейстер Варшавы²¹ подполковник С.С. Муханов, полковник Султан Адиль-Гирей, майор Санхисов, а также Михайлов, Собаньский и Пивницкий²².

Большое количество придворных являлись поляками и уроженцами западных окраин Российской империи²³. Таким образом подчеркивалось внимание к польскому краю. Привлечение местных кадров открывало для польских подданных карьерные возможности и было призвано укрепить политическую лояльность региональной элиты [29; 10; 3; 34; 13; 18; 7; 4]. «Великий князь Константин, — писала И. Кобердова, — начал комплектовать свой двор, стараясь выбирать людей польского происхождения» [32. С. 58].

В других официальных документах сведения о варшавском дворе Константина Николаевича как самостоятельном институте отсутствуют. Речь идет в первую очередь об адрес-календарях за 1862–1864 гг., где можно обнаружить только информацию по Главному управлению Царства Польского и сведения о ряде придворных без указания на их причастность ко двору. Например, в адрес-календаре за 1863–1864 гг. в разделе о Министерстве иностранных дел указывается, что «в ведомстве по министерству» состоит обер-гофмейстер граф М.И. Хрептович²⁴.

Факт отсутствия в адрес-календарях упоминаний о варшавском дворе великого князя представляется следствием неоперативности составителей. В одном из дел фонда придворной конторы великой княгини Александры Иосифовны мною обнаружено два важных списка. Первый из них содержит 19 фамилий лиц, состоящих при дворе Константина Николаевича и указываемых в придворном календаре²⁵. Второй список включает фамилии 32 человек, подлежащих внесению в адрес-календарь за 1864 г.²⁶ Можно предположить, что отсутствие лиц, представленных в этих двух списках, в официальной общеимперской росписи чиновников связано с неудачей миссии Константина Николаевича в Царстве Польском.

Отсутствует информация о варшавском дворе и в справочнике высших и центральных государственных учреждений России 1801–1917 гг., где лишь указывается, что придворная контора великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны существовала с 1848 г. по 23 июня 1912 г. [8. С. 197].

Подтверждением сведений «Списка высших чиновников и сановных лиц Царства Польского» о существовании в Варшаве великокняжеского двора служат воспоминания католического архиепископа варшавского в 1862–1864 гг. З. Фелиньского, деятельность которого активно обсуждалась в переписке между Александрой Иосифовной и императрицей Марией Александровной²⁷. На нескольких страницах²⁸ архиепископ весьма выразительно описал сложно-

²¹ «Le Grand-Maitre de Police de la Ville de Varsovie». — ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 390. Л. 3.

²² ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 390. Л. 3–3об. Также адъютанты великого князя упоминаются в ряде источников и исследований: *Feliński Z.* S. 560–561; *Клейнмихель М. Э.* С. 17–18; *Арсеньев Д. С.* С. 385, 401; [32. С. 58; 34. Р. 331, 345, 352–353, 360–362, 359, 377, 381, 382–383, 390].

²³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 390. Л. 4, 4об.; Также см.: [33. С. 316–330].

²⁴ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском, на 1863–1864. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1864. С. 274.

²⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 294. Л. 107–107об.

²⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 294. Л. 109.

²⁷ ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 139, 140.

²⁸ *Feliński Z.* S. 558–561.

сти формирования варшавского двора: «Не меньше трудностей имел великий князь с комплектованием своего двора и свиты. В принципе, он желал окружить себя одними поляками; когда же дело дошло до исполнения, то план потерпел крушение за неимением людей, поскольку все, кто занимал независимую позицию, уклонялись от принятия придворных обязанностей ввиду грозящего восстания»²⁹.

Однако уклонение от службы при великокняжеском дворе было не единственным вариантом поведения. Об этом свидетельствует приложенная к письму Константина Николаевича Александру II 3 апреля 1863 г. копия записки генерал-лейтенанта М. Н. Анненкова. Как сообщалось в этой составленной 20 марта 1863 г. с грифом «весьма секретно» записке, «служащий на Гатчинской станции Варшавской железной дороги – поляк Щетинский, познакомился с помещицей Царскосельского уезда баронессою Корф [...]. Зять баронессы – тайный советник Набоков, состоит при его высочестве великом князе Константине Николаевиче; г. Щетинский, зная все это, достиг незаметным образом знакомства с баронессою и через ее протекцию успел определить родственника своего, закоснелого поляка, смотрителем замка, где живет его высочество, через которого Щетинский получает все сведения о делах в Польше, даже знает некоторые и секретные распоряжения его высочества»³⁰.

З. Фелиньский характеризовал М. И. Хрептовича как «поляка по происхождению и религии, но не умеющего даже изъясняться по-польски. Проведя всю свою жизнь в дипломатии, как в Петербурге, так и за границей, он не имел ничего общего со страной, потребности которой даже не были ему известны. Поэтому он никак не мог стать звеном, связывающим династию с народом. Это был чистокровный петербургский двор и притом – николаевского времени»³¹.

Характеризуя мужскую часть великокняжеского двора, З. Фелиньский подробно остановился на национальной идентичности придворных, их происхождении и карьерах, в том числе в столице империи. Дамская часть, по оценке архиепископа, «отличалась поразительной нищетой»³². В ее составе он назвал маркизу П. Велёпольскую, М. Э. Келлер (Клейнмихель), «уже дряхлую» графиню Р. Ржевускую (урожденную княжну Любомирскую), графиню Е. К. Хрептович и графиню А. Е. Комаровскую. В мемуарах графиня Клейнмихель сообщила дополнительную информацию: «Придворными дамами были графиня Комаровская и госпожа Бибикова, впоследствии княгиня Крапоткина (так в источнике. – Я. Д.), для замещения которой, спустя некоторое время, была назначена я [...]. Обер-гофмейстериной великой княгини была вдова адмирала Лазарева»³³. Фелиньский заключил, что «фон [...] картины надо было заполнить фигурантками, взятыми в низших военных и чиновничьих сферах, что безмерно унижало великую княгиню»³⁴.

О камерности варшавского двора Константина Николаевича также позволяют говорить финансовые документы придворных контор. Выплаты жалованья производились из средств великого князя, получаемых им по должности наместника, что подтверждает переписка министра императорского двора и обер-гофмейстера великокняжеского двора в Варшаве. 9 марта 1863 г. из 4-го отделения

²⁹ *Feliński Z. S. 559.*

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 324. Л. 39.

³¹ *Feliński Z. S. 559.*

³² *Feliński Z. S. 561.*

³³ *Клейнмихель М. Э. С. 18.*

³⁴ *Feliński Z. S. 561.*

канцелярии Министерства императорского двора и уделов проект штата придворной конторы поступил «для исходатайствования высочайшего соизволения как на утверждение сего штата, так и на производство исчисленных по оному на содержание той конторы 3992 р. из удельных сумм»³⁵. М.И. Хрептович 28 марта сообщил, что Константин Николаевич «соизволил производить указанную сумму по выплатам из собственных сумм его, при том, что как наместнику в Царстве Польском, ему из сумм ведомства выделяется 100 тыс. руб.»³⁶.

На финансирование штата Мраморного дворца в 1868 г. придворной конторе было выделено 62 310,94 руб., а вместе со штатом Стрельнинского (Константиновского) дворца сумма выростала до 95 011,53 руб. Следовательно, расходы в Царстве Польском были гораздо скромнее столичных.

Помимо чинов высшего разряда варшавский двор располагал многочисленным вспомогательным персоналом, насчитывающем более семидесяти человек, о чем свидетельствуют счет за поездку³⁷ и проездные железнодорожные билеты «для людей двора Константина Николаевича» за февраль 1864 г., когда имущество и служащие покидали Варшаву³⁸.

Повседневная жизнь двора Константина Николаевича складывалась с той же стремительностью, с какой принималось решение о назначении великого князя наместником. Великокняжеская чета привезла из северной столицы свой стиль и уклад жизни. Однако в первые месяцы ее пребывания в Варшаве потребовалось много усилий для обустройства резиденций, где проходили приемы, позиционирующие власть.

Вторая половина мая и июнь 1862 г. — время наиболее интенсивного перемещения людей и вещей из Мраморного дворца в Варшаву. Занятия музыкой и искусствами всячески приветствовались в семье Константина Николаевича, поэтому неудивительно, что в числе первых предметов в дворец Бельведер прибыло фортепиано. Произошло это 14 июня 1862 г., о чем свидетельствует сопроводительное письмо управляющего придворной конторой надворного советника А. Клема в контору императорских дворцов Лазенки и Бельведер с квитанцией компании «Надежда». Документы великого князя с необходимой для его кабинета мебелью были запечатаны в Петербурге только 16 июня.

Сохранилась переписка за июль — август 1862 г. между придворными конторами Варшавы и Петербурга, а также с канцелярией Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. Согласно документам, Константин Николаевич велел архитектору коллежскому асессору И.Я. Потолову, состоявшему при дворе великого князя и городом правлении Павловска, на месяц приехать в Варшаву³⁹.

10 сентября 1862 г. А. Клем писал управляющему городом Павловск: «Государыня великая княгиня Александра Иосифовна изволила возложить на вас исполнение в самом скорейшем времени:

1. Приказать обойщику Кригеру сделать выкройки со всей мебели, находящейся в будуаре ее императорского величества (императрицы Марии Федоровны. — *Я.Д.*) в Павловском дворце, и выкройки эти — из бумаги, для большей точности фасона, где нужно сшить.

2. Кроме выкройки, рисунки карандашом каждой вещи отдельно, означив длину, высоту и ширину.

³⁵ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 2.

³⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 4.

³⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 189.

³⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 300. Л. 190—193об.

³⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 293. Л. 87, 89.

И 3. Доставить образчик той материи из спальни императрицы Марии Федоровны, находящейся на 2-м этаже [...]. Комната эта в Большом Павловском дворце, та самая, в которой находится фарфоровый сервиз Людовика XVI.

Придворная государя великого князя Константина Николаевича контора, сообщая вам о таковой воле ее высочества, имеет честь покорнейше просить упомянутые выкройки, рисунки и образчик доставить в придворную контору для немедленного отправления в Варшаву, так как посланным от подрядчика Гусева живописцем недовольны и потеряно много времени для исполнения заказов великой княгини»⁴⁰.

В конце октября 1862 г. в Мраморном дворце получили телеграмму из Варшавы следующего содержания: «Немедленно выслать двух печников, двух штукатуров из Павловска, сколько Тур сделал мебели, деньги вышлют в субботу». Таким образом, обустройство варшавских резиденций силами испытанных специалистов продолжалось.

Организационные сложности усугублялись тем, что Бельведер и Лазенки раз мерами уступали Мраморному дворцу. Константин Николаевич отметил в дневнике, что «в Бельведере тесно, трудно разместиться»⁴¹. М. Гетка-Кениг утверждал, что великокняжеская чета проживала в Бельведере⁴². Однако продолжалось это лишь до 11 августа 1862 г., о чем свидетельствует запись в дневнике Константина Николаевича: «В 11 часов переехали в Лазенки, начав с воцерковления жинки и Вячеслава. Прелесть, как тут мило, хотя немного тесно»⁴³.

С тех пор Бельведер использовался для размещения приезжавших в Царство Польское представителей императорской фамилии. Так, в октябре 1862 г. там останавливалась великая княгиня Елена Павловна⁴⁴. Константин Николаевич с семьей находились тогда в Лазенках⁴⁵. Пребывание великого князя в Лазенках подтверждают телеграмма, отправленная им 9 декабря 1862 г. управляющему Министерством народного просвещения А.В. Головнину⁴⁶, а также воспоминания З. Фелиньского⁴⁷. В декабре 1862 г. Константин Николаевич с семейством перебрались в Королевский замок в центре города⁴⁸.

Информация о Королевском замке как основной резиденции встречается в дневниках Константина Николаевича за 1862–1863 гг. Согласно записям великого князя, обустройство замка началось в летний период и еще продолжалось в ноябре 1862 г. 16 августа Константин Николаевич зафиксировал, что они с Александрой Иосифовной «ездили в замок»⁴⁹. 28 ноября его посетили вновь: «Работы продвигаются, обещают кончить к 15 декабря»⁵⁰. В это время к великому князю из плавания прибыл адъютант Д.С. Арсеньев, который подтвердил в воспоминаниях именно данное место проживания великокняжеского семейства:

⁴⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 293. Л. 117–117об., 117а. Говорить о привлечении польских художников к работам в варшавских резиденциях я не могу: информация об этом отсутствует и в источниках, и в историографии. См.: [22].

⁴¹ Великий князь Константин Николаевич. С. 368.

⁴² «Великий князь жил в то время в Бельведере, где явился на свет его младший сын Вячеслав» // Гетка-Кениг М. Варшавский парк Лазенки – забытая резиденция Романовых // Новая Польша. 2015. № 7–8. С. 53; Также см.: [30. S. 255].

⁴³ Великий князь Константин Николаевич. С. 373.

⁴⁴ Великий князь Константин Николаевич. С. 383.

⁴⁵ Клейнмихель М. Э. С. 18.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 55. Л. 26.

⁴⁷ Feliński Z. S. 560.

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 324. Л. 39.

⁴⁹ Великий князь Константин Николаевич. С. 373.

⁵⁰ Великий князь Константин Николаевич. С. 385.

«Он жил тогда в Королевском замке и принял меня благосклонно и добро»⁵¹. Лазенки продолжали использоваться для церемоний и досуга: «За обедней с детьми в Лазенках. Остальной день дома»⁵²; «прогулка в Лазенки»⁵³; «ездили в Лазенки со всеми детьми»⁵⁴; «вечером ездил верхом с жинкой в Лазенки»⁵⁵.

С резиденциями великого князя в Варшаве тесно связан сценарий его власти в Царстве Польском. Королевский замок и Лазенки ранее принадлежали польским королям. Акцентируя в воспоминаниях внимание на том, что Константин Николаевич говорил в Государственном совете Царства Польского по-польски, Фелиньский добавил, что «великий князь реставрировал королевский замок с польскими орлами, по плану Станислава Августа»⁵⁶.

«С переводом государя великого князя Константина Николаевича по званию наместника Царства Польского в Варшаву, — писал коменданту Петербурга исполняющий обязанности гофмейстера Чичерин, — отправлены туда и служители двора его императорского высочества, за исключением небольшого числа, оставленного для необходимого дежурства во внутренних покоях Константиновского дворца (Мраморного дворца. — *Я.Д.*). Но для присмотра за внешней безопасностью дворца, в котором еще хранится почти все имущество их императорских высочеств, особенно с уменьшением по повелению государя великого князя вольнонаемной прислуги, признается необходимым прибавить один военный пост от караула гауптвахты Константиновского дворца, именно внутри, под аркой у решеточных железных ворот к Аптекарскому переулку»⁵⁷.

Пересылка каждой партии вещей задействовала множество акторов, служб и инстанций: придворные конторы, фирмы-подрядчики, железнодорожные подразделения и министерские департаменты. 24 сентября 1862 г. «смотрителю камерцалмейстерской должности» титулярному советнику Хитуну сообщалось о необходимости отправки всех вещей в Варшаву «с возможными скоростью и аккуратностью», а также предписывалось «каждый раз по приготовлении и упаковке вещей, назначаемых к отправлению, доносить придворной конторе»⁵⁸. 7 декабря 1862 г. последовало распоряжение ближайшим поездом отправить сани Александре Иосифовне «для катания с ледяных гор, ежели пересылка эта обойдется не слишком дорого»⁵⁹.

В конце сентября и начале октября 1862 г. придворная контора направляла в правление Главного общества российских железных дорог запросы о предоставлении чеков на пересылку вещей великокняжескому семейству и придворным, оцененных на общую сумму в 5930 руб. серебром⁶⁰.

Еще один важный аспект деятельности двора великого князя в Варшаве — коммуникативные практики, организация придворных приемов и взаимодействие с общественной жизнью города [15]. В июне 1862 г. на Константина Николаевича было совершено покушение. «Меня удивило, — писал великий князь А. В. Головнину, — что у Вас не обратили особенного внимания на факт наших

⁵¹ Арсеньев Д. С. С. 401.

⁵² Великий князь Константин Николаевич. С. 374.

⁵³ Великий князь Константин Николаевич. С. 432.

⁵⁴ Великий князь Константин Николаевич. С. 434.

⁵⁵ Великий князь Константин Николаевич. С. 446.

⁵⁶ Feliński Z. S. 561.

⁵⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 293. Л. 75–75об.

⁵⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 293. Л. 123.

⁵⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 293. Л. 180.

⁶⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 293. Л. 132, 149.

первых публичных процессов. Я всегда горой стоял за публичность, первый привел ее в действие и купил право на это моей кровью»⁶¹.

Как видно из письма Константина Николаевича тому же адресату от 22 декабря 1862 г., напряженность в Царстве Польском не ослабевала: «У нас здесь тоже (все не в розовом цвете⁶²), затруднения огромные, гораздо большие, чем то думают в Питере. Несмотря на то и с упованием на Бога, продолжаю борьбу, помня слова Писания: претерпевший до конца, тот спасен будет»⁶³. Сегодня утром расстрелян полициант, который саблей изранил своего офицера. Это уже четвертый смертный приговор, который мне приходится подписывать»⁶⁴.

В этих условиях адъютанты великого князя продолжали выстраивать коммуникативные связи как внутри двора, так и с польской элитой, о чем свидетельствуют дневниковые записи А.А. Киреева о его поездках по Царству Польскому, различных беседах и приемах⁶⁵. А графиня Клейнмихель писала: «Великий князь был окружен большим числом адъютантов. Это были все люди высшего общества и прекрасного воспитания. Было обращено особое внимание на то, чтобы они хорошо владели французским языком, дабы не вызвать у поляков неудовольствия и, наоборот, снискать их расположение»⁶⁶.

Адъютанты проживали в разных частях Варшавы и зачастую отсутствовали в Царстве Польском продолжительное время. Д.С. Арсеньев писал, что в середине января 1863 г. приехал в Варшаву, «где опять поселился в гостинице “Отель Ангиельский”, лучшей гостинице в городе»⁶⁷. «По возвращении моем в Варшаву, — сообщал Арсеньев позднее, — товарищи мои, адъютанты великого князя, Кознаков и князь Ухтомский, жившие в Помранчарне, в Лазенках, предложили мне переехать к ним»⁶⁸.

Службу адъютанта великого князя на примере А.А. Киреева описал в воспоминаниях Л.А. Тихомиров: «Он знал даже и свое военное дело, хотя им, кажется, менее всего занимался, так как его служба при великом князе Константине Николаевиче была, собственно, не военная, его адъютантство было аналогично работе чиновника особых поручений, то есть по всем статьям, какие могут понадобиться начальнику»⁶⁹. «В таком случае желаю, — писал Александр II брату о возможных репрессиях в отношении З. Фелиньского, — чтобы ты назначил кого-либо из твоих адъютантов для его сопровождения и чтобы при этом были приняты все нужные меры предосторожности»⁷⁰. В то же время Д.С. Арсеньев отметил, что с «прежними морскими адъютантами великий князь и великая княгиня обращались или правильнее не обращались никак, кроме Киреева, который участвовал в опросах разных заарестованных лиц и считался полезным деятелем. Впрочем, меня великий князь скоро командировал в Пруссию

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 55. Л. 5об.

⁶² «Tout n'est pas couleur de rose». — ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 55. Л. 6об.

⁶³ «Претерпевший же до конца спасется». — Евангелие от Матфея, 24:13.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 55. Л. 6об. — 7; Переписка между Константином Николаевичем и А.В. Головинным рассматривается в следующих работах: [6; 14; 27].

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1.

⁶⁶ Клейнмихель М. Э. С. 17–18.

⁶⁷ Арсеньев Д. С. С. 406.

⁶⁸ Арсеньев Д. С. С. 410.

⁶⁹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. Воспоминания. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 656; Также см.: [34. Р. 381].

⁷⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников Королевства Польского, январь–август 1863 г. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Изд-во Польской Академии наук, 1974. С. 197.

купить какой-нибудь мелко сидящий пароход, который мог бы ходить по Висле и быть началом Вислинской флотилии»⁷¹.

Активную позицию намеревалась занимать и Александра Иосифовна. «Великая княгиня открыто признавала, — свидетельствует З. Фелиньский, — что она хотела бы сблизиться с польскими дамами и что это легче всего исполнить на нейтральной почве, в этой связи она предложила, чтобы я ее сопровождал при посещении благотворительных заведений, где она ожидала встретить этих дам и таким образом завязать с ними знакомство»⁷².

Документально установлено, что великокняжеской четой устраивались многочисленные вечерние собрания, чаепития и рауты. Например, со 2 ноября 1862 г. по 10 января 1863 г. минимальное дневное количество приглашенных на чай в Лазенки составляло три человека, а максимальное — 51 человек. На танцевальном вечере 30 ноября присутствовало более 130 человек⁷³, включая сенаторов и иностранных консулов. В декабре того же года на одно из вечерних собраний из Королевского замка в Лазенки дополнительно были вызваны пять лакеев⁷⁴.

Воспоминания Ю. фон Верди дю Вернуа, направленного в 1863 г. в Польшу прусским правительством, содержат описание светской жизни наместника и его супруги. «Почти все вечера, — сообщал он, — мы проводили в кругу великокняжеской семьи (весною и летом) в Лазенковском парке; зимою вечера большею частью посвящались музыке, так как великий князь, обладая выдающимся музыкальным талантом, с особенною любовью занимался этим искусством. Собираясь в концертном зале, мы, конечно, обрекались на молчание, в тех же случаях, когда великая княгиня располагалась в одном из боковых салонов, около нее собиралось маленькое общество, к музыке не тяготевшее, и за чайным столом или мороженым беседа нередко затягивалась далеко за полночь» [12. С. 148].

Поскольку великокняжеский двор считался центром политической и светской жизни Варшавы, придворные праздники и церемонии планировались как публичные действия и часто сопровождалось большими процессиями и иллюминациями⁷⁵. Подробные описания такого рода событий в обязательном порядке публиковались в периодических изданиях и освещались в специальных брошюрах. По сложившейся в Доме Романовых традиции, по случаю рождения его представителя совершался церемониальный военный марш. Информация об одном из них сохранилась в книге о приходе и расходе денежных сумм великого князя. В октября 1862 г. были приобретены пуговицы в подарок сыну штабс-капитана Желтобрюхова «за поднесенный им марш великому князю Вячеславу Константиновичу»⁷⁶. Великий князь оплатил счета походной типографии штаба войск в Царстве Польском за 500 объявлений о дне, «назначенном для Святого Крещения его высочества государя великого князя Вячеслава Константиновича»⁷⁷.

Церемония крещения не обошлась без эксцессов. Архиепископу варшавскому отводилась в ней одна из ведущих ролей и определено место рядом с великокняжеской семьей и маркизом Велёпольским. Однако узнав об этом от

⁷¹ Арсеньев Д. С. С. 408.

⁷² Feliński Z. S. 558–559.

⁷³ РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 297. Л. 50, 51–53.

⁷⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 297. Л. 108–109.

⁷⁵ Милютин Д. А. С. 348.

⁷⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 295. Л. 38.

⁷⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 295. Л. 16, 17.

обер-гофмаршала, Фелиньский заявил, что никак не может принять участие в религиозном таинстве, совершаемом в храме иной веры. М.И. Хрептович воспринял заявление предельно эмоционально: «Изменить нельзя! Сам император утвердил церемониал!». Архиепископ «спокойно ответил», что не требует никаких изменений и вовсе не приедет в Лазенки, не делая из своего отсутствия какой-либо демонстрации⁷⁸.

Надо сказать, что действия Фелиньского привлекали пристальное внимание императора в течение всего периода наместничества великого князя. В апреле 1863 г. Александр II писал Константину Николаевичу: «Неслыханное поведение Фелиньского нахожу не только ни с чем не сообразным, но даже преступным. Поэтому, если он осмелится отвечать тебе, что при предстоящих майских процессиях он не только не покорится предписаниям военного положения, но даже сам намерен явиться на улице, то объяви ему, что я требую немедленного его прибытия сюда (в Петербург. — *Я.Д.*) для отдачи мне отчета в своем поведении»⁷⁹.

Церемонии крещения новорожденного представителя линии Константиновичей проводил священник С.В. Михайловский, назначенный служить в церкви Мраморного дворца 1 апреля 1861 г. [2. С. 58]. При великокняжеском семействе он находился в Царстве Польском с 22 июня 1862 г. по 1 сентября 1863 г., а затем вернулся во Введенскую церковь Мраморного дворца и стал законоучителем детей Константина Николаевича и Александры Иосифовны.

Заслуживает внимания столь редкое для Дома Романовых имя Вячеслав. М.Э. Клейнмихель писала, что «было решено назвать его в угоду русским — Вячеславом, в угоду же полякам — Вацлавом. Этим надеялись примирить обе славянские расы, но вышло наоборот» [2. С. 58].

Среди мероприятий церемониального характера выделяются приемы, устраиваемые для военных, проходивших службу в Царстве Польском. В дневниках Константина Николаевича за рассматриваемый период упоминания о подобного рода событиях встречаются более 30 раз, не считая закрытые приемы, торжественные обеды и государственные праздники. Для обедов военных чинов в Лазенках, наместник посылал специальные распоряжения варшавскому коменданту князю Д.О. Бебутову, чтобы тот обеспечил музыкальное сопровождение⁸⁰.

Двор великого князя в Варшаве создавался в сложное время, когда в Царстве Польском разгоралось восстание. Этим обуславливались затруднения в поиске лояльных кадров, малая вовлеченность польской элиты в сценарий власти великого князя-наместника. Действия администрации и двора Константина Николаевича должны были демонстрировать связь между монархом и подданными, обеспечивающую прочность Российской империи. Образ единства, внимание к национальной специфике региона сделались церемониальным модусом поведения августейшего наместника.

Но Константин Николаевич, обвиняемый в «неспособности и неумении действовать» и подозреваемый в желании «не озлоблять поляков вследствие тайного намерения получить со временем Польскую корону»⁸¹, был вынужден оставить мятежную Варшаву, а сведения о его дворе не вошли в официальные справочные издания. Сам великий князь «глубоко переживал неудачи своей политики и после отставки долгое время не отваживался появиться в Петербурге» [27. С. 21].

⁷⁸ *Feliński Z. S. 560.*

⁷⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. С. 197.

⁸⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 297. Л. 17, 26, 34, 49, 73.

⁸¹ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота, Санкт-Петербург
РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском, 1863–1864. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1864.

Арсеньев Д. С. Из записок адмирала Д. С. Арсеньева // Русский архив. 1910. № 11. С. 385–442.

Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М.: Вече, 2017. 400 с.

Великий князь Константин Николаевич. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2019. 725 с.

Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников Королевства Польского, январь–август 1863 г. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Изд-во Польской Академии наук, 1974. 374 с.

ГА РФ. Ф. 641. Мария Александровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская Максимилиана-Вильгельмина-Августина-София-Мария), императрица, жена императора Александра II. Оп. 1. Д. 139, 140.

ГА РФ. Ф. 722. Константин Николаевич, великий князь, сын императора Николая I, генерал-адмирал. Оп. 1. Д. 390.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Кооперативное изд-во «Север», 1934. 473 с.

Клейнмихель М. Э. Из потонувшего мира: мемуары. Берлин: Глагол, 1923. 304 с.

Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 1999. 559 с.

ОР РГБ. Ф. 126. Киреевы и Новиковы. Оп. 1. Д. 1.

ОР РНБ. Ф. 208. Головнин А. В. Оп. 1. Д. 37, 55.

При Дворе Великого князя Сергея Александровича: дневник княжны С. Л. Шаховской, 1900–1901 гг. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 2017. 56 с.

РГА ВМФ. Ф. 224. Константин Николаевич, генерал-адмирал, великий князь. Оп. 1. Д. 324.

РГИА. Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора. Оп. 5. Д. 297.

РГИА. Ф. 537. Придворная контора вел. кн. Александры Иосифовны МИДв. Оп. 1. Д. 293, 294, 295, 300.

Тихомиров Л. А. Тени прошлого. Воспоминания. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.

Feliński Z. Pamiętniki. Warszawa: PAX, 1986. 640 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Как сделана история» // Новое литературное обозрение. 2002. № 4 (56). С. 42–66.
2. Алексеева Т. А. Духовенство в штате Придворной конторы великого князя Константина Николаевича: Введенская церковь Мраморного дворца (1848–1892) // Константиновские чтения – 2018: К 160-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. (1858–1915). Сб. матер. науч. конф. СПб., 2018. С. 50–79.
3. Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб.: Блиц, 2003. 448 с.
4. Бендин А. Ю. Власть и католическое духовенство Северо-Западного края в период восстания 1863 г. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков: сб. ст. М., 2017. С. 43–61.
5. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
6. Воронин В. Е. Польское восстание 1863 года: Опыт «примирительной политики» русского правительства. М.: МПГУ, 2008. 432 с.
7. Воронин В. Е. О «неудобных» аспектах польского восстания 1863 г. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков: сб. ст. М., 2017. С. 30–42.

8. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 3-х т. СПб.: Наука, 2002. Т. 3: Центральные государственные учреждения. 228 с.
9. *Гетка-Кениг М.* Варшавский парк Лазенки – забытая резиденция Романовых // Новая Польша. 2015. № 7–8. С. 50–53.
10. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
11. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / отв. ред. Н.А. Хачатурян. Вып. I. М., СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
12. *Завьялова Л., Орлов К.* Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. 608 с.
13. Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
14. *Капинос С. В.* Переписка А. В. Головнина с великим князем Константином Николаевичем о реформировании управления Польшей в 1862 году // Восемнадцатые петровские чтения (история, политология, социология, философия, экономика, культура, образование и право): Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 77–82.
15. *Кинан П.* Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.
16. *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Двор великого князя Владимира Александровича – второй по значимости в российской столице // Старый Петербург: поиски, находки, открытия: сб. статей. СПб., 2009. С. 209–228.
17. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / отв. ред. Н.А. Хачатурян; МГУ; ИВИ РАН. М.: Наука, 2004. 540 с.
18. *Миллер А. И.* Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 332–351.
19. *Новикова О. В.* О подготовке двора великого князя Константина Николаевича к коронации Александра III // Здесь бывал сам государь: к 175-летию императора Александра III: материалы научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина». СПб., 2021. С. 180–188.
20. *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
21. Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей / ред.-сост. А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2004. 382 с.
22. *Свирида И. И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художники в культурном пространстве, XVIII – середина XIX вв.: Очерки. М.: Объединенное гуманитарное издательство (ОГИ), 1999. 358 с.
23. *Софьин Д. М., Софьина М. В.* «...Дядя Костя скончался»: погребение генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича глазами его племянника (из дневника Великого князя Сергея Александровича, январь 1892 г.) // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: сб. науч. тр. Пермь, 2017. С. 46–55.
24. *Софьин Д. М., Софьина М. В.* «...Сергей и я, мы были на раскопках, но ничего не нашли»: Крымский дневник Великого князя Георгия Михайловича. 1875 г. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 199–209.
25. *Софьин Д. М., Софьина М. В.* Дневник Великого князя Сергея Александровича за 1892 год как исторический источник // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: сб. науч. тр. Пермь, 2017. С. 4–15.
26. *Шевырев А. П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во Московского университета, 1990. 184 с.
27. *Шевырев А. П.* Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А. В. Головнин и Польское восстание 1863 г. // Польское восстание 1863 г.: исторические судьбы России и Польши. М.: Индрик, 2014. С. 210–227.
28. *Carrère d'Encausse H.* Les Romanov: Une dynastie sous le règne du sang. Paris: Fayard/Pluriel, 2014. 448 p.
29. *Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 258 s.
30. *Kieniewicz S.* Między ugodą a rewolucją. Andrzej Zamoyski w latach 1861–62. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962. 319 s.

31. Kipp J.W. Consequences of Defeat: Modernizing the Russian Navy, 1856–1863 // *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*. 1972. Vol. 20. № 2. Pp. 210–225.
32. Koberdowa I. *Wielki książę Konstanty w Warszawie. 1862–1863*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962. 305 s.
33. Skalkowski A.M. Aleksander Wielopolski w świetle archiwów rodzinnych (1861–1877): in 3 vol. Poznań: nakł. PTPN, 1947. T. III. 412 s.
34. Stadelmann M. *Grobfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 470 p.
35. Vladimirov K. *The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and Early 20th Century Russian Poland*. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2004. 194 p.

REFERENCES

- «Kak sdelana istoriia». *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2002, no. 4 (56), pp. 42–66. (In Russ.)
- Aleksejeva T.A. Dukhovenstvo v shtate Pridvornoj kontory velikogo kniazia Konstantina Nikolajevicha: Vvedenskaia tserkov' Mramornogo dvortsa (1848–1892). *Konstantinovskije chteniia – 2018: K 160-letiiu so dnia rozhdeniia velikogo kniazia Konstantina Konstantinoviča, poeta K.R. (1858–1915)*. *Sb. mater. nauch. konf.*, St. Petersburg, 2018, pp. 50–79. (In Russ.)
- Bazylev L. *Poliaki v Peterburge*. St. Petersburg, Blits Publ., 2003, 448 p. (In Russ.)
- Bendin A. Iu. Vlast' i katolicheskoe dukhovenstvo Severo-Zapadnogo kraia v period vosstaniia 1863 g. *Rossia i slavianskii mir v vojnakh i konfliktakh XIX–XXI vekov: sb. st.*, Moscow, 2017, pp. 43–61. (In Russ.)
- Carrère d'Encausse H. *Les Romanov: Une dynastie sous le règne du sang*, Paris, Fayard/Pluriel Publ., 2014, 448 p.
- Chwalba A. *Polacy w służbie Moskali*, Warszawa, Kraków, Wydawnictwo Naukowe PWN Publ., 1999, 258 p.
- Dvor monarkha v srednevekovoi Jevrope: iavlenie, model', sreda*, ed. N.A. Khachaturian, Vyp. I, Moscow, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, 352 p. (In Russ.)
- Getka-Kenig M. *Varshavskii park Lazenki – zabytaia rezidentsiia Romanovykh. Novaia Pol'sha*, 2015, no. 7–8, pp. 50–53. (In Russ.)
- Horizontov L. Je. *Paradoksy imperskoj politiki: poliaki v Rossii i russkije v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)*, Moscow, Indrik Publ., 1999, 272 p. (In Russ.)
- Kapinos S.V. Perepiska A.V. Golovnina s velikim kniazem Konstantinom Nikolajevichem o reformirovanii upravleniia Pol'shei v 1862 godu. *Vosemnadsiatye petrovskije chteniia (istoriia, politologiia, sotsiologiia, filozofiia, ekonomika, kul'tura, obrazovanie i pravo): Materialy vsrossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastijem*, St. Petersburg, 2017, pp. 77–82. (In Russ.)
- Kieniewicz S. *Między ugodą a rewolucją. Andrzej Zamoyski w latach 1861–62*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962, 319 p.
- Kinan P. *Sankt-Peterburg i russkii dvor, 1703–1761*, Moscow, *Novoje literaturnoje obozrenije Publ.*, 2020, 320 p. (In Russ.)
- Kipp J.W. Consequences of Defeat: Modernizing the Russian Navy, 1856–1863. *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*, 1972, vol. 20, no. 2, pp. 210–225.
- Koberdowa I. *Wielki książę Konstanty w Warszawie. 1862–1863*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962, 305 p.
- Korneva G.N., Cheboksarova T.N. Dvor velikogo kniazia Vladimira Aleksandrovicha – vtoroi po znachimosti v rossiiskoi stolitse. *Staryi Peterburg: poiski, nakhodki, otkrytiia: sb. statei*, St. Petersburg, 2009, pp. 209–228. (In Russ.)
- Korolevskii dvor v politicheskoi kul'ture srednevekovoi Jevropy*, ed. N.A. Khachaturian, MGU, IVI RAN, Moscow, Nauka Publ., 2004, 540 p. (In Russ.)
- Miller A.I. *Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii*, Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 332–351. (In Russ.)
- Novikova O.V. O podgotovke dvora velikogo kniazia Konstantina Nikolajevicha k koronatsii Aleksandra III. *Zdes' byval sam gosudar': k 175-letiiu imperatora Aleksandra III: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii iz tsikla «Imperatorskaia Gatchina»*, St. Petersburg, 2021, pp. 180–188. (In Russ.)
- Rol'f M. *Pol'skije zemli pod vlast'iu Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi*, Moscow, *Novoje literaturnoje obozrenije Publ.*, 2020, 576 p. (In Russ.)
- Rossiiskaia imperiia v sravnitel'noi perspektive: Sbornik statei*, ed. A.I. Miller, Moscow, *Novoje izdatel'stvo Publ.*, 2004, 382 p. (In Russ.)

- Shevyrev A. P. *Russkii flot posle Krymskoi voiny: liberal'naia biurokratia i morskije reform*, Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1990, 184 p. (In Russ.)
- Shevyrev A. P. Mezhdunarodnye otnosheniya i Peterburgom: velikii kniaz' Konstantin Nikolajevich, A. V. Golovnin i Pol'skoje vosstanie 1863 g. *Pol'skoje vosstanie 1863 g.: istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi*, Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 210–227. (In Russ.)
- Skałkowski A. M. *Aleksander Wielopolski w świetle archiwów rodzinnych (1861–1877): in 3 t.*, Poznań, nakł. PTPN Publ., 1947, T. III, 412 p.
- Sof'jin D. M., Sof'jina M. V. «...Diadia Kostia skonchalsia»: pogrebenije general-admirala Velikogo kniazia Konstantina Nikolajevicha glazami jego plemiannika (iz dnevnika Velikogo kniazia Sergeia Aleksandrovicha, ianvar' 1892 g.). *Rossia i mir v kontse XIX – nachale XX veka: sb. nauch. tr.*, Perm', 2017, pp. 46–55. (In Russ.)
- Sof'jin D. M., Sof'jina M. V. «...Sergei i ia, my byli na raskopkakh, no nichego ne nashli»: Krymskii dnevnik Velikogo kniazia Georgiia Mikhailovicha. 1875 g. *Vestnik archivista*, 2017, no. 3, pp. 199–209. (In Russ.)
- Sof'jin D. M., Sof'jina M. V. Dnevnik Velikogo kniazia Sergeia Aleksandrovicha za 1892 god kak istoricheskii istochnik. *Rossia i mir v kontse XIX – nachale XX veka: sb. nauch. tr.*, Perm', 2017, pp. 4–15. (In Russ.)
- Stadelmann M. *Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie*, Wiesbaden, Harrassowitz Verlag Publ., 2012, 470 p.
- Svirida I. I. *Mezhdunarodnye otnosheniya i Vil'no: Khudozhniki v kul'turnom prostranstve, XVIII – seredina XIX vv.: Oчерki*, Moscow, Ob"jedinennoje gumanitarnoe izdatel'stvo (OGI) Publ., 1999, 358 p. (In Russ.)
- Vladimirov K. *The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and Early 20th Century Russian Poland*, Lewiston, Edwin Mellen Press Publ., 2004, 194 p.
- Vlast' i obraz: oчерki potestarnoi imagogii*, ed. M. A. Boitsov, F. B. Uspenskii. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2010, 384 p. (In Russ.)
- Voronin V. Je. *Pol'skoje vosstanie 1863 goda: Opyt «primiritel'noi politiki» russkogo pravitel'stva*, Moscow, MPGU Publ., 2008, 432 p. (In Russ.)
- Voronin V. Je. O «neudobnykh» aspektakh pol'skogo vosstaniia 1863 g. *Rossia i slavianskii mir v voinakh i konfliktakh XIX–XXI vekov: sb. st.*, Moscow, 2017, pp. 30–42. (In Russ.)
- Vysshije i tsentral'nyje gosudarstvennyje uchrezhdeniia Rossii. 1801–1917: v 3 t. Tsentral'nyje gosudarstvennyje uchrezhdeniia*, St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, T. 3, 228 p. (In Russ.)
- Zapadnyje okrainy Rossiiskoi imperii*, ed. M. Dolbilov, A. Miller, Moscow, Novoje literaturnoe obozrenije Publ., 2006, 605 p. (In Russ.)
- Zav'ialova L., Orlov K. *Velikii kniaz' Konstantin Nikolajevich i velikije kniaz'ia Konstantinovichi: Istorii sem'ji*, St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2009, 608 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Дзюбинский Ян Ростиславович,
аспирант, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-4088-6881
E-mail: ydzyubinskiy@hse.ru

Information about the author:

Dziubinskiy Ian R.,
Postgraduate student, HSE University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-4088-6881;
E-mail: ydzyubinskiy@hse.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 23–33

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 23–33

DOI: 10.31857/S0869544X0025843-0

Оригинальная статья / Original Article

Финансовая политика Сербского княжества накануне сербско-турецкой войны. 1875–1876 годы

© 2023 г. Д.И. Никифоров

Соискатель ученой степени кандидата исторических наук, МГИМО (у)
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)

denisen1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос финансирования подготовки к войне Сербского княжества в период с 1875 по 1876 г., анализируются способы сбора средств сербским правительством. Для этого оно законодательно утвердило заем в размере 24 000 000 динаров, правительство планировало осуществить его с помощью принудительного и добровольного займов внутри государства, внешнего добровольного займа (у коммерческих организаций и правительств других стран). Тем не менее, несмотря на все усилия, Сербское княжество не смогло собрать необходимую сумму. Огромную поддержку Сербии оказали банки Российской империи, которые взяли на себя обязательство по реализации займа и выдали аванс сербскому правительству.

Ключевые слова: Сербское княжество, Владимир Йованович, Милослав Протич, сербский народный заем, Восточный кризис.

Ссылка для цитирования: *Никифоров Д.И.* Финансовая политика Сербского княжества накануне сербско-турецкой войны. 1875–1876 годы // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 23–33. DOI: 10.31857/S0869544X0025843-0

Financial Policy of the Serbian Principality on the Eve of the Serbian-Turkish War. 1875–1876

©2023. Denis I. Nikiforov

Candidate of Sciences degree-seeking student, MGIMO-University
(State Institute of International Relations)
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

denisen1@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of financing the military training of the Serbian Principality. The author examines how the Serbian government collected funds. To realize its goals, the Principality of Serbia has legally approved a loan in the amount of 24,000,000 dinars. The Serbian government planned to implement it

through forced and voluntary loans within the state, external voluntary loans from the population of other countries and through loans from commercial organizations in other countries and loans from governments. However, despite all efforts, the Serbian Principality was unable to raise all the necessary funds. Enormous support in this part of the Serbian Principality was provided by the banks of the Russian Empire, which undertook the obligation to implement the loan and issued an advance to the Serbian government.

Keywords: Serbian principality, Vladimir Jovanović, Miloslav Protić, Serbian national loan, Eastern crisis.

Reference for citation: *Nikiforov Denis I.* Financial Policy of the Serbian Principality on the Eve of the Serbian-Turkish War. 1875–1876 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 3. P. 23–33. DOI: 10.31857/S0869544X0025843-0

Летом 1875 г. Сербское княжество начало готовиться к войне с Османской империей. Причиной обострения кризиса послужило восстание в Боснии и Герцеговине. В этот период Сербия имела статус автономной единицы в составе Османской империи и *de-facto* обладала возможностью вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, но *de-jure* оставалось частью турецкого государства. В политических кругах Сербии сложилось устойчивое стремление не просто закрепить статус независимого государства, но и объединить вокруг Сербии все земли, которые исторически воспринимались ими как сербские. И прежде всего, выражаясь словами Васы Чубриловича, Сербия хотела освободить и присоединить к себе Боснию [11. С. 154]. В этой связи восстание в Боснии и Герцеговине стало одним из катализаторов Восточного кризиса, ускоривших процесс вступления Сербского княжества в войну против Высокой Порты:

Несмотря на попытки великих держав, в первую очередь Российской империи и Австро-Венгрии, сдержать эскалацию, война казалась неминуемой. Османская империя была недовольна тем, что со стороны Сербского княжества в Боснию и Герцеговину направляются добровольцы, но особенно тем, что формировался кабинет правительства «сторонников» войны.

Белград начал готовиться к боевым действиям. Сербская армия не была готова к войне с регулярной турецкой армией, и правительство в Белграде прекрасно понимало это, как и то, что в государственной кассе Сербского княжества не хватало денежных средств на военные нужды. Как известно, деньги – это нерв войны и подготовка к ней требовала серьезного финансирования, поиск которого стал важной частью внутренней и внешней политики Сербского княжества.

Решением проблемы подготовки к потенциальной войне занимались в период с 1875 по 1876 г. три сербских правительства: «правительство действия» (19 августа – 26 сентября 1875 гг.)¹, во главе которого стоял Стевча Михайлович, правительство Любомира Калевича (26 октября 1875–24 апреля 1876 г.) и второе «правительство действия» Стевчи Михайловича (24 апреля 1876–1 октября 1878 гг.). Как отметил сербский историк Петр Милосавлевич, основная подготовка касалась в первую очередь экономической и финансовой политики сербского государства, а также вопросов организации, снабжения армии и сбора данных в соседних землях [8. С. 131].

Проблема подготовки сербского княжества к войне с Высокой Портой в период с 1875 по 1876 г. была рассмотрена в исследованиях таких авторов, как

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

Петр Милосавлевич [8], Сузана Раич [10]. Стоит отметить также работы экономистов, занимающихся историей финансовой и экономической политики Сербии, таких как Драгана Гнятович [12] и Бошко Миятович [6; 7]. Из отечественных специалистов можно назвать историка С.А. Никитина, подробно рассмотревшего в книге о деятельности славянских комитетов в Российской империи работу Милослава Протича, посвященную поиску займа [4]. В данной статье используются материалы фонда Петроградского (Петербургского) международного коммерческого банка, Российского государственного исторического архива (РГИА), где хранится договор между сербским правительством (его в Петербурге представлял Милослав Протич) и тремя банками Российской империи. Также в данном фонде представлены документы в виде выписок из протоколов правительственного совета и запрос от Милослава Протича о предоставлении аванса Сербскому княжеству². В качестве источника также используются материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)³. Несмотря на серьезный интерес специалистов к этой теме, до сих пор остается не до конца изученным вопрос о том, как реализовывался заем Сербского княжества технически и какие регламентированные практики применялись для поиска финансирования подготовки к войне с Турцией 1876 г.

Целью данной статьи является рассмотрение финансовых мер сербского правительства, которые осуществлялись для подготовки Сербии к войне с Османской империей в период с 1875 по 1876 г.

Восстание в Боснии и Герцеговине, вспыхнувшее летом 1875 г., пришлось на период острого политического кризиса в Сербском княжестве. Князь Милан Обренович еще весной 1875 г. расформировал скупщину и пытался добиться с помощью его сторонников-консерваторов прихода лояльных сил [2. С. 211]. Восстание в Боснии и Герцеговине активно поддержало население Сербии: в сербских городах начали появляться комитеты помощи повстанцам, а в места сопротивления турецкой власти отправлялись добровольцы. Консерваторы выступали против подготовки к войне с Высокой Портой, тогда как сербские либералы, напротив, всячески одобряли военные настроения сербского населения [5. С. 496]. В августе 1875 г. были проведены выборы в скупщину, по результатам которых они заняли существенные позиции [2. С. 211]. Сам князь пытался избежать вступления Сербии в войну, так как опасался ухудшения отношений с великими державами [5. С. 484]. При этом он беспокоился и о том, что кризис в Боснии и Герцеговине может усугубить политическую нестабильность в княжестве. Увидев реакцию сербского населения и результаты августовских выборов 1875 г., Милан Обренович составил кабинет министров, ключевые позиции в котором занимали либералы министр иностранных дел Йован Ристич и Стевча Михайлович. В историографию данное правительство вошло под названием первое «правительство действия». Практически с самого начала работы оно активно взаимодействовало со скупщиной в вопросах организации армии и поддержки восстания в Боснии и Герцеговине. 4 сентября 1875 г. прошло заседание совета министров, где было принято решение запросить 3 000 000 дукатов. Сразу отмечу, что курс 1 дуката составлял 12 сербских динаров (перфорированный дукат стоил 11,8 динаров)⁴. Таким образом сербское правительство планировало собрать 36 000 000 динаров. Предполагались следующие статьи расходов:

² РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1157.

³ ГА РФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1462, 1463.

⁴ Зборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. Београд: Штампа и издање државне штампарије, 1877. С. 394.

- 1) 1 000 000 дукатов на помощь повстанцам;
- 2) 1 000 000 дукатов на подготовку вооруженных сил;
- 3) 1 000 000 дукатов как резерв на случай войны⁵.

К 26 сентября первое «правительство действия» ушло в отставку. Милан Обренович собрал новое правительство во главе с либералом Любомиром Калевичем, действовавшее с 26 сентября 1875 г. по 24 апреля 1876 г., рассчитывая, что оно займет более мягкую позицию в отношении Высокой Порты. Кабинет Калевича пытался удовлетворить все политические круги Сербии. В состав правительства вошел молодой политический деятель, консерватор Джордже Павлович, который занял пост министра иностранных дел, либералы Стоян Бошкович в качестве министра образования и министр финансов Милован Янкович — крайне влиятельный и опытный политик и др. [5. С. 456]. Правительство Калевича сразу акцентировало внимание на внутренние реформы Сербского княжества. Но, несмотря на это, именно при Калевиче начались существенные попытки поиска военных союзников и способов подготовки княжества к военным действиям против Османской империи. 13 октября 1875 г. скупщина в соответствии с запросом Милована Янковича поручила правительству осуществить заем до 24 000 000 динаров, которые должны были пойти на «организацию и мобилизацию нашей народной армии»⁶. Так же заем предназначался для помощи «страдающим братьям в Турции», т.е. народу Боснии и Герцеговины и в целом для защиты интересов сербского народа⁷. 16 октября 1875 г. скупщина приняла соответствующий закон, по которому министр финансов мог занять средства в пределах уже одобренной суммы на территории Сербского княжества и за его пределами⁸. Наличные на расходы по реализации займа министр финансов должен был брать из государственной кассы. Указанную сумму предполагалось потратить на:

- 1) вооружение сербской народной армии: покупку оружия, амуниции, лошадей, транспортных средств, продовольствия и другие военные нужды — 18 000 000 динаров;

- 2) помощь восставшим на территории Турции — 6 000 000 динаров⁹.

19 января 1875 г. в соответствии с запросом заместителя министра финансов и министра строительства Стевана Здравковича, впоследствии занявшего пост министра финансов, Народная скупщина одобрила дополнение к законодательному решению 13 октября 1875 г., по которому правительство уполномочивалось заключить уже определенный заем с процентной ставкой не более 10% годовых от полной стоимости. Проценты по кредиту должны были выплачиваться в первый год, а тело кредита — позже и не более чем под 2% годовых. В качестве гарантии правительство могло предоставить облигации фондов или шахт Сербии¹⁰. 50% суммы, т.е. 12 000 000 динаров, планировалось собрать с населения Сербского княжества. В случае отказа иностранных кредиторов в займе, указанное решение предусматривало сбор принудительного займа с населения в размере 18 000 000 динаров и выплату 8% годовых со сроком погашения не более пяти лет¹¹. Также правительство наделялось полномочиями до исполнения займа

⁵ Грујић Ј. Записи. Књ. 3. Друга влада Обреновића и турски ратови. Београд: Будућност, 1923. С. 112.

⁶ Грујић Ј. С. 152.

⁷ Грујић Ј. С. 152.

⁸ Грујић Ј. С. 154.

⁹ Грујић Ј. С. 152.

¹⁰ Грујић Ј. С. 156.

¹¹ Грујић Ј. С. 156.

расходовать на военные нужды все наличные средства государственной кассы, все капиталы и депозиты, которые идут в государственную кассу¹². Все это должно было осуществляться под контролем специального комитета скупщины.

24 апреля 1876 г. к власти снова пришло «правительство действия» Михаиловича – Ристича. В контексте работы этого кабинета министров стоит отметить деятельность министра финансов Владимира Йовановича, который занимался проработкой вопроса финансирования военных расходов. Уже 29–30 апреля 1876 г. он указывал на то, что предыдущее правительство приступило только к реализации внутреннего займа и смогло собрать около 35 000 дукатов или 420 000 динаров. В этой связи правительственный совет по предложению Йовановича решил приступить к реализации как добровольного, так и принудительного займов¹³. В государственной кассе на тот момент находилась сумма, не превышавшая 70 000 дукатов¹⁴.

Для управления займом было создано специальное подразделение в рамках министерства финансов¹⁵. В соответствии с указом Милана Обреновича 6 мая 1876 г., штатное расписание этого подразделения предполагало следующие должности: казначей, бухгалтер, руководитель подразделения и его помощник, контролер и др. Оно должно было следить за потоками входящих и исходящих финансовых поступлений в части сербского народного займа, а также вести его бухгалтерский учет. В соответствии с регламентом, изданным 10 мая 1876 г., в состав контролирующего органа вводились еще два члена государственного совета, два бывших министра или советника, два члена соответствующего комитета скупщины, два чиновника наивысшей категории из контролирующего органа и один чиновник из Министерства финансов¹⁶.

Руководителем подразделения по управлению займом был назначен бывший министр финансов Милован Янкович, а его заместителем – секретарь министерства финансов 1 класса Светозар Стефанович¹⁷. В полномочия управления сербского займа также входили протоколирование решений о печати облигаций и решение задач по регулированию и контролю печати специальных облигаций и оборудования для их печати, которые хранились в Министерстве финансов и доступ к которым по ключам имели три человека: министр финансов, председатель государственного совета и один депутат скупщины¹⁸.

По правилам привлечения займа Министерство финансов должно было направить руководителям округов специальные квитанции, которые имели силу облигаций до той поры, пока нужное количество облигаций не будет напечатано, а также распоряжение во все административные единицы с указанием необходимой суммы сбора для каждой из них¹⁹. Полученные квитанции передавались из окружного в городское управление, а городское управление уже распределяло их по общинам. Одна временная квитанция (или, в последствии, облигация) стоила 50 динаров, в ней указывались фамилия и имя человека, который предоставлял заем. После подписания квитанции получателем займа, документ передавался займодавцу.

¹² Грујић Ј. С. 156.

¹³ Грујић Ј. С. 158.

¹⁴ Грујић Ј. С. 158.

¹⁵ Сборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. С. 303.

¹⁶ Сборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. С. 330.

¹⁷ Српске Новине. № 102. 10 маја 1876. Београд. С. 1.

¹⁸ Сборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. С. 331.

¹⁹ Сборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. С. 332.

Сбор средств с населения Сербского княжества шел сравнительно медленно. К 29 июля 1876 г. сербское правительство смогло собрать только 3 705 829 динаров, т.е. около 30,9% от ожидаемой суммы²⁰. В этой связи оно решило напечатать лишь часть государственных облигаций, т.е. 120 000 листов. Можно сделать вывод, что к 29 июля 1876 г. сербское правительство, с учетом выданных временных квитанций (облигаций), рассчитывало собрать уже не полную сумму, а около 6 000 000 динаров, исходя из того, что каждая облигация стоила 50 динаров.

Вторую половину от общей суммы планировалось собрать за счет иностранных займов. Поиски средств в других государствах сербское правительство начало еще при Любомире Калевиче. Занимался этим вопросом в том числе и будущий министр финансов, а в период правительства Калевича народный посланник скупщины Владимир Йованович. Он написал в воспоминаниях: «Кредитное бюро в Белграде имело связи с кредитным банком в Вене (*Credit-Anstalt*), я предположил, что это венское бюро может быть заинтересовано в содействии реализации нашего государственного займа»²¹. В том, что *Credit-Anstalt* согласится на заем, Йовановича заверили и директор белградского кредитного бюро Миросавлевич, и агент Сербии в Вене Коста Цукич, но в австрийском банке на запрос дать заем на «военную подготовку» ответили отказом. Из Франкфурта-на-Майне Йованович сообщил, что ни один европейский банк не даст Сербии заем на непродуктивные военные расходы. Он посетил Голландию (Амстердам и Гаагу), Францию (Париж), Англию (Лондон) и везде получил отказ. В Париже банк *Credit Mobilier* согласился на заем Сербии, но только в том случае, если она предоставит одно поручительство. Вернувшись в Белград, Йованович предложил занять деньги в России²².

18 июня 1876 г. Сербское княжество объявило войну Османской империи. Все надежды на получение необходимого внешнего займа теперь были связаны с Российской империей. Уже в июле 1876 г. в Петербург направился член Кассационного суда Сербского княжества и комитета, занимавшегося контролем за исполнением государственных обязательств Милослав Протич²³. Сербский юрист, занимавший пост кассационного судьи, Никола Крстич в дневниковой записи за 10 июля 1876 г. отметил, что вместо Протича членом данного комитета был выбран Димитрие Голубович, другой служащий Кассационного суда, по причине того, что Протич «был в пути», т.е. ехал в Петербург²⁴.

14–15 июля 1876 г. сербское правительство приняло решение направить в Российскую империю митрополита Михаила с письмом князя царю Александру II и задачами заручиться дружбой и поддержкой российского правительства в важных для Сербии вопросах, запросить у него заем, склонить его к добровольной помощи сербскому народу против турок и расположить к сербам русский народ²⁵. 30 июля от министра иностранных дел Российской империи А.М. Горчакова генеральному консулу в Белграде А.Н. Карцову поступило поручение «отклонить приезд митрополита Михаила»²⁶. 5 августа 1876 г. Йован Ристич сообщил на заседании Совета министров, на котором присутствовал князь

²⁰ Сборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. С. 658.

²¹ *Јовановић В.* Успомене. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1988. С. 287.

²² *Јовановић В.* С. 287.

²³ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот II (1. Јануар 1868–31. Децембар 1876). Београд: Завод за уџбенике, 2006. С. 318.

²⁴ *Крстић Н.* С. 340

²⁵ *Грујић Ј.* С. 196.

²⁶ ГА РФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1462. С. 290.

Милан, что российское правительство не считает приезд митрополита необходимым, поскольку оно само заботится о Сербии, а визит митрополита мог быть негативно воспринят европейскими державами²⁷.

По приезде в Петербург, Милослав Протич получил рекомендательные письма от известного публициста, славянофила Ивана Сергеевича Аксакова, а его жена, Анна Федоровна Аксакова, передала письмо сестре Дарье Федоровне Тютчевой, которая помогла Протичу установить связи с необходимыми официальными лицами [4. С. 297]. Интересна в этой связи запись в дневнике министра государственных имуществ П.А. Валуева за 2 июля, где он написал о некоем «сербском агенте», «который просит 6 миллионов, предваряя, что если мы их не дадим, то все движение рухнет через 3 недели [...]». Кн. Горчаков нашел более удобным вовсе не принимать агента²⁸. Из этой короткой записи можно сделать вывод, что Протич обращался в Министерство иностранных дел, но ничего существенного там не добился. Министр финансов Российской империи М.Х. Рейтерн направил Протича к управляющему Государственным банком Е.И. Ламанскому [4. С. 297]. 16 июля 1876 г. уполномоченный представитель Сербского княжества сообщил в Белград, что взять заем у банков не получится, но можно осуществить заем у частных лиц²⁹. Уже 21 июля 1876 г. в Петербурге было устроено тайное совещание с представителями частных банков [4. С. 297]. 30 июля 1876 г. Протич от имени сербского правительства заключил договор с тремя российскими банками: Санкт-Петербургским международным коммерческим, Русским для внешней торговли и Волжско-Камским коммерческим банками. Стороны договорились о займе на следующих условиях: «Господин Протич обязывается доставить в течении шести недель, считая с сего числа 250 000 квитанций, по 15 рублей каждая, всего на сумму 3 750 000 кредитных рублей, составляющих сербский 6% заем 1876 г., выпускаемый с разрешения сербского правительства, с тем: а. что квитанции эти имеют силу подлинных облигаций сего займа, б. что сербское правительство до 1-го августа 1887 г. обязуется обменять эти квитанции на подлинные облигации и в. что сербское правительство, ежегодно, заблаговременно, во всяком случае не позже 15 июля старого стиля каждого года, обязывается доставлять в распоряжение вышеозначенных банков, впредь до полного погашения займа триста тысяч кредитных рублей (300 000) на уплату процентов и погашений по сему займу»³⁰. Если учесть то, что 1 руб. стоил приблизительно 2,5 динара [9. С. 21], Сербское княжество могло получить 9 375 000 динаров, но только при условии успешной продажи облигаций. В соответствии с договором банки должны были выдать Протичу под гарантии сербского правительства аванс до 1 000 000 кредитных рублей «с тем, что этот аванс удерживается банками из первых реализуемых от продажи квитанций или облигаций сумм»³¹. Остальную сумму предполагалось передавать Протичу без процентов по мере реализации займа, с учетом удерживаемых расходов банков.

По договору о займе банки обязывались не взимать с сербского правительства никаких процентов или комиссий за аванс и реализацию квитанций и облигаций займа, но в соответствии с п. 2, без «ручательства за помещение оных»,

²⁷ Грујић Ј. С. 206.

²⁸ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел (1865–1876 гг.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. II. С. 374.

²⁹ Грујић Ј. С. 197.

³⁰ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1157. Л. 4.

³¹ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1157. Л. 4.

т.е. без гарантии их размещения³². Это означало, что вопрос эмиссии облигаций зависел от решения банков и они могли отказать сербскому правительству в размещении облигаций. В первую очередь это связано с тем, что банки не могли позитивно оценить кредитные возможности княжества [9. С. 18]. Другими словами, они оставляли за собой возможность исключить возможные риски.

2 августа 1876 г. Милослав Протич обратился в Петербургский международный коммерческий Банк и просил в этот же день перевести «по телеграфу в Белград Сербскому митрополиту Михаилу в счет означенного миллиона рублей сумму пятьсот тысяч гульденов австрийским или французским золотом»³³. 9 августа 1876 г. он ратифицировал договор с банками, заключенный 30 июля 1876 г.³⁴ Существенную поддержку в реализации займа оказали славянские комитеты Российской империи. С.А. Никитин утверждал, что Петербургский комитет выдал сначала летом 1876 г. 30 000 руб., а в конце сентября, по согласованию с Московским славянским комитетом, 100 000 руб. [4. С. 298]. Как написал отечественный историк В.Н. Виноградов, русская общественность «встала горой на защиту славян» [1. С. 209].

Сербское правительство считало, что реализация займа шла успешно, но 9 сентября 1876 г. Протич сообщил Ристичу об опасениях банкиров, предоставивших заем, что продажи квитанций не смогут покрыть даже выданный правительству аванс в 1 млн рублей, так как к 9 сентября спрос на них практически упал до нуля³⁵.

Заключенный договор с банками Российской империи обнадежил правительство Сербского княжества. 16 сентября 1876 г. Владимир Йованович предложил уменьшить сумму добровольного и принудительного внутреннего займа в случае, если заем, взятый у российских банков, будет получен в полном объеме. Эта мера была необходима для того, чтобы общая сумма внутреннего и внешнего займа не превышала 24 000 000 динаров и, отчасти основывалась на уже описанном решении сократить количество облигаций, принятом 29 июля 1876 г.³⁶ Петр Милосавлевич отметил, что можно даже говорить о некотором оптимизме, царившем в правительственном совете в связи с надеждой на успешную реализацию займа [8. С. 138].

Помощь со стороны Российской империи для Сербского княжества носила даже не столько финансовый, сколько в каком-то смысле экзистенциальный характер. Поддержка со стороны славянских комитетов России убеждала сербскую политическую элиту в том, что Российская империя поможет Сербии, в том числе и в вопросе финансирования. Тем не менее официальная позиция Российской империи заключалась в стремлении урегулировать кризис мирно. Об этом говорят, например, рекомендации А.М. Горчакова А.Н. Карцову 12 июня 1876 г., в которых министр иностранных дел предупредил, что «турки желают атаки сербов в надежде их разгромить. Обратите самым настоятельным образом внимание Милана на опасность, которой он подвергается, если выйдет из оборонительного положения»³⁷. Правительство Российской империи хотело, с одной стороны, убедить Сербию от неминуемой катастрофы, с другой, исключить конфликт с великими державами, что сводило на «нет» официальное финансирование военных

³² РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1157. Л. 4.

³³ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1157. Л. 5.

³⁴ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1157. Л. 6.

³⁵ Грујић Ј. С. 222.

³⁶ Грујић Ј. С. 226.

³⁷ ГА РФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1463. С. 220.

расходов Сербского княжества. За время службы Горчаков сумел избежать вовлечения Российской империи во внешние конфликты и тем самым смог создать внешние условия для успешного осуществления реформ царя Александра II [1. С. 210]. Тем не менее полностью игнорировать ситуацию ни Горчаков, ни Александр II не могли: российское общество открыто выступало за поддержку славян на Балканах. Но, как отметил вслед за отечественным историком С.А. Никитиным [4. С. 297] С. Раич, заем у частных лиц был невозможен без одобрения правительства Российской империи [10. С. 458]. Разрешение правительства реализовать заем через российские банки, с одной стороны, позволило оказать поддержку сербам без его официального участия, с другой, стало свидетельством дискурсивного сдвига в сторону поддержки балканских славян и очевидным шагом в сторону подготовки к войне с Османской Портой.

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах, сербское правительство могло заручиться поддержкой в реализации займа при посредничестве банков, но не при прямом займе у самих банков. С учетом сложившихся обстоятельств это был один из самых реалистичных способов собрать необходимые средства. Банки предоставляли аванс и брали на себя функцию агента в реализации займа. Тем не менее главной проблемной точкой данной операции оказался запрос на покупку облигаций займа со стороны населения Российской империи. В российских газетах, таких как «Русские ведомости» и «Новое время» печатались объявления о сербском займе, но реакция на эти объявления была не столь внушительной, как на то мог бы рассчитывать Белград [4. С. 298]. Именно проблема при продаже облигаций и привела к существенному сокращению передаваемых Сербскому княжеству сумм по указанному договору. С другой стороны, деньги выдавались по номинальной стоимости, что было выгодно для сербов [12. С. 49].

8 декабря 1876 г. министр финансов Сербского княжества известил правительственный совет под председательством князя Милана Обреновича, что по результатам добровольного и принудительного займов было собрано 322 567 дукатов и 5 динаров, а за пределами Сербии – 501 141 дукат и 6 динаров, из которых 482 979 дукатов помогла собрать Российская империя. В целом, по результатам займа было собрано 823 708 дукатов и 11 динаров, т.е. 9 884 507 динаров. В соответствии с решением 13 октября 1875 г., Сербское княжество также могло использовать средства частных депозитов и реквизировать имущество. За счет указанных выше мер, оно собрало большую сумму, направленную в конечном счете на военные нужды. По подсчетам Петра Милосавлевича, в итоге, сербское правительство смогло покрыть военные расходы на 81,6% [8. С. 139]. 3 декабря 1876 г. Владимир Йованович сообщил на правительственном совете, что из главной государственной кассы выдано 1 101 987 дукатов или 13 223 844,11 динара, а 8 декабря 1876 г. – 1 200 000 дукатов или 14 400 000 динаров³⁸.

Что касается долга по займу через банки Российской империи, то в результате Сербское княжество должно было русским банкам 2 130 000 рублей. К 1881 г. долг по займу составлял 1 836 405 руб., а к 1907 г. – уже 1 500 000 руб. или 3 750 000 динаров [9. С. 21]. Стоит отметить, что Российская империя также предоставляла средства Сербскому княжеству в период русско-турецкой войны. Экономист Бошко Миятович считал, что в целом вторую сербско-турецкую войну финансировала Российская империя [6. С. 43]. Йован Ристич указал на то, что император Александр II обещал Сербскому княжеству 1 000 000 руб. на

³⁸ Гружић Ј. С. 256.

подготовку армии и 300 000 руб. для пострадавших в ходе военных действий³⁹. 13 августа 1877 г. князь А. Н. Церетели (Церетелев) передал министру 500 000 руб., а спустя непродолжительное время Сербское княжество получило оставшуюся сумму [3. С. 73]. Тем не менее средства, направленные Российской империей для участия Сербии в войне 1877 г. не учитывались как взятые в качестве займа 1876 г. Несмотря на финансовую помощь со стороны России, балканская страна медлила с выступлением против Османской империи, что разочаровывало как русских офицеров и чиновников, так и самого императора Александра II. В целом, вопрос о финансовой поддержке Сербского княжества в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. требует отдельного исследования в дальнейшем.

Таким образом, в условиях тяжелых последствий войны с Османской империей Сербское княжество оказалось в состоянии, когда реформа армии требовала дополнительных финансовых вливаний. Не получив поддержки от других государств, оно нашло возможность реализации займа у трех русских банков, которые даже выдали сербскому правительству аванс в размере 1 000 000 рублей. Несмотря на позитивный старт займа в Российской империи, полностью заем в 3 750 000, как и сербский добровольный и принудительный народные займы, реализован не был. В итоге Сербское княжество не смогло оказать успешного сопротивления регулярной армии Османской империи и была спасена от катастрофы только благодаря помощи Российской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
РГИА – Российский государственный исторический архив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел (1865–1876 гг.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. II. 586 с.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 828. Горчаков Александр Михайлович, князь дипломат, министр иностранных дел, государственный канцлер. Оп. 1.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 626. Петроградский (Петербургский) Международный коммерческий банк (1869–1917). Оп. 1. Д. 1157.
- Грујић Ј.* Записи. Књ. 3. Друга влада Обреновића и турски ратови. Београд: Будућност, 1923. 377 с.
- Зборник закона и уредаба изданих у Књажеству Србији. Београд: Штампa и издање државне штампарије, 1877. 782 с.
- Јовановић В.* Успомене. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1988. 527 с.
- Крстић Н.* Дневник. Јавни живот II (1. Јануар 1868–31. Децембар 1876). Београд: Завод за уџбенике, 2006. 444 с.
- Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова. За ослобођење и независност 1875–1878. Београд: Просвете, 1896. Т. II. 363 с.
- Српске Новине. № 102. 10 маја 1876. Београд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М.: Наука, 2005. 302 с.
2. *Карасев А. В., Искендеров П. А.* Сербия и Черногория на волне Восточного кризиса // История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: URSS; КРАСАНД, 2013. С. 211–234.
3. *Кузьмичева Л. В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Сербия // Славянский альманах 1996. М.: Индрик, 1996. С. 68–86.

³⁹ *Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова. За ослобођење и независност 1875–1878. Београд: Просвете, 1896. Т. II. С. 15.

4. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960. 364 с.
5. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд: Геца Кон, 1934. Т. 1. 526 с.
6. Мијатовић Б. Земља, новац, држава. Из српске економске историје. Београд: Архипелаг, 2018. 280 с.
7. Мијатовић Б. Историја државних финансија Србије 1876–1895. Београд: Архипелаг, 2021. 501 с.
8. Милосављевић П. Припреме за рат са Турском 1876. године // Балканица IX. Београд: Заедница науке Србије, 1978. С. 131–158.
9. Недељковић М. Историја српских државних дугова од 1867–1895 год. Београд: Штампарија «Штампе» Стеве М. Ивковића и комп. 1909. 209 с.
10. Рајић С. Спољна политика Србије између очекивања и реалности. 1868–1878. Београд: Српска књижевна задруга, 2015. 583 с.
11. Чубриловић В. Босански устанак 1875–1878. Београд: Балканолошки институт САНУ, 1996. 384 с.
12. Грјатовић Д. Srbski državni dolgovi 1862–1914 // Prispevki za novejšo zgodovino. № 1. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2010. S. 45–56.

REFERENCES

- Čubrilović V. Bosanski ustanak 1875–1878. Beograd, Balkanološki institut SANU Publ., 1996, 384 p. (In Serb.)
Gnjatović D. *Srbski državni dolgovi 1862–1914*. Prispevki za novejšo zgodovino. № 1. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino Publ., 2010, pp. 45–56. (In Sloven.)
Jovanović S. *Vlada Milana Obrenovića*. Beograd, Getsa Kon Publ., 1934, t. 1, 526 p. (In Serb.)
Karasev A. V., Iskenderov P. A. *Serbiya i Chernogoriya na volne Vostochnogo krizisa*. Istoriya Balkan: Sud'bonosnoe dvadtsatiletie (1856–1878 gg.) / otv. red. V. N. Vinogradov. Moscow, URSS Publ.; KRASAND Publ., 2013, pp. 211–234. (In Russ.)
Kuz'micheva L. V. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. i Serbiia*. Slavianskii al'manakh 1996. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 68–86. (In Russ.)
Mijatović B. *Zemlja, novac, država: iz srpske ekonomske istorije*. Beograd, Arhipelag Publ., 2018, 280 p. (In Serb.)
Mijatović B. *Istorija državnih finansija Srbije. 1876–1895*. Beograd, Arhipelag Publ., 2021, 501 p. (In Serb.)
Milosavljević P. *Припреме за рат са Турском 1876. Године*. Balkanica IX. Beograd, Zaednica nauke Srbije Publ., 1978, pp. 131–158. (In Serb.)
Nedeljković M. *Istorija srpskih državnih dugova od 1867–1895 god*. Beograd, Štamparija «Štampe» Steve M. Ivkovića i komp. Publ., 1909, 209 p. (In Serb.)
Nikitin S. A. *Slavyanskije komitety v Rossii v 1858–1876 godakh*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1960, 364 p. (In Russ.)
Rajić S. *Spoljna politika Srbije između očekivanja i realnosti*. 1868–1878. Beograd, Srpska književna zadruga Publ., 2015. 583 p. (In Serb.)
Vinogradov V. N. *Balkanskaia epopeia kniazia A. M. Gorchakova*. Moscow.: Nauka Publ., 2005. 302 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Никифоров Денис Игоревич,
соискатель ученой степени кандидата
исторических наук Московского
государственного института международных
отношений (университет),
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-1580-6707.
E-mail: denisen1@mail.ru

Information about the author:

Nikiforov Denis Igorevich,
candidate of Sciences degree-seeking student,
MGIMO-University (Moscow State Institute of
International Relations).
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-1580-6707.
E-mail: denisen1@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 34–43

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 34–43

DOI: 10.31857/S0869544X0025870-0

Оригинальная статья / Original Article

Отношение Николая II и его окружения к украинскому национальному движению

© 2023 г. Д.С. Парфирьев

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

parfiryeff@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано отношение к украинскому национальному движению императора Николая II, его родственников и высокопоставленных сановников. Император не видел в украинском движении реальной угрозы для единства русского народа: осознавая языковые и культурные особенности населения юго-западных губерний и зная о существовании украинского движения в России, он воспринимал население Малороссии как безусловно русское, поэтому не обращал внимания на украинские национальные устремления. Во время Первой мировой войны украинский вопрос обострился на фоне борьбы с унией в Галиции, но российский правитель отстранился от него. Он солидаризировался с позицией высшей бюрократии и правоконсервативных кругов, чье отношение к украинскому движению и унии было почти исключительно негативным.

Ключевые слова: украинский вопрос, украинское движение, униаты, Первая мировая война, Николай II, С.Д. Сазонов.

Ссылка для цитирования: *Парфирьев Д.С.* Отношение Николая II и его окружения к украинскому национальному движению // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 34–43. DOI: 10.31857/S0869544X0025870-0

The Attitude of Nicholas II and his Entourage to the Ukrainian National Movement

© 2023. Dmitrii S. Parfirev

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

parfiryeff@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the attitude of Nicholas II and his entourage, relatives and high-ranking dignitaries, to the Ukrainian national movement. The emperor did not see Ukrainian movement as a threat for Russian people unity. He recognized language and cultural peculiarities of South Western governorates' population and knew about Ukrainian movement's existence in Russia, but Little Russian population seemed to him to be undoubtedly Russian, so, he ignored Ukrainian national

aspirations. During the World War I, the Ukrainian question escalated in relation to struggle with the Uniate church in Galicia, but the ruler of Russia eliminated from getting to bottom to this question. He solidarized with high bureaucracy and right-conservative circles, whose attitude to the Ukrainian question and the Uniate church was strictly negative.

Keywords: Ukrainian question, Ukrainian movement, uniates, World War I, Nicholas II, Sergey Sazonov.

Reference for citation: *Parfirev Dmitrii S.* The Attitude of Nicholas II and his Entourage to the Ukrainian National Movement // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 3. Pp. 34–43. DOI: 10.31857/S0869544X0025870-0

В царствование Николая II украинский вопрос в России постепенно набирал остроту [6]. Перепись населения 1897 г. показала, что малороссы составляют 18% населения империи, занимая по численности второе место после великороссов (44%) [4. С. 260]. Революция 1905 г. дала украинскому движению мощный импульс. Прежние ограничения на использование «малороссийского наречия» были сняты, а Петербургская академия наук признала его самостоятельным языком. На местах возникали ячейки общества «Просвита», учреждались украинские газеты и политические партии, в Государственной думе депутаты-украинцы требовали культурной автономии и преподавания в школах на украинском языке. Как же в этих условиях относилась к украинской проблеме правящая элита? Настоящая статья посвящена взглядам на украинский вопрос самого Николая II, представителей династии и высшей бюрократии того времени, а также правительственному курсу по отношению к украинскому движению.

Для русских правящих кругов, по замечанию британского историка Д. Ливена, Малороссия была тем же, чем и Йоркшир для британской элиты, — «регионом с очаровательными традициями и странным местным акцентом» [7. С. 73]. Один из великих князей описывал Николаю II свой летний отдых в Херсонской губернии в духе произведений «Санин» М.С. Арцыбашева и «Олеся» А.И. Куприна: «Воздух здесь бесподобный. Приволье полное. Не видно горизонта. Все поля, поля... до бесконечности. На заре охочусь на дрохв и на что попало. Пока убил 6 лисиц, 14 перепелов и 8 куропаток, делая загоны с шестью мальчуганами (по-здешнему, хлопцами)»¹. Сам император часто бывал в юго-западных губерниях проездом, в основном по пути в Крым, но совершал и целенаправленные визиты, например, в Полтаву в 1909 г. или в Киев в 1911 г. В близком окружении Николая II не было людей, хорошо осведомленных об украинском движении. В годы Первой мировой войны, когда вопрос находился на пике остроты, из 40 человек, входивших в Совет министров, только трое родились в малороссийских губерниях и двое представляли малороссийские роды — И.К. Григорович и П.А. Стахович. Личный адъютант императора П.П. Скоропадский, черниговский помещик и потомок одного из гетманов XVIII в., не имел никакого отношения к украинскому движению и лишь после Февральской революции задумался о том, чтобы «сделаться украинцем, но [...] не особенно убежденным»². Весной 1915 г. глава правительства И.Л. Горемыкин заверял французского посла, что в национальном отношении малороссы — такие же русские, как и москвичи, но с выраженным местным колоритом³.

¹ Великий князь Николай Михайлович — Николаю II. 26 июля 1916 г., Грушевка (Херсонская) // Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л.: М.: Госиздат, 1925. С. 79.

² П.П. Скоропадский — жене. Углы, 12 марта 1917 г. // Исторический архив. 2002. № 5. С. 143.

³ *Палеолог М.* Дневник посла. М.: Захаров, 2003. С. 286–287.

Николаю II импонировали встречи с малорусскими крестьянами: во время полтавских торжеств 1909 г. он общался с выстроеными на площади жителями окрестных сел более двух часов, а в Чернигове на следующий день после покушения на П.А. Столыпина в Киеве в 1911 г. – более трех часов. В апреле 1915 г., на пути из Проскурова в Каменец-Подольский, император сам пожелал встретиться с крестьянами. Местные жители падали перед царем на колени, целовали его одежду и руки. В конце встречи крестьянам раздали серебряные часы [5. С. 127]. По воспоминаниям одного крупного сановника, «его величество впоследствии часто вспоминал беседы со “столь преданными ему славными хохлами”»⁴. Их лояльность не вызывала сомнения: по свидетельству великого князя Александра Михайловича, когда германский император Вильгельм II «дразнил своих русских кузенов на тему о сепаратистских настроениях украинцев», это воспринималось как безобидная шутка⁵.

Слова с основой *-украин-* почти не употреблялись Николаем II. Они практически не встречаются в дневниковых записях последнего императора за 1894–1918 гг. и в его опубликованных письмах матери и жене. Исключение составляют упоминания об эскадренных миноносцах типа «Украина», причем как через «и», так и через «й»⁶. Вероятно, император произносил «Украина» с ударением на первую «а»⁷. Слову «Украина» в географическом значении Николай II предпочитал топоним «Малороссия»⁸, как, впрочем, и другие представители дома Романовых⁹. Младшая сестра последнего царя, великая княгиня Ольга Александровна, продолжала писать так даже в эмиграции¹⁰. Еще более показательный пример – мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна. В ее опубликованных дневниках за 1914–1923 гг. топоним «Украина» встречается единожды и в критическом контексте – 24 ноября 1917 г.: «Говорят, будто Украина объявила себя самостоятельной республикой, объединяющей 9 губ. – Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Харьковскую, а также Таврическую, за исключением самого Крыма. До чего же это смешно и глупо»¹¹. В 1918 г., когда этот топоним был уже на слуху (а Мария Федоровна пристально следила за событиями в Киеве, где жила до этого несколько лет), в дневниках вдовствующей императрицы он отсутствовал. Комментарии по поводу гетмана Скоропадского и Петлюры, негодование из-за убийства петлюровцами генерала Ф.А. Келлера, – все это не сопровождалось указанием на их «украинское»

⁴ Мосолов А. При дворе императора. Рига: Филин, 1937. С. 108–109. Необходимо отметить, что слово «хохол» в начале XX в. обычно употреблялось без негативной коннотации [6. С. 441].

⁵ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 233.

⁶ Николай II – Марии Федоровне. «Полярная звезда», 7 сентября 1905 г. // Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М.: Индрик, 2017. С. 538; Николай II – Марии Федоровне. Петергоф, 16 июля 1913 г. // Переписка императора Николая II с матерью. С. 895; Дневники императора Николая II. М.: РОССПЭН, 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 45, 53, 57, 58, 769.

⁷ Великий князь Александр Михайлович также использовал вариант «Украйна» (Александр Михайлович – Николаю II. Киев, 16 марта 1917 г. // Источник. 1997. № 1 (26). С. 24).

⁸ Дневники императора Николая II. М.: РОССПЭН, 2013. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. С. 121.

⁹ См., например: Дневник князя императорской крови Олега Константиновича. 1900–1914 гг. М.: Буки Веди, 2016. С. 81; Дневники императрицы Марии Федоровны. М.: ВАГРИУС, 2005. С. 165; Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. М.: Буки Веди, 2015. С. 65, 75.

¹⁰ Письмо Ольги Александровны А.А. Оболенской. Нвидöге, 29 ноября 1927 г. // Мария Федоровна, имп., Ольга Александровна, вел. кн., Ксения Александровна, вел. кн. Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2013. С. 97; Письмо Ольги Александровны А.А. Оболенской. Vallegur, 8 февраля 1934 г. // Письма (1918–1940). С. 121.

¹¹ Дневники Императрицы Марии Федоровны. С. 222.

происхождение¹². Другой Романов, оставивший обширное эпистолярное наследие — великий князь Константин Константинович, — не употреблял слов с основой *-украин-* в переписках с детьми и родственниками и в дневниковых записях, но использовал его в письме академику А.А. Шахматову, поскольку так выражался сам ученый¹³. Таким образом, Романовы употребляли слова «Украина» и «украинский» только в порядке реакции на чьи-то слова.

Любопытный эпизод, проливающий свет на отношение Николая II и его окружения к украинскому движению, произошел в 1909 г. в Полтаве, куда император прибыл на торжества по случаю 200-летия знаменитой битвы. Одно из протокольных мероприятий предполагало посещение выставки местных ремесленных изделий в здании губернской земской управы. Само здание было оформлено в «украинском» стиле. Императора сопровождал председатель губернской земской управы Ф.А. Лизогуб, к слову, будущий глава правительства Украины при гетмане Скоропадском. Местные газеты сообщали, что Лизогуб сказал Николаю II: «В этом доме, Государь, и на этой выставке народного труда мы, любя родную малорусскую старину, старались возродить наше народное творчество». Приняв хлеб и соль, император со свитой в сопровождении Лизогуба и членов земской управы осмотрел экспонаты и в процессе «живо интересовался выставленными изделиями и милостиво расспрашивал Ф.А. Лизогуба о некоторых отделах выставки». После осмотра Николай «соизволил приобрести некоторые вещи». По призыву Лизогуба монарха проводили громогласным «ура»¹⁴. Какие выражения использовал председатель земской управы на деле, наверняка неизвестно, но их разговор с царем оброс многочисленными слухами. Один из полтавских украинских активистов впоследствии вспоминал, что Лизогуб передал для наследника престола вышитую сорочку, и Николаю не понравились ни речь председателя управы, ни тем более подаренная сыну вышиванка¹⁵. На вопрос Николая «На каком языке надпись?» Лизогуб якобы ответил: «На нашем, украинском», за что и попал в немилость¹⁶. Дальше всех пошел украинский историк и политик Д.И. Дорошенко. В его пересказе император удивился надписям на украинском языке, а председатель управы, «к большому огорчению всех окружавших царя министров и придворных, помимо официальной программы приветствий, пояснил ему в длинной речи, что он, царь, находится сейчас в национальном украинском здании, поставленном в сердце Украины — в Полтаве, что украинцы любят и дорожат своей культурой как драгоценным наследием своих дедов, любят и уважают свой язык, и отсюда в этом здании украинские надписи. Царь молча выслушал речь Федора Андреевича, но когда он вышел, министры накинулись на Ф[едора] А[ндреевича], как он осмелился говорить то, что совсем не входило в программу церемониала царской встречи!» [11. С. 62].

К подобным интерпретациям можно относиться скептически. О поездке монарха в Полтаву в 1909 г. ходили и менее правдоподобные слухи, например, о том, что Николай II собирался пожаловать П.П. Скоропадскому почетный

¹² Дневники Императрицы Марии Федоровны. С. 243, 295–296, 301, 313.

¹³ К.К. Романов — А.А. Шахматову. Павловск, 11 апреля 1915 г. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 189–190.

¹⁴ Государь Император в Полтаве. В здании земства // Полтавский вестник. 27 июня 1909. № 1980. С. 2.
¹⁵ *Андрієвський В.* 3 минулого. Берлін: Українське Слово, 1923. Т. II. Від Гетьмана до Директорії. Частина перша: Гетьман. С. 53.

¹⁶ Н. Полонська-Василенко — І. Огієнко. 26 травня 1952 р. // Листи громадських діячів, представників української науки, культури і церкви до Івана Огієнка (митрополита Іларіона) 1910–1969. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2011. С. 346.

титул гетмана, но его отговорили от этой идеи¹⁷. Но то, что Лизогуб использовал слово «украинский», кажется возможным: великий князь Константин Константинович, присутствовавший при общении царя с председателем управы, заметил в дневнике, что здание «отделано *якобы в украинском стиле*» (курсив автора — *Д.П.*), но в нем «больше декадентства, чем самобытного»¹⁸. Кроме того, и в соседних с Полтавской губерниях либеральные земцы употребляли слово «украинский» при Николае II. Так, в Чернигове они представили царю экспозицию именно «украинских древностей», что зафиксировано в дневниковой записи царя¹⁹. Сам он обычно применял к малорусской народной культуре слово «кустарный»: увиденное в 1909 г. в Полтаве он сдержанно назвал «кустарной выставкой»²⁰, а Киевский художественно-промышленный и научный музей в письме матери определил как «кустарный музей»²¹.

В годы Первой мировой войны значение украинского вопроса для властей России возросло как никогда прежде. Правда, основным объектом внимания российской политики теперь были не «свои» украинцы, а их соплеменники из австро-венгерских Восточной Галиции и Буковины, оккупированных русскими войсками в самом начале войны. Проживавшие на этих землях русины исповедовали не православие, а греко-католичество (уния), и негативное отношение российской правящей верхушки к унии в годы войны тесно переплелось с отношением к украинскому движению [1. С. 227–228].

Еще в феврале 1914 г. П. Н. Дурново, бывший глава МВД и лидер правой группы в Государственном совете, в аналитической записке императору предостерег от присоединения Галиции: «Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров»²². Нет единого мнения, ознакомился ли Николай II с содержанием записки. Е. В. Тарле считал, что нет [10. С. 164–165], современные исследователи полагают обратное [2. С. 298; 5. С. 356]. Так или иначе меморандум Дурново был разослан нескольким адресатам — даже если «Записку» не читал сам монарх, ее видели некоторые министры и другие сановники [3. С. 84–86]. Но многие аналитики, влиявшие на принятие решений в начале войны, придерживались другой точки зрения. Так, в сентябре 1914 г. в докладной записке великому князю Николаю Николаевичу дипломатический представитель МИД при его Ставке Н. А. Базили писал, что «украинство, по-видимому, замрет само собою, если мы не допустим, чтобы его питали поляки». Верховный главнокомандующий написал на полях резолюцию: «Не допускать»²³.

¹⁷ Запись из дневника бывшего товарища генерального секретаря Украинской державы Н. М. Могилянского за 16 ноября 1919 г. — 10 февраля 1920 г. [9–10 февраля 1920 г.] // Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М.: РОССПЭН, 2014. С. 577.

¹⁸ Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 99.

¹⁹ Дневники императора Николая II. М., РОССПЭН, 2013. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. С. 592.

²⁰ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1. С. 395.

²¹ Николай II — Марии Федоровне. Севастополь, 10 сентября 1911 г. // Переписка императора Николая II с матерью. С. 815; в дневнике же император записал: «исторический музей южнорусских древностей и кустарный отдел» (Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1. С. 591–592).

²² Красная новь. 1922. № 6. С. 190.

²³ АВП РИ. Ф. 151. Оп. 474. Д. 159. Л. 34.

Отношение Николая II к ситуации в Галиции формировалось под влиянием многих факторов. Критика унии и украинского движения со стороны русских правоконсервативных кругов и поддерживаемых ими галицийских русофилов до него доходила исправно. Еще в самом начале войны, 28 августа 1914 г., царь принял одного из лидеров русофилов В. Дудыкевича, принципиального противника украинского движения и сторонника постепенного обращения галичан в православие²⁴. В годы войны император много читал правоконсервативную газету «Новое время» [7. С. 197]. Это издание оказывало большое влияние и на Александру Федоровну: императрица, по ее собственному выражению, «с жадностью набрасывалась» на газету, узнавала многие новости именно оттуда и часто ссылалась на нее в письмах мужу²⁵. «Новое время» уделяло большое внимание критике «украинства» как в самой России, так и в Галиции, одним из ее постоянных авторов был руководитель «Галицко-русского общества» в Санкт-Петербурге Д. Н. Вергун. Газета призывала заменить «выдуманную унию» «родовым православием» и ликвидировать якобы искусственно созданное Веней украинское движение²⁶.

В апреле 1915 г., накануне приезда Николая II в оккупированную Галицию, регион был соответствующим образом подготовлен: в городах и уездах заблаговременно собрали сведения об «организациях, деятельность коих была направлена во вред России»²⁷. Российские власти Львова хорошо понимали, что большинство горожан прохладно относятся к царскому визиту, но следовало продемонстрировать обратное. Во Львове, который должен был предстать перед императором «русским городом», прошла «генеральная чистка»: по маршруту следования монарха выставили войска, а толпы львовян «разбавили» специально присланными жителями окрестных селений [5. С. 123–124]²⁸. Как следствие, город предстал перед Николаем II «полным войск и русских людей»²⁹. Любопытно, что в некоторых военных подразделениях, встречавших императора — например, в отряде конно-полицейской стражи, который сопровождал царя в Перемышле, — преобладали малороссы³⁰. Организаторы визита имели поименные списки этих военнослужащих, и совершенно очевидно, что их происхождение не порождало сомнений в их благонадежности.

В решении вопросов, связанных с унией и внедрением православия в Галиции, Николай II во многом полагался на МИД. Первые два года войны внешнеполитическое ведомство возглавлял С. Д. Сазонов. Известный искренней симпатией к полякам, в то же время он был совершенно нетерпим к украинскому движению и унии. В разговоре с французским посланником М. Палеологом он сказал, что презирает и ненавидит униатов³¹. Министр искренне считал украинское движение искусственно созданным в Вене для раскола русского народа, что подчеркивал и в думской речи в январе 1915 г.,³² и на страницах

²⁴ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 1. С. 55.

²⁵ См., например: Переписка Николая и Александры. 1914–1917. М.: Захаров, 2013. С. 136, 238, 487, 662.

²⁶ См., например: Оккупация и управление // Новое время. 1914. 14 (27) IX. С. 4; Русские и «украинцы» в Галиции // Новое время. 1914. 24 IX (7 X). С. 5.

²⁷ ЦДІАУЛ. Ф. 645. Оп. 1. Спр. 71. Арк. 1, 4, 5.

²⁸ *Галаган М.* 3 моїх споминів. Київ: Темпора, 2005. С. 171–172.

²⁹ Переписка Николая и Александры. С. 139.

³⁰ ЦДІАУЛ. Ф. 645. Оп. 1. Спр. 16. Арк. 6–7.

³¹ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 188.

³² Из виступу міністра закордонних справ Російської імперії С. Д. Сазонова на засіданні IV Державної думи. 27 січня 1915 р. // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. Київ: КЛЮ, 2015. Кн. 2. С. 290.

мемуаров годы спустя³³. В апреле 1916 г., комментируя аналитическую записку одного из зарубежных агентов МИД, Сазонов поразился предложению автора о самой возможности сотрудничества с украинскими деятелями. «Украинцы злейшие враги Рос[сии]. Но Р[оссия]. должна им покровительствовать!» – возмущался он в резолюции³⁴. В заметках на полях этой же записки Сазонов назвал «вздором» предложение «обнадежить украинцев»³⁵, а по поводу «развития существующих форм автономии» в Галиции отметил: «Тогда и в Киеве попросят автономии»³⁶. Предложение украинского эмигранта из России В.Я. Степанковского создать пророссийскую украинскую организацию за рубежом, переданное через русского посланника в Берне в мае 1915 г., министр проигнорировал [9. С. 105]. С уходом Сазонова позиция МИД по злободневному вопросу не изменилась: его преемник Б.В. Штюрмер еще в 1914 г., будучи членом правой группы Госсовета, участвовал в дискуссиях о путях распространения православия в Галиции³⁷. Когда до краха Российской империи оставалось два месяца, очередной глава правительства А.Ф. Трепов предложил хотя бы временно открыть в Восточной Галиции украинские школы, но против выступили и МИД, и Министерство просвещения. Глава последнего, граф П.Н. Игнатьев, назвал украинский язык «искусственным»³⁸.

В первые дни оккупации Львова в городе был арестован предстоятель греко-католической церкви митрополит Андрей Шептицкий. Члены Совета министров оживленно спорили, как с ним поступить – судить или выдворить с подконтрольной России территории. Поначалу Сазонов выступил за то, чтобы «принудить его к изгнанию», на что император отреагировал резолюцией: «Вполне разделяю Ваши соображения» [1. С. 148]. Но затем Николай II изменил мнение и телеграфировал, что митрополита следует вывезти в Россию и изолировать³⁹. Воля была исполнена – Шептицкого отправили в Киев, затем в Нижний Новгород, а оттуда в Курск. В январе 1915 г. монарх ознакомился с пространном донесением главы МВД Н.А. Маклакова по поводу Шептицкого, где сообщалось, что митрополит стремился возглавить «украинофильство» как «особое политическое движение [...], специально созданное для борьбы с Россией»⁴⁰. Любитель хлестких, лаконичных резолюций, Николай II начертил на донесении: «Аспид»⁴¹.

Голоса тех, кто симпатизировал украинскому движению, до Николая II не доходили. По-видимому, одним из немногих в близком окружении царя, кто не питал неприязни к унии и украинскому движению (о симпатии речи не идет), был многолетний министр императорского двора В.Б. Фредерикс. Уже в сентябре 1914 г. он ознакомил царя с жалобой некоего галицийского

³³ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 340–341.

³⁴ АВП РИ. Ф. 151. Оп. 474. Д. 159. Л. 287.

³⁵ АВП РИ. Ф. 151. Оп. 474. Д. 159. Л. 295.

³⁶ АВП РИ. Ф. 151. Оп. 474. Д. 159. Л. 297.

³⁷ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л.: Госиздат, 1925. Т. III. С. 411.

³⁸ АВП РИ. Ф. 151. Оп. 474. Д. 195. Л. 10.

³⁹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 77.

⁴⁰ Митрополит Андрей Шептицкий: Життя і діяльність. Документи і матеріали 1899–1944. Львів: Місіонер, 1999. Т. II. Кн. 2. Листування. С. 636.

⁴¹ Митрополит Андрей Шептицкий. С. 636.

крестьянина на несвоевременность насаждения православия в регионе⁴². Летом 1915 г., когда на имя Фредерикса поступила телеграмма графа М.С. Тышкевича от имени живущих в Швейцарии украинцев с выражением преданности Николаю II, министр лаконично ответил на французском языке: «Его величество приказал мне поблагодарить Вас, а также группу собравшихся в Швейцарии украинцев, за чувства, выраженные в Вашей телеграмме» (цит. по: [8. С. 182–183]). Знал ли император об этой телеграмме и об ответе Фредерикса, неизвестно.

Итак, Николай II не видел в украинском движении реальной угрозы. Русский характер юго-западных губерний и их населения не вызывали у него сомнения. В годы Первой мировой войны фокус украинского вопроса сместился на Галицию, где противодействие «украинству» было тесно связано с борьбой с унией. Император не вдавался в детали проблемы и абстрагировался от ее решения – вместо этого он солидаризировался с высшей бюрократией и право-консервативными кругами, которые отрицательно относились к унии и украинскому движению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РИ). Ф. 151. Оп. 474. Д. 159, 195.
Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. 270 с.
Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М.: РОССПЭН, 2014. 1087 с.
Государь Император в Полтаве. В здании земства // Полтавский вестник. 27 июня 1909. № 1980.
Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. М.: Буки Веди, 2015. 559 с.
Дневник князя императорской крови Олега Константиновича. 1900–1914 гг. М.: Буки Веди, 2016. 559 с.
Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2-х т. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. 1894–1904. 1101 с.
Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2-х т. М.: РОССПЭН, 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. 824 с.; Ч. 2. 1914–1918. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
Дневники императрицы Марии Федоровны. М.: ВАГРИУС, 2005. 701 с.
Красная новь. 1922. № 6.
Мария Федоровна, импик, Ольга Александровна, вел. кн., Ксения Александровна, вел. кн. Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2013. 494 с.
Мосолов А. При дворе императора. Рига: Филин, 1937. 229 с.
«Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П.П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 5. С. 136–52.
Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л.; М.: Госиздат, 1925. 154 с.
Оккупация и управление // Новое время. 1914. 14 (27) IX.
Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л.: Госиздат, 1925. Т. III. 506 с.
Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003. 829 с.
Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М.: Индрик, 2017. 1055 с.
Переписка Николая и Александры. 1914–1917. М.: Захаров, 2013. 919 с.
«Россия без царя существовать не может». Последние письма великого князя Александра Михайловича к императору Николаю II // Источник. 1997. № 1 (26). С. 18–24.
Русские и «украинцы» в Галиции // Новое время. 1914. 24 IX (7 X).
Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. 368 с.

⁴² 12 (25) сентября Фредерикс рассказал об этом письме директору императорских театров Владимиру Теляковскому (*Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. 1913–1917. Санкт-Петербург. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2017. С. 218*). Видимо, царь был проинформирован о письме на следующий день, 13 (26) сентября, когда они с Фредериксом вместе завтракали (*Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 58*).

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 558 с.

Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. 1913–1917. Санкт-Петербург. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2017. 941 с.

«Я никогда не выступал против России». М.С. Грушевский и русские ученые. 1914–1916 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 175–199.

Андрієвський В. З минулого. Берлін: Українське Слово, 1923. Т. II. Від Гетьмана до Директорії. Частина перша: Гетьман. 308 с.

Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. Київ: КЛІО, 2015. Кн. 2. Мовою документів і свідчень. 800 с.

Галаган М. З моїх споминів. Київ: Темпора, 2005. 655 с.

Листи громадських діячів, представників української науки, культури і церкви до Івана Огієнка (митрополита Іларіона) 1910–1969. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2011. 744 с.

Митрополит Андрей Шептицький: Життя і діяльність. Документи і матеріали 1899–1944. Львів: Місіонер, 1999. Т. II. Кн. 2. Листування. 1093 с.

Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДАУЛ). Ф. 645. Оп. 1. Спр. 16, 71.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 263 с.
2. Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М.: Алгоритм, 2013. 445 с.
3. Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). СПб.: Альянс – Архео, 2013. 516 с.
4. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М.: Наука, 2006. – 658 с.
5. Колоницкий В.А. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 664 с.
6. Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 392–443.
7. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М.: РОССПЭН, 2017. 430 с.
8. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 240 с.
9. Парфирьев Д.С. «В духе лояльности по отношению к России»: меморандум В.Я. Степановского // Славяноведение. 2020. № 3. С. 104–110.
10. Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С. 164–165.
11. Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 рр. Нью-Йорк: Булава, 1954. Т. II. Українська Гетьманська Держава 1918 року. 424 с.

REFERENCES

- Bakhturina A. Iu. *Politika Rossijskoj imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, AIRO-XX Publ., 2000, 263 p. (In Russ.)
- Borodin A.P. *Piotr Nikolajevich Durnovo. Russkii Nostradamus*. Moscow, Algoritm Publ., 2013, 445 p. (In Russ.)
- Doroshenko D. *Istoriia Ukrainy 1917–1923 rr. Ukrainjs'ka Het'mans'ka Derzhava 1918 roku*. New York, Bulava Publ., 1954, t. II. 424 p. (In Ukr.)
- Ivanov A.A. *Pravyje v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917)*. St. Petersburg, Al'ians – Arkheo Publ., 2013, 516 p. (In Russ.)
- Kabuzan V.M. *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniia. 20-je gody XVIII veka – 1989 god*. Moscow, Nauka Publ., 2006, 658 p. (In Russ.)
- Kolonitskii V.A. «*Tragicheskaja erotika*»: *Obrazy imperatorskoj sem'ji v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2021, 664 p. (In Russ.)
- Kotenko A.L., Martyniuk O.V., Miller A.I. *Maloross. «Poniatija o Rossii»: K istoricheskoj semantike imperskogo perioda*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2012, t. II, pp. 392–443. (In Russ.)

Liven D. *Navstrechu ogniu. Imperiia, voina i konets tsarskoi Rossii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 430 p. (In Russ.)

Miller A.I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2008, 240 p. (In Russ.)

Parfir'jev D.S. «V dukhe loial'nosti po otnosheniiu k Rossii»: memorandum V. Ia. Stepankovskogo. *Slavianovedenije*. 2020, no. 3, pp. 104–110. (In Russ.)

Tarle Je.V. *Germanskaia orijentatsiia i P.N. Durnovo v 1914 g. Byloje*. 1922, no. 19, pp. 164–165. (In Russ.)

Информация об авторе:

Парфирьев Дмитрий Станиславович,
Кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-4042-6324
E-mail: parfiryeff@yandex.ru

Information about the author:

Parfirev Dmitrii S.,
Ph D. (History), Researcher Fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-4042-6324
E-mail: parfiryeff@yandex.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 44–54

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 44–54

DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Оригинальная статья / Original Article

Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации

© 2023 г. В.С. Ефимова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

valeriefimova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологического калькирования в старославянском языке. Фразеологические кальки именных словосочетаний, которые создавались славянскими книжниками в процессе переводов (главным образом, с византийского греческого), рассматриваются как часть старославянского лексического инвентаря в аспекте их дальнейшей фразеологизации. Автор исходит из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и несколькихсловных наименований, представляющих собой лексические единицы-обозначения. Большое количество несколькихсловных наименований – фразеологических калек оказалось в старославянском лексиконе в связи с необходимостью передачи связанных с христианством понятий, однако встречаются и фразеологические кальки, относящиеся к слою обыденной лексики. Часть фразеологических калек могла «укорениться» в лексиконе и становиться фразеологизмами. Основным и определяющим свойством фразеологизмов автор считает возможность извлечения их целиком из памяти носителем языка (в случае со старославянским языком, главным образом, книжником). Фразеологизация фразеологических калек происходила постепенно не только в церковнославянских изводах, но уже и в эпоху становления собственно старославянского языка во второй половине IX в. – X в. Автор показывает примеры варьирования фразеологических калек в эту эпоху. Дальнейшее употребление фразеологической кальки без поддержки греческой конструкции свидетельствует о ее фразеологизации.

Ключевые слова: старославянский язык, лексический фонд языка, несколькихсловные наименования, фразеологические кальки, фразеологизмы.

Ссылка для цитирования: Ефимова В.С. Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации // Славяноведение. 2023. № 3. С. 44–54. DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Old Church Slavonic Phraseological Calques in the Aspect of their Further Phraseologization

© 2023. Valeriya S. Efimova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

valeriefimova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of phraseological calquing in the Old Church Slavonic language. Phraseological calques of nominal phrases, which were formed by Slavic bookmen in the process of translations (mainly from Byzantine Greek), are considered part of the Old Church Slavonic lexical inventory in the aspect of their further phraseologization. The author proceeds from the idea of the lexical fund of the language as consisting not only of words but also of multi-word names, which are lexical units-designations. A large number of multi-word names-phraseological calques joined the Old Church Slavonic lexicon due to the need to transfer concepts related to Christianity, although there are also phraseological calques related to the stratum of ordinary vocabulary. Part of the phraseological calques could “take root” in the lexicon and become phraseological units. The author considers the possibility of extracting phrases entirely from memory by a native speaker (in the case of the Old Church Slavonic language, mainly by a bookman) as the main and defining property of phraseological units. Phraseologisation of phraseological calques occurred not only over time in the Church Slavonic receptions, but already in the period of the formation of the Old Church Slavonic language proper in the second half of the 9th –10th centuries. The author demonstrates examples of variation of phraseological calques in this period. The further use of phraseological calque without the support of the Greek construction testifies to its phraseologization.

Keywords: Old Church Slavonic, lexical fund of the language, multi-word names, phraseological calques, phraseological units.

Reference for citation: Efimova Valeriya S. Old Church Slavonic Phraseological Calques in the Aspect of their Further Phraseologization // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 3. P. 44–54. DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Хотя фразеологическое калькирование, наряду с калькированием поморфемным и семантическим, являлось одним из существенных источников пополнения старославянского лексического инвентаря, до сих пор это явление остается совершенно неизученным. В свое время Нандор Молнар в монографии 1985 г., пользующейся и в наши дни авторитетом у палеославистов, определил старославянские фразеологические кальки как словосочетания и фразы (word groups and phrases), возникающие путем калькирования словосочетаний и фраз языка-источника¹. Разумеется, против такой «предельно обобщающей» дефиниции возражений быть не может, однако дальше этой дефиниции в палеославистике дело не пошло, и конкретных исследований старославянских фразеологических калек до сих пор фактически нет.

Поскольку в данной статье фразеологические кальки будут интересовать нас в аспекте их дальнейшей фразеологизации как часть складывавшегося в процессе переводов (главным образом, с византийского греческого) старославянского лексического инвентаря, в поле нашего зрения сейчас попадает фразеологическое калькирование только именных словосочетаний. Напомним, что традиционно в отечественном языкознании во фразеологический уровень языковой системы включаются как фразеологизмы-словосочетания, так и фразеологизмы-предложения, и эта традиция сохраняется в самых последних исследованиях (см., например, [14; 2]). Однако уже в 60-х годах прошлого века В.Л. Архангельский, исследовавший проблемы фразеологии на материале русского языка, определил различие между этими двумя видами

¹ «For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*» [25. P. 66].

фразеологизмов: «К объектам русской фразеологии относятся не только образования, эквивалентные по значению слову, а по форме – свободным словосочетаниям и сочетаниям слов, но и единицы, эквивалентные свободным предложениям и предикативным сочетаниям слов... ФЕ (фразеологические единицы. – В.Е.), эквивалентные свободным словосочетаниям, будем называть фраземами; ФЕ, эквивалентные свободным предложениям, – устойчивыми фразами» [1. С. 57]. Это разграничение представляется весьма важным, так как хотя фразеологизмы-словосочетания и следует изучать в рамках фразеологического уровня языковой системы, но в то же время они являются и частью блока старославянских несколькословных наименований, достаточно широко используемых в старославянских текстах.

Мы исходим из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и словосочетаний, представляющих собой несколькословные наименования. Такая трактовка понятия лексического фонда восходит к идеям Ш. Балли, который уже в труде 1909 г. «*Traité de stylistique française*» предложил вполне разработанную концепцию учета словосочетаний в качестве лексических единиц и их классификацию [22. Р. 66–87]². В отечественном языкознании признание несколькословных наименований лексическими единицами в противопоставлении их в качестве единиц-обозначений, требующих фиксации в словарях, единицам-описаниям (аналитическим дескрипциям) впервые, кажется, было отчетливо сформулировано Е.С. Кубряковой [11]. Проблемы определения статуса встречающихся в древних славянских текстах несколькословных наименований как самостоятельных (либо несамостоятельных) лексических единиц обсуждались в ряде работ последних лет В.С. Ефимовой и В. Желязковой [9; 6. С. 66–70; 7. С. 55–57]. Если резюмировать кратко выводы из этих работ, то из них следует, что, учитывая особенность старославянского лексического инвентаря, создававшегося узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов и буквально в процессе этих переводов, для идентификации старославянских несколькословных наименований в качестве лексических единиц можно полагаться только на единственный критерий: исходить из основного свойства наименований – функции номинации лингвистических концептов. Т.е. несколькословное наименование-обозначение в качестве лексической единицы должно номинировать один единственный лингвистический концепт³.

В моей недавней статье отмечается, что хотя многие старославянские несколькословные наименования могут быть «заподозрены» в образовании путем фразеологического калькирования, одна лишь как будто очевидная похожесть греческих и старославянских словосочетаний не свидетельствует еще о прямом калькировании. В этом процессе структуры греческих несколькословных номинаций должны были взаимодействовать (и в действительности взаимодействовали) с существовавшими в славянской народной речи того времени моделями [8]. Тем не менее в ряде случаев можно уверенно говорить о прямом калькировании греческих несколькословных номинаций. Ожидаемо, что довольно большое количество несколькословных

² Например, о словосочетаниях типа *mauvaise foi* в значении ‘нечестность, вероломство’ Ш. Балли писал: «Psychologiquement, c’est un mot, une unité lexicologique» [22. Р. 69].

³ О понятии лингвистического концепта применительно к старославянскому материалу см. в [9. С. 35–39]. При анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, которые более традиционно можно было бы называть «стоящими за словами понятиями» [3. С. 43–62].

наименований-фразеологических калек оказалось в старославянском лексиконе в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью»:

ἡ καινὴ διαθήκη⁴ – новѣин завѣтъ (τῆς καινῆς διαθήκης – новаго завѣта Мт 26:28 Зоґр, Мар, Ас, Сав; Мк 14:24 Зоґр, Мар; новаго завѣта Бог 265а7 и др.);
τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον – огонь неугаснѣин Бог 118b1–2;
αἱ ἐπιουράνιοι στρατιαί – небесьинн пѣзковѣ Шест 31а20;
ἡ νοερά φύσις – разумьно ѣстьство Изб 1073 17а13–14;
ἡ ἀνθρωπίνη φύσις – чловѣче ѣстьство (члѣче ѣстьство Изб 1073 16d29–17а1);
ζωδιακὸς κύκλος – жвотѣинн крѣгъ (ζωδιακὸν κύκλον – жвотѣиннн крѣугъ Шест 16b22–23
и под.

О прямом калькировании в таких случаях свидетельствует не только значение наименований, номинирующих неизвестные славянам до переводов с греческого предметы (в широком смысле), но и сохранение в большинстве случаев порядка слов:

ἡ ζωὴ αἰώνιος – жвотѣ вѣчѣинн (εἰς ζωὴν αἰώνιον – вѣ жвотѣ вѣчѣинн Мф 25:46 Зоґр, Мар, Сав),
ἡ ζωὴ αἰώνιος – жнзнь вѣчѣинаѣ (εἰς ζωὴν αἰώνιον – вѣ жнзнь вѣчѣиннн Мф 25:46 Ас; ἡ ζωὴ αἰώνιος – жнзнь вѣчѣинаѣ Изб 1073 6с21; εἰς ζωὴν αἰώνιον – вѣ жнзнь вѣчѣиноую Бог 271аb и др.),
но ἡ αἰώνιος ζωὴ – вѣчѣинн жвотѣ Изб 1073 6с9–10;
τὸ φῶς τὸ ἀρχέγονον – свѣтъ пѣвородѣинн Изб 1073 12b29–12с1,
но τὸ πρωτόγονον φῶς – прѣждерожденѣинн свѣтъ (τοῦ πρωτογόνου φωτός – прѣждерождѣнааго свѣта Изб 1073 12d14–15).

Однако греческая конструкция с Gen при этом часто заменяется «славянизированной» конструкцией с прилагательным: и ἡ τοῦ θανάτου φθорά – сзмрътънаѣ тѣла, и φθорά θανάτου – тѣла сзмрътънаѣ:

τῆ τοῦ θανάτου φθорᾶ – вѣ сзмрътъноую тѣлю Бог 233b10–234а1,
ἐκ φθорᾶς θανάτου – ѿ тѣла сзмрътънѣина Бог 236b9,
φθорᾶ θανάτου – тѣлю сзмрътъноую Бог 241b2.

Старославянские фразеологические кальки создавались книжниками, как и многие другие старославянские номинации, буквально в процессе переводов. Большое количество таких калек (подсчет их принципиально невозможен ввиду малой изученности древнеславянского рукописного фонда) оставалось окказионализмами, однако часть фразеологических калек могла «укореняться» в лексиконе и становиться фразеологизмами. При всем обилии дефиниций фразеологизмов, данных в течение долгого времени их изучения фразеологами, основным и определяющим свойством фразеологизмов мы считаем возможность извлечения их целиком из памяти носителем языка. В этом смысле понятие «фразеологизмы» в нашем понимании близко к понятию «prefabricated strings» в теории формульного языка (formulaic language)⁵. Таким образом, фразеологизмы следует рассматривать с позиции диахронии. Они являются

⁴ Греческий текст здесь и далее приводится по изданиям [26; 27; 21; 17; 23; 10].

⁵ Ср. определение prefabricated strings, данное одним из ведущих представителей этого направления Элисон Рэй: «Our working definition of the formulaic sequence will be as follows: a sequence, continuous or discontinuous, of words or other elements, which is, or appears to be, prefabricated: that is, stored and retrieved whole from memory at the time of use, rather than being subject to generation or analysis by the language grammar» (курсив Э. Рэй) [29. Р. 9].

результатами процессов, которые могли происходить в языке как в течение веков, так и в недавнее время, но результатами, с синхронной точки зрения уже встроенными в лексическую систему, готовую к использованию носителем языка (в нашем случае главным образом книжником)⁶. В этом принципиальное отличие понятия «фразеологическая калька» от понятия «фразеологизм».

Фразеологизация фразеологических калек, особенно среди несколькословных наименований терминологического характера, происходила не только с течением времени в церковнославянских изводах, но уже и в эпоху становления собственно старославянского языка, т.е. во второй половине IX в. – X в.⁷ Отражение этого процесса наблюдается как в рукописях «старославянского канона», так и – особенно широко в силу более разнообразного содержания – в рукописях, восходящих к старославянским протографам. В начальную эпоху существования старославянского языка было возможно варьирование фразеологических калек. Употребление же фразеологической кальки «без поддержки» греческой конструкции свидетельствует о фразеологизации такой номинации. Так, например, устоявшийся в веках фразеологизм *рѡвѣзъ божнн* [19. С. 304–305]⁸ в значении ‘раб Божии, христианин’ в рукописях «старославянского канона» появляется в качестве фразеологической кальки с сохранением порядка слов греческой конструкции: *ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ* – *рѡвѣзъ божнн*; *τοῦ θεοῦ δοῦλος* – *вожнн рѡвѣзъ*:

μὴ ἐγκρῦβῆς εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ τόνδε – не оутан съѡ вѣзъ рѡвѣзъ бѣжнн семь. Евх 54b 22;

«...οὐδὲ γὰρ συναρπάσεις με τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ.» – не нмашн бо мене прѣль-стннн. *рѡвѣзъ бѣжнн*. Супр 102,11 (№ 7);

ὁ ἀνθρώπος ἔφη πρὸς τοῦ θεοῦ δούλους – рече анѡвпатъ къ бѣжннемъ рѡвѡмъ. Супр 99,7 (№ 7);

ἀκούσας ὁ τοῦ θεοῦ δούλους – слъшавъ *божнн рѡвѣзъ*. Супр 526,11 (№ 46).

Однако употребление этой номинации в надгробной надписи царя Самуила 993 г. свидетельствует уже о ее фразеологизации:

azz samonъ рѡвѣзъ бѣжнн [28. Т. I. С. 133].

Примеры варьирования фразеологических калек и начала их фразеологизации можно наблюдать в списках произведений Иоанна Экзарха Болгарского.

⁶ Считаю необходимым уточнить таким образом наше понимание понятия «фразеологизм». В отечественном языкознании уже в 60-е годы прошлого века С.Г. Гаврин рассматривал причины фразеологизации словосочетаний и называл шесть признаков общеупотребительных сочетаний слов, «которые побуждают носителя языка к фиксирующему усвоению этих сочетаний и к хранению их в памяти»: 1) образно-выразительная ценность, 2) эллиптичность, 3) терминологичность, 4) афористичность, 5) наличие в сочетании фразеологически ограниченного слова, 6) идиоматичность (в узком понимании) [5. С. 269]. Помимо классификации фразеологизмов, разработанной в работах В.В. Виноградова 1946–1947 гг. [4. С. 118–161] и на которую опирается большинство лингвистов, существуют и другие концепции. Существенно иная классификация фразеологических единиц дается, например, Кети Ничевой [16]. В концепции К. Ничевой и ее единомышленников фразеологические сочетания (*restricted collocations* в англоязычной литературе) соответствуют примерно «устойчивым словесным комплексам» или «устойчивым словосочетаниям» и не включаются в число фразеологизмов [16. С. 18–19; 219].

⁷ В вопросе периодизации древнеславянского языка придерживаемся концепции акад. Н.И. Толстого [18. С. 34–52].

⁸ Хотя «Фразеологический словарь старославянского языка» под ред. С.Г. Шулежковой имеет несомненную культурно-познавательную ценность для студентов и широкой общественности, вряд ли стоило называть его фразеологическим словарем именно старославянского языка. Устойчивость присутствующего в старославянских текстах словосочетания в его последующей жизни в веках не может служить критерием в исследованиях самого старославянского языка.

Ср. в Богословии: ξύλον ζωῆς — и дрѣво жнзнн, и дрѣво жнзнньноє, и τὸ τῆς ζωῆς ξύλον — дрѣво жнвотньноє:

τὸ τῆς ζωῆς ξύλον — дрѣво жнзнн Бог 167a3—4; дрѣво жнзнньноє Бог 169b8;
τὸ τῆς ζωῆς ξύλον — дрѣво жнвотное (в Бог утрачено).

Также в Богословии (Бог 253b6) видим употребление дрѣво жнвотньноє для перевода τὸ τίμιον ξύλον (где жнвотньноє не соответствует по значению греч. τίμιον), что свидетельствует об использовании Иоанном Экзархом номинации дрѣво жнвотньноє как извлеченной целиком из памяти, т.е. уже как фразеологизма (фразеологического сочетания).

Ср. также в Богословии и Шестодневе Иоанна Экзарха: (τὸ) ξύλον τῆς γνώσεως — и дрѣво вѣдѣнню, и дрѣво вѣдѣноє:

(τὸ) ξύλον τῆς γνώσεως — дрѣво вѣдѣнню Бог 165a1; дрѣво вѣдѣнню Бог 165a1—2;
τοῦ ξύλου τῆς γνώσεως — дрѣва вѣдѣнаго Бог 169b8;
(τὸ) ξύλον τῆς γνώσεως — дрѣво вѣдѣноє Шест 261d9—10, дрѣво вѣдѣноє Шест-Бар 269б5—6.

Вместе с тем в Шестодневе вариант дрѣво вѣдѣноє используется даже для перевода конструкции с инфинитивом τὸ ξύλον τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρόν, т.е. уже в качестве фразеологизма (фразеологического сочетания):

дрѣво вѣдѣноє Шест 261c18—19 = дрѣво вѣдѣноє Шест-Бар 269б15—16 (в Богословии для перевода этой конструкции используется точная фразеологическая калька: τὸ ξύλον τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρόν — дрѣво вѣдѣтн довро н зло Бог 165a4—5).

Как можно судить по изданию Г.С. Баранковой, фразеологизм дрѣво вѣдѣноє закрепляется в лексиконе и употребляется в большинстве русских списков (20. С. 595].

В качестве примера проследим также становление фразеологизма свѣтоє писанье. Уже в X в. славянскими книжниками калькируется наименование ἡ θεία γραφή (реже αἱ ἄγια Γραφαί), но даже в пределах произведений Иоанна Экзарха варьирование фразеологического калькирования достигает четырех вариантов: вожьствьноє писанье (писанье), вожьствьнаѧ писанья (т.е. ж.р. в подражание греческому), а также свѣтоє писанье (писанье) и свѣтаѧ писанья (т.е. ж.р. в подражание греческому). При этом неоднократно встречается перевод ἡ θεία γραφή как свѣтоє писанье, т.е. используется уже не фразеологическое калькирование, а фразеологизм, извлекаемый целиком из памяти книжника.

Богословие:

ἡ θεία γραφή — вожьствьноє писанье:

Бог 65b2—3; Бог 126b3—4; Бог 130b5—6; Бог 148a8; Бог 151b6; Бог 65b2—3;
Бог 126b3—4; Бог 130b5—6; Бог 148a8; Бог 151b6; Бог 293a8; Бог321a2;
331a6—7; Бог346a8—9; Бог 313b5; Бог 315b9;

ἡ θεία γραφή — вожьствьнаѧ писанья Бог 112b5 (ж.р.);

τὰς ἀγίας Γραφὰς — сѣтаѧ писанья Бог 23a3—4,

ἐκ τῶν ἀγίων γραφῶν — ѡ сѣтинхъ писаннн Бог 307a6;

ἡ θεία Γραφή — сѣтоє писанье Бог 129a4;

τῆ θεία... Γραφῆ — сѣтинхъ писаннн Бог 36a8;

τῆ θεία Γραφῆ — сѣтго писанья Бог37a8—37b1;

ὑπὸ τῆς θείας Γραφῆς — ѡ сѣтааго писанья Бог 46b2;

ἡ θεία Γραφή — сѣтаѧ писанья Бог 21b6 (ж.р.).

Шестоднев:

αἱ ἄγια Γραφαί – сѣтоє писаннє Шест 249b20;

τῶν θεῶν Γραφῶν – сѣтоє писаннє Шест 249b29;

без греческого:

сѣтааго писаннѧ Шест 35c21 – сѣтго писаннѧ Шест-Бар 38aб;

свѣтѣмъ писаннѣмъ Шест 55b24–25 – сѣтмъ писаннѣмъ Шест-Бар 57a23;

писаннє сѣтоє Шест 111a14 (сѣтоє писаннѣ – 55,58, VB);

сѣтошмоу писаннѹ Шест 142a14;

божѣствѣноє писаннє Шест 22a5–7 – бѣжѣтвѣноє писаннѣ Шест-Бар 22a24;

бѣжѣствѣнааго писаннѧ Шест 141d11;

бѣжѣтвѣнѣмъ писаннѣмъ Шест 207c23–24 – бѣжѣтвѣнѣмъ писаннѣмъ Шест-Бар 210a4.

В Изборнике 1073 г. фразеологическое калькирование ἡ θεία γραφή варьируется: и божѣствѣноє писаннє, и божѣскоє писаннє, а также калькируется в соответствии с греческим оригиналом во мн. ч. αἱ θείαи γραφαί и как божѣскаѧ писаннѧ, и в ед. ч. как божѣствѣноє писаннє:

τῆς θείας γραφῆς – бѣжѣствѣноуоумоу писаннѣ Изб 38d5–6;

ἡ θεία γραφή – божѣствѣноє писаннє Изб 1073 55a1–2;

ἡ θεία γραφή – бѣжѣтвѣноє писаннє Изб 1073 107a8–9;

ἡ θεία... γραφή – божѣствѣноє... писаннє Изб 130c3–4;

ἡ θεία... γραφή – божѣствѣноє... писаннє Изб 217a29–217b1;

ἐν τῇ θεία γραφῇ – вѣ божѣствѣнѣмъ писаннѣ Изб 223c7–8;

ἐν τῇ θεία γραφῇ – вѣ божѣствѣнѣмъ писаннѣ Изб 240d23–24;

ἡ θεία γραφή – бѣжѣствѣноє... писаннє Изб 250b7–8;

ἐν ταῖς θείαиς γραφαῖς – вѣ бѣжѣтвѣнѣмъ писаннѣ Изб 91d3;

ἐν ταῖς θείαиς γραφαῖς – вѣ бѣжѣствѣнѣмъ писаннѣ Изб 106b18–19;

παρὰ τῇ θεία γραφῇ – отѣ божѣскааго писаннѧ Изб 8b10–11;

ἡ θεία γραφή – божѣскоє писаннє Изб 69c5–6;

ἡ θεία γραφή – божѣскоє писаннє Изб 69d10–11;

ἡ θεία γραφή – бѣжѣскоє писаннє Изб 148a27–28;

ταῖς θείαиς γραφαῖς – бѣжѣскоуоумоу писаннѣ Изб 4d22–23;

αἱ... θείαи γραφαί – божѣскаѧ писаннѧ Изб 10a1–2;

αἱ θείαи γραφαί – бѣжѣскаѧ писаннѧ Изб 143c3–4;

τῶν θείων γραφῶν – божѣскѣнхѣ писаннѣ Изб 199a5–6;

τῶν θείων γραφῶν – божѣскѣнхѣ писаннѣ Изб 199a14–15;

τῶν θείων γραφῶν – божѣскѣнхѣ писаннѣ Изб 199b20–21.

В Супрасльской рукописи видим перевод ἡ θεία γραφή как свѣтоє писаннє, т.е. уже устоявшимся фразеологическим сочетанием:

ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς – отѣ свѣтааго писаннѧ Супр 304,28–29.

Таким образом, мы видим, что не всегда славянский книжник для перевода греческого несколькословного наименования прибегал к фразеологическому калькированию, не всегда калькировал его заново, а использовал уже созданное ранее путем фразеологического калькирования где-то встреченное им наименование. Согласно нашим наблюдениям над старославянскими и восходящими к старославянским текстами, неоднократное употребление книжниками несколькословных наименований в разных произведениях приводит к фразеологизации этих словосочетаний.

Внимание фразеологов всегда было прежде всего обращено (и обращено до сих пор) на экспрессивные, образно-выразительные фразеологизмы – как

фразеологизмы-предложения, так и фразеологизмы-словосочетания. Это легко объяснимо: исследователей в первую очередь привлекает изучение выразительных возможностей языка и, в частности, использование этих возможностей в художественной литературе⁹. Приведенные же нами в качестве примеров фразеологизмы не являются экспрессивными выражениями, а представляют собой вполне нейтральные по стилю номинации терминологического характера. Среди старославянских фразеологизмов, образованных путем фразеологического калькирования, есть фразеологизмы разной степени семантической спаянности (такие, например, как οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι – нншнн доухомь (Мт 5:3), уже в греческом являлись идиомами), но все же большинство их, как и указанные нами выше фразеологизмы, следует, видимо, в соответствии с классификацией, разработанной в работах В.В. Виноградова 1946–1947 гг., отнести к фразеологическим сочетаниям. Среди старославянских несколькословных наименований-фразеологических калек встречаются наименования не только терминологического характера, связанные с принятием христианства и сопутствующим этому событию переводом «естественнонаучной» литературы (хотя такие чаще бросаются в глаза), но и несколькословные наименования, относящиеся к слою обыденной лексики. В качестве примера приведем несколькословное наименование-фразеологическую кальку боурѣ вѣтрѣна(ѣ) с греч. λαῖλαψ ἀνέμου, появляющаяся в переводе Евангелия (Мк 4: 37 и Л 8:23):

Мк 4: 37: Καὶ γίνεται λαῖλαψ ἀνέμου μεγάλη· – и вѣстрѣ воурѣ вѣтрѣна велнѣ. Зопр, Мар;

Л 8:23: καὶ κατέβη λαῖλαψ ἀνέμου εἰς τὴν λίμνην – и сѣзнде боурѣ вѣтрѣна в зезерѣ. Зопр, Мар, Ас.

Пример из Мк 4:37 анализировался в статье Н. Николова 2003 г. – первой (и, видимо, до недавних пор единственной) работе, посвященной устойчивым словосочетаниям в старославянском («древнеболгарском» в болгарской терминологии) языке. Н. Николов посчитал это словосочетание свободным, не относящимся к устойчивым (т.е., согласно общепринятой классификации, восходящей к работам В.В. Виноградова 1946–1947 гг., не относящимся к фразеологическим сочетаниям¹⁰), так как, по его мнению, оба слова в нем употреблены в прямом, а не в переносном значении, сочетание не терминологично, а контекст лишен образности («и двете лексеми са употребени в прякото си значение, което не е преносно, съчетанието не е терминологизирано, контекстът не експлицира образност») [15. С. 237]. С таким анализом нельзя согласиться, так как несколькословное наименование боурѣ вѣтрѣна(ѣ) (как и греч. λαῖλαψ ἀνέμου) номинирует один единственный лингвистический концепт ‘вихрь, смерч’¹¹. В несколько

⁹ Впрочем, в последнее время фразеологи стали больше обращать внимания и на фразеологизмы, лишенные экспрессивности. Ср., например, определения фразеологической единицы, данные ведущими отечественными фразеологами А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в фундаментальных монографиях 2008 и 2011 г.: «Мы определяем ФЕ как относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное словосочетание с относительно целостным значением. Тем самым подчеркивается, что такая языковая единица является полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» (разрядка наша. – В.Е.) [12. С. 23]; «мы определяем ФЕ как отдельно оформленную единицу языка, являющуюся устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным и преимущественно экспрессивным сложным знаком» (разрядка наша. – В.Е.) [13. С. 14].

¹⁰ Н. Николов опирался на концепцию К. Ничевой и ее единомышленников (см. Примечание 6), поэтому термин «устойчивое словосочетание» или «устойчивый словесный комплекс» у него соответствует примерно термину «фразеологическое сочетание». Вопрос о фразеологическом калькировании, однако, в статье не рассматривался совсем.

¹¹ Ср. значение для λαῖλαψ ἀνέμου в словаре Лидделла-Скотта: ‘a whirlwind sweeping upwards’ [14. P. 1024].

более поздних, чем перевод Евангелия, переводах, *боурѣ вѣтрѣна*(ѣ) начинает уже употребляться, видимо, в качестве фразеологического сочетания:

боурѣ вѣтрѣнѣ оутолнѣзъ словомѣ. Супр 473,18–19 (№ 41) (греческого нет или неизвестен);

прѣпакоуезшн бо въ мало время члѣкоу. ѣко боурѣ вѣтрѣна. Изб 1076 33об.6–7 (греческого нет или неизвестен).

В заключение скажем, что в данной статье мы коснулись лишь одного аспекта изучения старославянских фразеологических калек – возможностей и условий фразеологизации именных фразеологических калек (главным образом, терминологического характера). Между тем в процессе первых славянских переводов второй половины IX–X вв. образуется довольно большое количество несколькихсловных наименований, в том числе и фразеологических калек. Часть этих наименований могла потом «укорениться» в старославянском лексиконе и становиться фразеологизмами, но внимания лексикологов и лексикографов заслуживают, конечно, все несколькихсловные наименования, в том числе и все фразеологические кальки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Бог – Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.
 Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Изб1073 – Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.
 Изб 1076 – Изборник 1076 г., древнерусская рукопись 1076 г.
 Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
 Шест-Бар – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 314 с.
2. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Праславянская фразеология: Миф или реальность? [Proto-Slavic Phraseology: Myth or Realty?] // *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*. 70. 2019. № 1. P. 5–32.
3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.
4. *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
5. *Гаврин С.Г.* Проблема систематизации устойчивых сочетаний современного русского языка в функциональном аспекте // *Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской*. 1966. Т. 180. Вып. 11 (Русский язык). С. 260–274.
6. *Ефимова В.С.* О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // *Славянское и балканское языкознание: Палеославистика*. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2017. С. 60–80.
7. *Ефимова В.С.* Некоторые соображения о старославянских номинациях субстантивированными причастиями [Some Thoughts on Old Church Slavonic Nominations through Substantivized Participles] // *Palaeobulgarica*. 45. 2021. № 2. С. 49–64.
8. *Ефимова В.С.* Несколько вопросов к фразеологическому калькированию в старославянском языке [Several Questions to Phraseological Calquing in the Old Church Slavonic Language] // *Palaeobulgarica*. 46. 2022. № 4. Special edition. С. 705–721.
9. *Ефимова В.С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48.

10. Заимов Й, Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София: Издателство БАН, 1982–1983. Т. 1–2. 564+603 с.
11. Кубрякова Е.С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. S. 24–31.
12. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ, 2008. 482 с.
13. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ, 2011. 455 с.
14. Мокиенко В.М. О фразеологическом уровне языковой системы [About the Phraseological Level of the Language System] // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета*. Серия Гуманитарные науки. Бишкек, 2017. Т. 17. № 9. С. 146–151.
15. Николов Н. Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетания в старобългарския език // *Преславска книжовна школа*. Шумен, 2003. Т. 7. С. 232–254.
16. Ничева К. Българска фразеология. София: Наука и изкуство, 1987. 246 с.
17. Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Издателство БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.
18. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.
19. Фразеологический словарь старославянского языка / Отв. ред. С.Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011. 419 с.
20. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. Г.С. Баранкова. М.: «Индрик», 1998. 760+8 с.
21. Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes / *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Graz: Akademische Druck – u. Verlagsanstalt, 1958–1971. Т. I–VI.
22. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. Vol. 1. 331 p.
23. Frček J. *Euchologium Sinaiticum* / *Patrologia orientalis*. Paris, 1933, 1939. Т. XXIV–XXV.
24. Liddell H. G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2362 p.
25. Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien: Böhlau, 1985. 347 p.
26. Robinson M.A., Pierpont W.G. *The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass.: Chilton Book Publishing, 2005. 587 p.
27. Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / *Monumenta linguae slavicae*. T.V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967; Т. XIV. Freiburg i. Br. U.W. Weiher, 1981; Т. XVI. Freiburg i. Br. U.W. Weiher, 1983.
28. *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Nakladatelství ČAV, 1958–1997. Т. I–IV.
29. Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. XI+332 p.

REFERENCES

- Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes. *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Graz, Akademische Druck – u. Verlagsanstalt, 1958–1971, Т. I–VI.
- Arkhangel'skii V.L. *Ustoichivyye frazy v sovremennom russkom iazyke: Osnovy teorii ustoichivyykh fraz i problemy obshchei frazeologii*. Rostov n/D, Izd-vo Rost. un-ta Publ., 1964, 314 p. (In Russ.)
- Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, vol. 1, 331 p.
- Gavrin S.G. Problema sistematizatsii ustoichivyykh sochetanii sovremennogo russkogo iazyka v funktsional'nom aspekte. *Uchenyye zapiski MOPI im. N.K. Krupskoi*. 1966, t. 180, iss. 11 (Russkii iazyk), pp. 260–274. (In Russ.)
- Efimova V.S. O granitse mezhdru staroslavianskimi leksicheskimi jedinitami i slovosochetaniiami. *Slavianskoje i balkanskoje iazykoznanije: Paleoslavistika*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia Publ., 2017, pp. 60–80. (In Russ.)
- Efimova V.S. Nekotoryje soobrazheniia o staroslavianskikh nominatsiiakh substantivirovannyimi prichastiiami [Some Thoughts on Old Church Slavonic Nominations through Substantivized Participles]. *Palaeobulgarica*. 45, 2021, no. 2, pp. 49–64. (In Russ.)

- Efimova V.S. Neskol'ko voprosov k frazeologicheskomu kal'kirovaniu v staroslavianskom iazyke [Several Questions to Phraseological Calquing in the Old Church Slavonic Language]. *Palaebulgarica*. 46, 2022, no. 4, special edition, pp. 705–721. (In Russ.)
- Efimova V.S., Zheliazkova V. Neskol'koslovnnye nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh. *Palaebulgarica*, 38, 2014, no. 3, pp. 33–48. (In Russ.)
- Frazeologicheskii slovar' staroslavianskogo iazyka, otv. red. S.G. Shulezhkova. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011, 419 p. (In Russ.)
- Frček J. Euchologium Sinaiticum. *Patrologia orientalis*. Paris, 1933, 1939, t. XXIV–XXV.
- Kubriakova Je.S. O raznostrukturnykh jedinitсах nominatsii i meste proizvodnogo slova sredi etikh jedinitс. *Stowotwórstwo a inne sposoby nominacjii*. Katowice, Wydawnictwo Gnome Publ., 2000, pp. 24–31. (In Russ.)
- Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, Clarendon Press, 1996. 2362 p.
- Melerovich A.M., Mokijenko V.M. *Semanticheskaia struktura frazeologicheskikh jedinitс sovremennogo russkogo iazyka*. Kostroma, KGU Publ., 2008, 482 p. (In Russ.)
- Melerovich A.M., Mokijenko V.M. *Sovremennaia russkaia frazeologija (semantika – struktura – tekst)*. Kostroma, KGU Publ., 2011, 455 p. (In Russ.)
- Mokijenko V.M. O frazeologicheskom urovne iazykovoii sistemy [About the Phraseological Level of the Language System]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo Universiteta. Seria Gumanitarnye nauki*. Bishkek, 2017, t. 17, no. 9, pp. 146–151. (In Russ.)
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, Böhlau Publ., 1985, 347 p.
- Nikolov N. Imennite (frazeologichni) i sastavnite ustoichivi slovosachetaniia v starobalgarskiiia jeziki. *Preslavska knizhovna shkola. Shumen*, 2003, t. 7, pp. 232–254. (In Bulg.)
- Nicheva K. *Balgarska frazeologija*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1987, 246 p. (In Bulg.)
- Robinson M.A., Pierpont W.G. The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass., Chilton Book Publishing, 2005, 587 p.
- Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Monumenta linguae slavicae, t. V, Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1967; t. XIV. Freiburg i. Br., U.W. Weiher, 1981; T. XVI. Freiburg i. Br., U.W. Weiher, 1983.
- Shestodnev Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo. Ranniaia russkaia redaktsiia*, izd. podg. G.S. Barankova. Moscow, Indrik Publ., 1998, 60+8 p. (In Russ.)
- Simeonov sbornik (po Svetoslavoviiia prepis ot 1073). Sofia, Izdatelstvo BAN «Prof. Marin Drinov» Publ., 2015, t. 3: Gratski izvori. 1243 p. (In Bulg.)
- Slovník jazyka staroslověnského. Praha, Nakladatelství ČAV Publ., 1958–1997, t. I–IV. (In Czech)
- Tolstoy N.I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 237 p. (In Russ.)
- Val'ter Kh., Mokijenko V.M. Praslavianskaia frazeologija: Mif ili real'nost'? [Proto-Slavic Phraseology: Myth or Reality?]. *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 70, 2019, no. 1, pp. 5–32. (In Russ.)
- Vereshchagin Je.M., Kostomarov V.G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskije kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedneskikh taktik i sapijentemy*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 509 p.
- Vinogradov V.V. *Izbrannyje trudy: Leksikologija i leksikografija*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 312 p. (In Russ.)
- Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, XI+332 p.
- Zaimov I, Kapaldo M. Suprasalski ili Retkov sbornik. Sofia, Izdatelstvo BAN Publ., 1982–1983, t. 1–2. 564+603 p. (In Bulg.)

Информация об авторе:

Ефимова Валерия Сергеевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
заведующая Отделом Института
славяноведения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5921-8475>
e-mail: valeriefimova@yandex.ru

Information about the author:

Efimova Valeriya S.
DSc. (Philology), Leading Researcher,
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5921-8475>
e-mail: valeriefimova@yandex.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 55–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 55–64

DOI: 10.31857/S0869544X0025872-2

Оригинальная статья / Original Article

Роль литературы в социокультурной жизни независимой Словении

© 2023 г. Н.Н. Старикова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

nstarikova@mail.ru

Аннотация. Проблема изменения роли художественной литературы в современном мире особенно остра в бывших социалистических странах Европы, переживших в конце XX в. коренные общественно-политические изменения. Словения, обретшая суверенитет в ходе распада СФРЮ, — один из типичных примеров. В 1991 г. с переходом к парламентской демократии возникли новые социально-экономические условия, оказавшие влияние на культурную сферу: литература столкнулась с проблемой «выживания» в условиях рынка, высокой конкуренцией, лавиной массовой переводной продукции. Государство перестало видеть в книжных изданиях инструмент национальной самоидентификации и переадресовало эту обязанность частному издателю с его коммерческим интересом. В итоге словенское социокультурное пространство перестало быть литературоцентричным, литература утратила традиционную национально-компенсаторную, эмансипаторскую функцию и начала постепенно вытесняться на периферию общественной жизни. Одна из наметившихся траекторий сохранения словенской литературой своего этического потенциала связана с обновлением социально-критического дискурса.

Ключевые слова: независимая Словения, словенская литература, маргинализация, литературоцентричность, вербализация памяти, социально-критический дискурс.

Ссылка для цитирования: *Старикова Н.Н.* Роль литературы в социокультурной жизни независимой Словении // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 55–64. DOI: 10.31857/S0869544X0025872-2

The Role of Literature in the Socio-Cultural Life of Independent Slovenia

© 2023. Nadezhda N. Starikova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

nstarikova@mail.ru

Abstract. The problem of changing the role of literature in the modern world is especially acute in the former socialist European countries, survived at the end of the twentieth century fundamental social and political changes. Slovenia, which gained

sovereignty during the disintegration of the SFRY, is one of the typical examples. In 1991, with the transition to parliamentary democracy, new socio-economic conditions arose that influenced the cultural sphere: literature faced the problem of «survival» in the market, high competition, and an avalanche of mass translated products. The state stopped seeing book publications as an instrument of national self-identification and redirected this duty to a private publisher with its commercial interest. As a result, the Slovenian socio-cultural space ceased to be literary-centric, literature lost its traditional national compensatory, emancipatory function and began to be gradually pushed to the periphery of public life. One of the emerging trajectories for the conservation of its ethical potential by Slovenian literature is associated with the renewal of social critical discourse.

Keywords: independent Slovenia, Slovenian literature, marginalization, literary centrality, verbalization of memory, socio-critical discourse.

Reference for citation: *Starikova Nadezhda N.* The Role of Literature in the Socio-Cultural Life of Independent Slovenia // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 3. P. 55–64. DOI: 10.31857/S0869544X0025872-2

Художественное слово сыграло значительную роль в процессе формирования национального самосознания словенского народа и во многом способствовало обретению им государственности. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, ведущей функцией – национально-охранительная, литература занимала в словенском обществе лидирующее положение, в период существования СФРЮ «являла собой пространство духовной и интеллектуальной свободы» [15. С. 192]. Однако после провозглашения суверенитета традиционное предназначение литературы изменилось: она начинает терять свои ведущие позиции в общественной и культурной сфере, постепенно вытесняться на периферию общественной жизни, словенское социокультурное пространство перестает быть литературоцентричным. Пальма первенства в постановке острых вопросов, открытии злободневных дискуссий переходит к средствам массовой информации, блогерам, правозащитникам, политикам. В своих художественных текстах авторы все очевиднее следуют уже высказанной точке зрения (официальной или оппозиционной), опираются на медийно растиражированные суждения. Это несколько обескураживает, принимая во внимание то, какой путь словенская литература достойно прошла в XX в. На всем его протяжении имело место столкновение идеологий, что ставило Словению перед выбором между фашизмом и коммунизмом, коммунизмом и демократией. Литература оказалась в гуще этих конфликтов и испытывала сильнейшее их давление. Оно было различным на разных этапах, нередко принимая насильственно-репрессивные формы, что влекло за собой идеологизацию искусства. Период социалистического строительства отличался особенно настойчивым стремлением властей к контролю над литературным творчеством. Однако и в это время литературе удавалось сохранять известную автономность. В условиях политико-идеологического прессинга она вырабатывала специфические формы сопротивления, которое расшатывало идейные и художественные стереотипы и делало процесс освобождения от диктата идеологии необратимым. К таким проявлениям эстетического инакомыслия можно, например, отнести модернистский дискурс (см. [4. С. 269–275]). Послевоенное писательское поколение проникалось духом трагического гуманизма, присущего европейской послевоенной литературе. Отстраняясь от текущих проблем социалистического строительства, некоторые авторы искали выход в экзистенциальных решениях, выражали себя с помощью искусства, отрицающего строго миметический подход. После смерти Й.Б. Тито (1980) атмосфера общественного брожения изменила расстановку сил, на смену зашифрованным текстам экзистенциально-модернистского

типа пришли произведения, эксплицирующие критическое сознание. В это же время многих литераторов привлекла философия и эстетика постмодернизма, с помощью которых они стремились противостоять абсурдности социалистической системы и идеологическому коллапсу тоталитарного общества. Постмодернизм подрывал авторитет канонизированной национальной литературной истории, нивелировал различие между высокой и низкой литературой и подвергал сомнению общепринятые эстетические модели. Как следствие, в литературе Словении конца 1980-х – начала 1990-х годов сосуществовал целый конгломерат традиционных художественных течений, куда могли внедряться некоторые новые (или обновленные старые), но при этом ни одно не преобладало.

Важную роль в демонтаже югославской социалистической системы сыграли некоторые словенские литературно-критические издания: например, принципиальное значение имела деятельность журнала «*Nova revija*», выступавшего за демократизацию и либерализацию не только в сфере литературы и культуры, но и в обществе в целом [9. С. 179–184]. На закате титовской эпохи общественные и художественные инициативы словенских писателей, по сути, заменили отсутствующие институты политического плюрализма. Писатели просвещали читателей, открывали им глаза на дефекты существовавшей политической системы, пробуждая желание ее изменить, что впоследствии в определенной степени повлияло на исход первых демократических выборов и провозглашение суверенитета.

В 1991 г. Словения демократическим путем обрела независимость, получила международное признание со стороны ведущих мировых держав, через несколько лет оказалась в составе Североатлантического альянса, Евросоюза, первой из новых стран – членов ЕС вступила в зону евро. Однако эти судьбоносные перемены привели к неожиданным трудностям. Отмена цензуры, перестройка отношений государства, общества и культуры, столкновение стремления к национальному самоутверждению с процессами глобализации – все это сказалось как на обстановке в стране в целом, так и на литературной жизни. В новых обстоятельствах литература начала искать адекватные способы взаимодействия с действительностью и сразу же столкнулась с проблемой «выживания» в условиях рынка, высокой конкуренцией, лавиной массовой переводной продукции. 1990-е годы стали переломными – в это время вся литературная инфраструктура, вынужденная приспособливаться к новой экономической системе координат, претерпела существенную перестройку. Перемены затронули самые разные области: собственно художественную продукцию и ее сбыт, формирование книжного рынка, деятельность творческих союзов и издательств, профессиональную коммуникацию (фестивали, конкурсы), литературные премии, школьную программу, дистрибуцию и т.д. Это не могло не отразиться на тематике, проблематике, жанровых предпочтениях, нарративных стратегиях публикуемых произведений. Коммерциализация почти всех сфер деятельности, трансформация носителей массовой культуры, рост престижа невербального (визуального и аудиального) измерения общественной коммуникации, наконец, наступление Интернета в совокупности способствовали тому, что литература постепенно сдавала свои общественные позиции. Как отмечает М. Кос, «в демократической Словении опасность для свободы творчества, литературы и искусства теперь представляет не идеология, как это было на протяжении почти всей второй половины XX в., а рыночная ситуация, которая, не будь государственного финансирования культуры, нанесла бы серьезный ущерб некоммерческой литературной продукции, переводам и гуманитарным трудам» [3. С. 284]. Инакомыслие, стремление к духовной и политической свободе, на протяжении нескольких десятилетий усиленно культивировавшиеся в словенской писательской

среде, перестали быть стимулами художественного роста. В условиях тоталитаризма словесное творчество, если оно не было на службе у идеологии, само по себе уже являлось манифестацией свободы. После смены режима и завоевания демократических свобод выяснилось, что их обретение не дает того ощущения творческой раскрепощенности, которое в социалистической Югославии давала борьба за право художника на индивидуальное критическое отношение к действительности, за свободу творческого самовыражения. Не здесь ли кроется причина того, что большинство прозаиков, заявивших о себе как постмодернисты, – ибо постмодернизм, так же как модернизм, являлся способом художественного инакомыслия, «реакцией литературы на идеологическую несвободу в период позднего тоталитаризма» [5. С. 351] – либо перестали писать, либо переключились на другой способ письма? Очень показательна эта метаморфоза, по мнению М. Коса, в творчестве А. Блатника [13. С. 48], роман-учебник которого «Факелы и слёзы» (1987) по праву считается первым словенским полноценным постмодернистским романом. Движение от метапрозы в сторону «минимализма», не без влияния краткой прозы Р. Карвера, характерно для книг рассказов Блатника «Смена кож» (1990), «Закон желания» (2000), «Ты ведь понимаешь» (2009), а также романа «Измени меня» (2008). Действие романа происходит в ближайшем будущем, в глобальном мире глобального потребления и господства транснациональных корпораций, где утрачена подлинность человеческих отношений. История крупного пиарщика, у которого проблемы с самим собой, женой и окружающим миром, рассказана сдержанно и лаконично, новым для писателя становится приглушенная социально-критическая нота и стремление передать ощущение надвигающейся тотальной депрессии.

В независимой Словении сложилась парадоксальная ситуация: новоиспеченное государство перестало рассматривать художественную печатную продукцию как инструмент национальной самоидентификации и переадресовало эту обязанность частному издателю с его коммерческим интересом. Политические и экономические трансформации «запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым условиям, “встроиться” в глобализованную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка» [7. С. 13]. В то же время окончательное утверждение в общественной жизни принципа плюрализма привело к сосуществованию в культуре множества эстетических систем. Результатом этого стал небывалый художественный эклектизм, сочетание на литературном поле самых разнообразных векторов, поэтик и дискурсов.

Рыночные отношения спровоцировали бурный подъем популярной жанровой продукции, в первую очередь детектива и фантастики, а также путевых заметок и произведений эротического содержания. При этом речь идет не только о количестве, но и о качестве. Некоторые образцы тривиальных жанров – травелог П. Главан «Ночь в Европе» (2001), эротические романы А. Моровича «Секс, любовь и это» (2006) и Д. Ленко «Тела в сумраке» (2013), детектив Т. Голоба «Озеро» (2016) достигли в словенской прозе столь высокого художественного уровня, что их как литературу, отвечающую взыскательным эстетическим требованиям, теперь в той или иной степени учитывают большинство литературоведов. Не без влияния постмодернизма на авансцену шагнул национальный вариант «магического реализма» – «региональная фантастика», авторы которой М. Томшич, В. Жабот, Ф. Лаиншек широко используют мифологический и этнокультурный материал отдельных областей Словении. В прозе активизировалась проблематика сексуальных меньшинств, появились произведения, оспаривающие устоявшийся взгляд на сексуальную идентичность; они стали важной составляющей литературного процесса

не только благодаря своей социальной релевантности, но и в ряде случаев также вследствие высокого художественного уровня (например, роман С. Тратник «Меня зовут Дамьян», 2001). Начала завоевывать читательское пространство женская проза, которая ввела в художественный контекст женскую «оптику» и чувствительность. Гендерный состав словенских литераторов претерпел существенные изменения: доля авторов-женщин к 2020-м годам выросла до 40%. Написанные ими произведения пользуются читательским спросом и регулярно номинируются на национальные литературные премии. Б. Швигель-Мера, К. Маринчич, С. Тратник, Н. Крамбергер, М. Кумердей, С. Храстель, Б. Жакель, В. Симонити, М. Хадерлап и другие писательницы активно внедряют в художественную практику технику «женского письма», их творчество, «перестав быть набором отдельных текстов, превратилось в феномен культуры, проявление гендерно мотивированного коллективного сознания» [6. С. 108].

Важные изменения коснулись романного жанра. В словенском литературоведении давно сформировалось представление о художественном каноне словенского романа, в основе которого были две главные составляющие – национальная идея и лиризм, и действовал «канонизированный» тип героя, тоскующего по недостижимому. Накануне провозглашения государственности гуру словенского литературоведения Я. Кос высказал гипотезу, что с изменением «социокультурных основ словенства можно ожидать и изменения типичных образцов словенского романа» [12. С. 50], она оказалась пророческой. Как отмечает А. Зупан-Сосич, главной особенностью современного словенского романа становится жанровый синкретизм, сочетание признаков многих жанров внутри отдельного произведения [18. С. 4]. Пытаясь привести многообразие современной национальной романной продукции к некоему общему концептуально-типологическому знаменателю, она вслед за М. Эпштейном предлагает воспользоваться универсальной приставкой «транс» и назвать продуктивно развивающийся в словенской прозе тренд «трансреализмом», так как это определение способно точно отразить характер утверждающегося современного метода/стиля, соединяющего элементы традиционной реалистической техники с инновациями на уровне художественного образа. Подобные трансформации традиционной модели реалистического романа Зупан-Сосич обнаруживает в произведениях А. Чара, М. Доленца, Ф. Франчича, П. Главан, М. Мащини, А. Моровича, А. Скубица, З. Хочевара, Я. Вирка, Ф. Лаиншчека и ряда других писателей [17. С. 105–106]. Литературой вновь оказываются востребованы невымышленные сюжеты, «глубоко укорененные в автобиографическом пространстве» [16. С. 172], апеллирующие к недавнему прошлому и настоящему Словении. К опыту и урокам Второй мировой войны обращаются в своих романах Д. Янчар («Безымянное дерево», 2008; «Этой ночью я ее видел», 2010), З. Симчич («Последние десятые братья», 2012), М. Хадерлап («Ангел забвения», 2012), В. Симонити («Ивана перед морем», 2019), к эпохе социалистической Югославии – Н. Пирьевец («Сага о чемодане», 2003), М. Мащини («Король грохочущих духов», 2001; «Вычеркнутая», 2014; «Детство»; 2016), Г. Войнович («Югославия, моя страна»; 2011, «Инжир»; 2016), М. Кресе («Страшно ли мне?», 2012); М. Кошута («Моряк на козе», 2015) и др. Весьма показателен в этом плане роман «Страшно ли мне?», действие которого охватывает более семи десятилетий, с 1941 по 2012 г. – с начала оккупации до первого десятилетия независимой Республики Словении. Повествование ведется от лица героя и героини, участников партизанского антифашистского сопротивления и послевоенного социалистического строительства, затем в него вплетается голос их дочери, представительницы югославской студенческой молодежи 1960-х годов. Все три главных персонажа безымянны, маркированы личными местоимениями третьего

лица «он», «она». Писательница, однако, не скрывала, что прототипами героев романа во многом послужили ее отец, мать и она сама: «В детстве я наслушалась рассказов о том, кто что пережил во время войны, в каких краях все происходило [...]. Вот почему этот сюжет рассказывают мужчина, женщина и ребенок, рассказывают с достоверными биографическими деталями» [10. S. 1558]. В этой, казалось бы, частной судьбе отдельно взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи, что дает автору возможность затронуть ряд болезненных, до сих пор «неудобных» для граждан Словении и других возникших на обломках СФРЮ независимых государств вопросов: раскол общества во время оккупации, обесценивание идеалов национально-освободительной борьбы и беззакония властей в годы социализма, разжигание и обострение межнациональных противоречий после 1980 г. и в постюгославский период. Структура повествования связана с вербализацией памяти посредством нарратива. Реконструируя несколько десятилетий жизни своей семьи, Кресе опирается как на лично пережитое, так и на воспоминания своих родителей, которые интерпретирует весьма субъективно, часто делая акцент на этическом звучании поступка в условиях политического контекста эпохи. Таким образом, принцип достоверности сочетается с субъективным авторским прочтением конкретных страниц истории. Главное качество описываемого времени — его противоречивость: вплоть до провозглашения в 1991 г. независимости, политическое, экономическое и культурное развитие Словении в целом было подчинено общегославскому идеологическому курсу с его партийными чистками и сфабрикованными судебными процессами, противостоянием Тито и Сталина, слежкой спецслужб и партийным контролем в сфере образования и культуры, с одной стороны, и подлинным интернационализмом, взаимопомощью и дружбой между народами и республиками, энтузиазмом созидания и практическим воплощением в жизнь партизанского лозунга «Братство — единство», наконец, созданием особого — югославского — культурного пространства, — с другой. После распада империи Тито последние иллюзии были разрушены, героические идеалы партизанской борьбы «вышли из моды», попав под общее развенчание тоталитаризма, патриотические приоритеты изменились — настоящими спасителями отечества вдруг оказались те, кто когда-то перешел на сторону захватчиков. Лишенный идеализации, но исполненный глубокого уважения к совершенному в годы войны человеческому подвигу, портрет бескомпромиссного поколения — дань памяти эпохе и людям, воспоминания о которых нужно сохранить «именно теперь, когда мир, построенный ими, рухнул» [10. S. 1557], когда в угоду политической конъюнктуры переиначивается история, и сын героини, внук словенского партизана, вынужден констатировать: «Я еду из родной страны, где вдруг стало стыдно, что твой отец был народным героем, еду в Германию, где я могу с гордостью об этом сказать» [2. С. 170].

Другая мало-помалу устанавливающаяся тенденция связана с повышением писательского внимания к темам, отражающим последствия политических и социокультурных изменений на постюгославском пространстве (вооруженные конфликты 1991–2001 гг. на Балканах, феномены «югостальгии», «титостальгии», «чефурский» дискурс (см. [1. С. 104–120]) и др.), что указывает на возвращение в литературу «социально-критического вектора» [15. S. 145]. Злободневные, резонансные, «неудобные» проблемы — положение в стране национальных меньшинств, судьба «вычеркнутых»¹, т.е. людей с югославскими паспортами, на момент

¹ После провозглашения суверенитета статус гражданина СФРЮ в Республике Словении перестал быть легитимным, а паспорт СФРЮ действующим. Данные тех, кто по разным причинам в течение полугода не подал заявления на получение словенского гражданства, были удалены из реестра постоянного населения, а сами они лишены возможности получить статус гражданина РС.

провозглашения суверенитета живших и работавших в Словении и в силу политических и бюрократических причин исключенных из реестра ее граждан, попали в поле зрения прозаиков Г. Войновича («Чефуры, вон!», 2008), М. Мадзини («Вычеркнутая», 2014), П. Главан «Не важно как» (2014), Д. Баука («Конец. Опять», 2015). Два последних романа объединяет не только предмет изображения – судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним в словенском обществе, но и предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью эстетического дискурса. Привлекая внимание читателей к злободневному социальному конфликту, Главан и Баук, каждый по-своему, стремятся разрушить существующие в обществе стереотипы его восприятия: авторские трактовки образов «вычеркнутого/ой» построены на эмпатии. Также для обоих прозаиков характерно использование хронотопа мультикультурного пространства, обуславливающего поступки, взгляды, высказывания героев, присутствие в произведениях персонажей-иностранцев в роли возлюбленных главных героев/героинь (американка Мэри у Баука и ирландец Дэвид у Главан), которым отводится роль внешних наблюдателей за общественной жизнью Словении и которые олицетворяют собой наступление глобализации во всех сферах жизни, в том числе в интимной. В романе «Не важно как» акцент сделан на проблеме соучастия и совины простых граждан Словении в драме «вычеркнутых». Действие развивается в Любляне начала 2000-х годов, когда стихийные протесты «вычеркнутых» трансформируются в организованное движение, к которому присоединяются неправительственные организации и словенские гражданские активисты. Произведение составляют две параллельно развивающиеся сюжетные линии, героини которых – старшеклассница Лили, попавшая под влияние скинхедов, и студентка Аля (в чем-то *alter ego* Главан), взявшая шефство над боснийской семьей, – при трагических обстоятельствах встречаются в финале на одной из акций за права национальных меньшинств. На мирное шествие нападают радикально настроенные правые националисты, среди них уволенный за оскорбление иммигранта Макс, парень Лили, во время потасовки он смертельно ранит пожилого боснийца, которого привела на митинг Аля. Главан напрямую связывает самосознание и тип поведения своих героинь с их социальным происхождением, подчеркивая, что националистическим настроениям больше подвержены социально уязвимые слои словенского общества, которые, в свою очередь, тоже являются «жертвами популистских идей, навязываемых неолиберальной эпохой» [11. S. 35]. В романе «Конец. Опять» показаны фатальные для жизни тысяч людей последствия государственных политических и бюрократических решений на югославском и постъюгославском пространстве, а отдельно взятая трагическая судьба встроена в историю выживания поколения 1990-х. Главные герои романа – четверо подростков, которых на излете социалистической эпохи связала дружба и рок-музыка, а потом развели время и обстоятельства. Первый – Денис, романтик и книголюб, в 1992 г. оказывается лицом без гражданства, триггером становится несловенское происхождение его отца, усугубленное званием офицера ЮНА (Югославской народной армии): вид на жительство парня, родившегося и выросшего в Любляне, аннулируют, его высылают в Хорватию, там мобилизуют и командируют в Боснию, где он и погибает. Второй, Горан, с юных лет отличавшийся особой оборотистостью, в независимой Словении становится

Чуть более 25 тысяч выходцев из других социалистических республик Югославии, имевших в Словении постоянную работу и постоянное зарегистрированное место жительства, оказались вне гражданско-правового поля и системы социального обеспечения (здравоохранения, страхования, пенсий), потеряли право на постоянное проживание и работу, фактически став апатридами, иностранцами-нелегалами.

беспринципным и жадным бизнесменом; третий, Петер, когда-то перспективный студент-гуманитарий, превращается в озлобленного чиновника, бюрократа от культуры. Четвертой в этой компании оказывается американка Мэри, девушка Дениса. Повествование ведется от третьего лица и строится на реминисценциях: герои, которым уже за сорок, вспоминают времена, когда им было по шестнадцать, из оживающих в их памяти картин юности складывается мозаика короткой жизни Дениса. В эти воспоминания вплетается рассказ повествователя о пребывании Дениса в Боснии, отдельные эпизоды которого носят вполне сюрреалистический характер. Так, в каком-то боснийском городе (очевидная отсылка к Сараеву, где руины Национальной и университетской библиотеки Боснии и Герцеговины в глазах всего мира стали одним из символов военной трагедии) герой набредает на разрушенное авиаударом здание библиотеки, по которому бродят призраки библиотекарей. Один из них подводит молодого человека к полкам с книгами, написанными хорватскими, сербскими, боснийскими авторами Александром Хемонном, Давидом Албахари, Игорем Штиксом, Борисом Дежуловичем, Миленко Ерговичем уже после окончательного распада Югославии, т.е. после смерти самого Дениса. В кульминационной сцене романа в воображении автора все четверо друзей снова собираются вместе: трое сорокалетних и навсегда оставшийся молодым Денис. Сюрреалистические зоны произведения – литературный троп, с помощью которого Баук стремится образно воплотить ностальгию героев по югославскому прошлому. Это их способ убежать от себя, от чувства вины и беспомощности перед непоправимостью и абсурдом того, что с ними случилось.

Обращение к патологиям и аномалиям современного общества характерно также для драматургии и поэзии, переживающих в последние десятилетия определенный подъем. В сценическом искусстве лидирующие позиции завоевывает политическая драма. В этом жанре, применяя элементы абсурда, гротеска, сатиры, успешно работают представители среднего поколения М. Зупанчич, В. Мёдерндорфер, Д. Поточняк, а также более молодые С. Семенич и Р. Вилчник. В поэзии на фоне сохраняющихся неоинтимистских (П. Семолич, М. Видмар, К. Перат), урбанистических (П. Чучник, У. Зупан, Г. Подлюгар), неомодернистских (У. Прах, У. Крамбергер, С. Харламов) тенденций авторы все чаще «становятся аналитиками глобальных и локальных социальных уродств: потребительства, погони за успехом, насилия» [14. S. 181], их волнуют темы беженцев, исламофобии, национальной вражды, социального расслоения. Важной вехой современного словенского стихосложения является эпическая поэма Бориса А. Новака «Врата безвозвратности: эпос» (2015–2017), общим объемом 40 тыс. стихов, в которой поэт реконструирует и верифицирует прошлое, воплощая его в поэтических образах (см. [8. С. 121–139]).

Провозглашению словенского суверенитета предшествовал почти тысячелетний путь, на протяжении которого языку и литературе как главным средствам выражения национального самосознания придавалось особое значение. Ныне словенская литература завершила свою многовековую национально-охранительную миссию, частично утратила привилегированный статус и лицом к лицу столкнулась с необходимостью переосмыслить и актуализировать свою общественную роль. Усугубляет ситуацию и то, что словенское общество все еще расколото во взглядах на национальное прошлое, поэтому не приемлет идеологически нейтральных трактовок пережитых травм. Однако, несмотря на возрастающую опасность маргинализации и размывание ценностных критериев, литература пока еще способна аккумулялировать свой «имманентный этический потенциал» [15. S. 193], создавать интеллектуальные и эстетические формы переживания жизни, поддерживая тем самым духовную экологию человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красовец А.Н. Память об общем социокультурном пространстве Югославии и его распаде в романах Горана Войновича // ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм (серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 104–120.
2. Кресе М. Страшно ли мне? / пер. Н. Стариковой. М.: Центр книги Рудомино, 2017. 176 с.
3. Словенская литература XX века / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2014. 325 с.
4. Старикова Н.Н. Модернизм 2 // Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 269–275.
5. Старикова Н.Н. Постмодернизм // Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 350–355.
6. Старикова Н.Н. Проблема «женского письма» в современной словенской литературе и критике // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И.Е. Адельгейм (серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 95–111.
7. Старикова Н.Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 392 с.
8. Старикова Н.Н. «История сквозь призму лирического фрагмента». Образы прошлого в трилогии Бориса А. Новака «Врата безвозвратности» // ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм (серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 121–139.
9. Старикова Н.Н. «Журнальный зал» инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ // Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст / отв. ред. Л.Ф. Широкова (серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 171–190.
10. Svetka Bevc z Marušo Krese // *Sodobnost*. 2011. Let. 75. № 12. S. 1551–1563.
11. Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana // *Primerjalna književnost*. 2016. Let. 39. № 3. S. 23–42.
12. Kos J. Teze o slovenskem romanu // *Literatura*. 1991. № 13. S. 47–50.
13. Kos M. Sodobna slovenska literatura v kontekstu: med marginalnostjo in globalnostjo // *Primerjalna književnost*. 2009. Let. 32. № 2. S. 41–51.
14. Novak Popov I. Mlada slovenska poezija zadnjega desetletja // *Sodobna slovenska književnost: (1980–2010)* / ur. Alojzija Zupan Sosič. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik, 2010. S. 179–185.
15. Virk T. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2021. 222 s.
16. Zieniewicz A. Pakty i fikcje. Autobiografizm po końcu wielkich narracji (szkice). Warszawa: ELIPSA, 2011. 256 s.
17. Zupan Sosič A. Na pomolu sodobnosti ali o književnosti in romanu. Maribor: Litera, 2011. 234 s.
18. Zupan Sosič A. Zavetje zgodbe. Ljubljana: LUD Literatura, 2003. 224 s.

REFERENCES

- Cvetka Bevc z Marušo Krese. *Sodobnost*, 2011, let. 75, no. 12, pp. 1551–1563. (In Slov.)
- Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana. *Primerjalna književnost*, 2016, let. 39, no. 3, pp. 23–42. (In Slov.)
- Kos J. Teze o slovenskem romanu. *Literatura*, 1991, no. 13, pp. 47–50. (In Slov.)
- Kos M. Sodobna slovenska literatura v kontekstu: med marginalnostjo in globalnostjo. *Primerjalna književnost*, 2009, let. 32, no. 2, pp. 41–51. (In Slov.)
- Krasovets A.N. Pamyat' ob obshchem sociokulturnom prostranstve Yugoslavii i ego raspade v romanah Gorana Vojnoviča. *PAMYAT' vs ISTORIA. Obrazy proshlogo v hudozhestvennoy praktike sovremennykh literatur Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* (po materialam II Khorevskih chteniy), ed. I.E. Adelgeim (seriya

- «Sovremennye literatury stran Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy), Moscow, ISS RAS Publ., 2019, pp. 104–120. (In Russ.)
- Krese M. *Strashno li mne?*, per. N. Starikovoy, Moscow, Centr knigi Rudomino Publ., 2017, 176 p. (In Russ.)
- Novak Popov I. Mlada slovenska poezija zadnjega desetletja. *Sodobna slovenska književnost: (1980–2010)*, ed. Alojzija Zupan Sosič, Ljubljana, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik Publ., 2010, pp. 179–185. (In Slov.)
- Slovenskaia literatura XX veka*, ed. N.N. Starikova, Moscow, Indrik Publ., 2014, 325 p. (In Russ.)
- Starikova N.N. Modernizm 2, *Leksikon yuzhnoslavjanskih literatur*, ed. G. Ya. Ilyina, Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 269–275. (In Russ.)
- Starikova N.N. Postmodernizm, *Leksikon yuzhnoslavjanskih literatur*, ed. G. Ya. Ilyina, Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 350–355. (In Russ.)
- Starikova N.N. Problema «zhenskogo pis'ma» v sovremennoy slovenskoy literature I kritike. *Gender i literatura v stranah Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy*, ed. I.E. Adelgeim (seriya «Sovremennye literatury stran Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy»), Moscow, ISS RAS Publ., 2013, pp. 95–111. (In Russ.)
- Starikova N.N. *Literatura v sociokul'turnom prostanstve nezavisimoy Slovenii*. Moscow, Indrik Publ., 2018, 392 p. (In Russ.)
- Starikova N.N. «Istoria skvoz' prizmu liricheskogo fragmenta». Obrazy proshlogo v trilogii Borisa A. Novaka «Vrata bezvozvratnosti». *PAMYAT' vs ISTORIA. Obrazy proshlogo v hudozhestvennoy praktike sovremennykh literatur Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* (po materialam II Khorevskih chteniy), ed. I.E. Adelgeim (seriya «Sovremennye literatury stran Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy»), Moscow, ISS RAS Publ., 2019, pp. 121–139. (In Russ.)
- Starikova N.N. «Zhurnalny zal» inakomyshia: vol'noe slovenskoe slovo v epohu SFRY. *Literaturno-kriticheskaya periodika v stranah Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy: struktura, tipologiya, sociokulturny kontekst*, ed. L.F. Shirokova (seriya «Sovremennye literatury stran Central'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy»), Moscow, ISS RAS Publ., 2020, pp. 171–190. (In Russ.)
- Virk T. *Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Publ., 2021, 222 p. (In Slov.)
- Zieniewicz A. *Pakty i fikcje. Autobiografizm po końcu wielkich narracji (szkice)*. Warszawa, ELIPSA Publ., 2011, 256 p. (In Polish)
- Zupan Sosič. *Zavetje zgodbe*. Ljubljana, LUD Literatura Publ., 2003, 224 p. (In Slov.)
- Zupan Sosič A. *Na pomolu sodobnosti ali o književnosti in romanu*. Maribor, Litera Publ., 2011, 234 p. (In Slov.)

Информация об авторе:

Старикова Надежда Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-1230-2244
Email: nstarikova@mail.ru

Information about the author:

Starikova Nadezhda N.,
DSc. (Philology), professor,
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-1230-2244
Email: nstarikova@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 65–80

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 65–80

DOI: 10.31857/S0869544X0025873-3

Оригинальная статья / Original Article

Материалы к изучению полесской обрядности Сретения: магическое использование громничных свечей в годовом и семейном ритуальных циклах

© 2022 г. М.А. Андрунина

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mary-andr@mail.ru

Аннотация. В традиционной культуре Полесья особую роль играют освященные в день Сретения/Громниц (2/15 февраля) свечи, их используют практически во всех ритуальных действиях на протяжении циклов семейной, календарной, хозяйственной и окказиональной обрядности, в разнообразных магических действиях, в основном направленных на достижение плодородия, обеспечения защиты и здоровья. Исследование проведено на основе данных Полесского архива и полевых материалов автора.

Ключевые слова: Сретение, гром, свеча, семейная обрядность, календарь, сельскохозяйственный цикл ритуалов.

Ссылка для цитирования: Андрунина М.А. Материалы к изучению полесской обрядности Сретения: магическое использование громничных свечей в годовом и семейном ритуальных циклах // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 65–80. DOI: 10.31857/S0869544X0025873-3

Materials for the Studies of Candlemas in Polesie: The Magic Uses of Consecrated Candles in the Calendar and the Family Ritual Cycles

© 2022. Maria A. Andrunina

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mary-andr@mail.ru

Abstract. In the traditional culture of Polesie special part belongs to the candles consecrated on the day of Candlemas held on 2/15 of February. These candles are used in the family-life cycles, calendric, agricultural and occasional rites, in multiple magic acts aiming at producing safety and health. The article is based on the data from the Polesian archive and field materials of the author.

Keywords: Candlemas, candles, thunder, family rites, calendar, agricultural cycle of rituals.

Reference for citation: *Andrunina Maria A.* Materials for the Studies of Candlemas in Polesie: The Magic Uses of Consecrated Candles in the Calendar and the Family Ritual Cycles // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No. Pp. 65–80. DOI: 10.31857/S0869544X0025873-3

Обрядность Сретения и связанные с этим праздником мифологические представления занимают особое место в народном календаре: у многих индоевропейских народов широко распространены мотивы встречи весны, разгула волков в этот день и пр. [3]. В церкви освящали особую (*сретенскую, громническую*) свечу, лен и талую, снеговую воду (*сретенска вода, стречальна вада, стричанна вада, стрэчальна, встрэтишальна, стрэчна вада, свята вада*¹), которую хранили и магически использовали на протяжении всего года; по ряду признаков в этот день предсказывали погоду и урожай будущего лета. Сретение соотносится с различными областями традиционной культуры и самыми разнообразными обрядовыми циклами. В данной работе не ставится цель описать и изучить все эти фрагменты традиционной культуры, основное внимание направлено на небольшую часть связанных со сретенской свечой ритуальных контекстов, а именно использование этого ритуального предмета в обрядности календарного и семейного циклов. Статья предлагает вниманию читателя коллекцию материалов Полесского архива по данной тематике, избранного из-за высокой репрезентативности данных, широкого охвата диалектного материала и плотного покрытия одного из самых архаических славянских регионов, а также полевые материалы автора из этих же и соседних областей с привлечением уже опубликованных сведений из названных и иных регионов. Целью данной работы можно назвать введение в научный оборот ранее не публиковавшихся полевых и архивных материалов для дальнейшего изучения обрядности Сретения и связанной с этой датой представлений на широком индоевропейском материале.

Порядок жизни человека традиционной культуры определялся и регламентировался несколькими в разной степени привязанными к календарю циклами, отмерявшими периоды работы и отдыха, встреч и проводов сезонов, в конечном итоге – жизни и смерти. В ритуальном оформлении человеческой жизни выделяется круг *семейных* обрядов, включающей в себя родинный, свадебный и погребальный циклы; *аграрной*, планирующей и регламентирующей важнейшие сельскохозяйственные занятия, от которых зависело выживание человека и целого сообщества (сев, жатва, посадка и уборка некоторых культур, начало выпаса скота и пр.). Следует говорить и о *календарной* обрядности, маркирующей смены сезонов и обнаруживающей, в свою очередь, связь как с православной идеологией (передвижные праздники пасхального цикла, начало и конец постов, дни памяти разных святых и т.п.), так и с более архаическими мифологическими пластами, относящимися к древнейшей картине мира (например, когда *играет солнце*, с какого дня можно и после какого нельзя купаться, когда можно начинать есть плоды нового урожая и пр.). Различные циклы тесно связаны между собой и накладываются друг на друга, создавая каждый раз *индивидуальный* рисунок (дата собственной свадьбы, рождение детей, поминки близких, приуроченные к календарю магические действия, например гадания,

¹ Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

и др.), с другой стороны, осуществляя связь *внутри социума* (ритуальные бесчинства², участие в обрядах с последним снопом, праздничные гуляния и пр.), связь человека *с природой и мирозданием* (например, закликание весны), а также *с миром предков* (общие календарные поминки умерших (напр. деды, Радуница и пр.) и т.д.). Именно по признаку включенности в такие последовательности, сохранившие в себе черты глубокой архаики, материал семейного, аграрного и календарного цикла был избран для изучения обрядового использования громничных свечей и его мифологических мотивировок. Это позволило бы рассмотреть роль данного ритуального предмета не в отдельных разрозненных сюжетах, а в их единой связанной последовательности.

Помимо освященной на Сретение свечи (*громни́ца, громни́чка, грóмныця, грумны́чна, грумни́шна, грумни́чна, груни́чная свѣчка, груни́чна свѣчка, грумнѣчная, громни́чна, громи́чна свѣча́, громни́чна свѣчка, громováя свича́, громováя свѣчка, свечкѣ́-громни́чки, свѣчка грамни́цкая, свѣчка святая, сретенская свѣчка, стрѣчанска свѣча́, стрѣчанская свѣчка, стрѣчанская свѣчка, срѣтѣньска, стрѣтенська, стрѣченська, стрѣчанська свѣчка, стрѣчна, стрѣчанские свѣчки, стрѣчки свѣчки, стрѣченя свѣча, стрѣчелна свѣчка, стрѣчана свѣчка, страчная свѣча, свѣчки стрѣченые*)³ в народе почитаются освященные в Чистый четверг свечи (*страстные, четверговые*), пасхальные, венчальные и пр. [6. С. 397–403], однако *громничная свѣча* и часто синонимичная ей во многих контекстах *четверговая*⁴ фигурируют чаще всего. Функциям и магической роли свечей в народной культуре посвящен ряд работ, например, С.М. Толстая в книге «Полесский народный календарь» подробно рассматривает дистрибуцию ритуального использования сретенских и четверговых свечей в Полесье [6], отчасти обрядности Сретения и относящимся к этому дню мифологическим представлениям посвящена ее же работа о христианских праздниках в народном календаре [7], помимо этого можно назвать словарную статью о сретенской свече В. Василевича [2].

Освящение *сретенских* или *громничных* свечей происходило на службе в одну из наиболее значимых в народном календаре февральских дат, в праздник Сретения Господня (2/15.02), установленный церковью в честь очищения Богородицы (у католиков — *Oczyszczenie Najświętszej Maryi Panny*), принесения младенца Христа в храм и его встречи с Симеоном Богоприимцем. Свечи для освящения самостоятельно отливались из воска накануне праздника (бел. витеб.)⁵ [4. С. 237] или покупались в храме. В Лельчицком районе Гомельской области встречаются сообщения информантов о том, что сретенскую свечу следует освящать несколько раз подряд и в другие праздники (Благовещение, Пасха, Троица, Спас, Успение). Чем больше раз освятили свечу [3; 7; 9], тем более магически сильным предметом она считалась. «(О сретенской свече.) На Стрѣчанне я́ свѣцяць, кожны гуод. Тры гуоды пудры́д свѣцяць» (Стодоличи, лельчиц., гомел.); «То на Стрѣчанна ея тры года й свѣцяць. Забу́ле́ла от у нас коро́ва, а вонá ў нас мокра та́ка, то трѣба ка́юць, куры́ць цу коро́ву тою свѣчкаю трыго́дную» (Стодоличи, лельчиц., гомел.); «Стрѣченська. От берóць хозы́йка

² Ритуальное «антиповедение», приуроченное к некоторым календарным датам (например к Рождественскому сочельнику (зап.-слав.), пасхальному понедельнику (пол.), Купале (бел.) и пр.), включающее в себя «шутки», совершаемые молодежью по отношению к односельчанам: переворачивание предметов во дворе, затыкание печных труб, разбирание заборов, снятие ворот, подпираание дверей и т.д.

³ Полесский архив.

⁴ Свеча, освященная в церкви в страстной четверг на службе двенадцати Евангелий.

⁵ Географическая атрибуция дается в форме: село, район, область; в иных случаях так, как это удастся установить по источнику.

тую свѣчку та и шчэ Всеночну да Тройчыну та трэ́тыя свѣчку посведиць тры ра́зы, злѣпляць их умѣсце й посвѣцяць то ўжэ вони вельмі добрии ты́я свечкы для худобы [...]» (Стодоличи, лельчиц., гомел.); «(Средство от домовика.) Шчэ со стрѣчаной сўзчкою обойти́ хату. Як семь раз сўзчка одна сўэтицца. Обойти́ три раз» (Симоничи, лельчиц., гомел.); «Водну́ свиѣчку трэ́ба 9 раз посвяця́ць и вона́ где, то ў тую хату грум не бѣе. Эта стрѣчэна свиѣчка. (Праздники, ког-да ее светили) – Вялькание, Благовѣшчэнье, Встрѣчэнье, на Спаса, Сплэние и т.д.» (Замошье, лельчиц., гомел.)⁶.

Ритуальные действия со свечой на Сретение можно выделить в отдельный последовательный комплекс, включающий в себя освящение свечей в церкви, принесение их домой (часто горящими), прижигание ими волос домочадцам, обход с ними домов и хозяйственных построек, копчение пламенем крестов на потолочной балке, над дверями и окнами жилища (в некоторых случаях и хлева), что, по народным представлениям, должно было защитить людей и подворье от грома, пожара от молнии, различных бед и болезней. «(Освящали ли особенную свечу?) Было. Старэйшие знали, атмечали. На Грамници у нас асвясччали съвечки» (Клетное, пружан., брест.)⁷; «На Громны́цы свичкэй свѣтят ў цэрквы» (Бельск, кобрин., брест.)⁸; «Съвечку несли запаленную да хаты и этаю съвечкаю абносяць все сваи пастройки ат грому и больше ничаго» (Оранчицы, пружан., брест.)⁹; «На Стрѣгенне вот як прыходымо, на двѣрях пѣрших и на дру́гих и на трэ́тых хрэсты робимо. Ў трох́ двѣрѣх и тры хрэста́ и на бѣлку на сэрэднэм (четвертый) рѣбимо» (Боровое, рокитн., ровнен.); «Громны́чна свѣчка, бѣруць, кѣсы подкўрують сѣби чуть-чуть, шоб грозы́ нэ боя́ться; кругѣм хаты, сара́я з огнѣм обходы́ты (шоб гроза нэ трѣнула), крѣсты́ рубы́лы на ба́льках, подкпчовалы» (Бельск, кобрин., брест.)¹⁰.

Свечой требовалось прижечь волосы на голове в одном месте или крест-накрест, в большинстве случаев это делали всем домочадцам, иногда только детям или тем, кто боится грома, или, в редких случаях, только женщинам. «(Громничной свечкой на Громници) ка́ждому кругѣм и голоўкы подпáлють, шоб быў крѣст на голоўѣ. Это каб голова́ нэ болѣла» (Онисковичи, кобрин., брест.); «Малѣнькы й старѣнькы на Громны́цы во́лос подпáляют на чоты́ри бо́ка» (Бельск, кобрин., брест.)¹¹; «Падпаливали, я в гэтам гаду падпаливала, тоже так-само. Прыходзиць с эта́й съвечка́й с цэрквы и хто у хаце ёсць, становяцца на калени, перахресцилися, съвечкаю абнясли раз и падпалили вот тут и тут (показывает места спереди головы и сзади), и накрѣст, и так тры раза. (Для чего это делали?) Гэта чтоб галава не балела, шоб грому не баялся, шоб здаровый быў, гэта так гаварыли ўсе и зараз я в гэтом гаду то тожэ, саседка прышла, ана мене (подпалила). Называли гэта “абкўрыць съвечка́й грамничнаю”, шоб ниякая нечысць не прыставала» (Ровбицк, пружан., брест.)¹²; «[...] Подкўрвали трѣшэчку ў аднѣм мѣсцэ йде-нибудь и дѣтям и сѣби, ўсим, хто ест ў до́му» (Ласицк, пин., брест.); «И ребѣнку поткўровают и любѣму чело́веку (громничной свечой), шоб не бо́яўся грѣма» (Заболотье, брест., брест.); «На Громны́цы кѣсы подпáливали ба́бам,

⁶ Полесский архив.

⁷ Полевые материалы Андруниной М.А., рукопись, Москва.

⁸ Полесский архив.

⁹ Полевые материалы.

¹⁰ Полесский архив.

¹¹ Полесский архив.

¹² Полевые материалы.

шоб голова не боліла» (Онисковичи, кобрин., брест.)¹³. Этот обряд мог проводить старший в семье, отец, мать; тот, кто ходил в этот день в церковь: «Прыходіць ма́ты с цэ́ркви у стрэ́ченье и ка́жного рабе́нка и стары́х усі́х доў́жна подсмо́ліць (освященной свечой): ко́сы подпа́ливае усім (со стороны лба), шоб грóму нэ ляка́лыса. И на баў́ке (в хате) на́до зробі́ць крэ́стика от грóма, а другі́е и на во́кнах, и на дверáх зрóбляють» (Кончицы, пин., брест.)¹⁴; «[...] бацька мой ешчэ жив был, он абхадзіў ўсю хату с сьвянцонай вадою, сьвечкай и рабили такие крэсцики, даже па ўсей хаце и ў хлев хадзили, где скацина и там рабили ўсе. Эта на Грамници» (Ровбицк, пружан., брест.)¹⁵.

Обжигание свечой могло проводиться молча, но иногда при этом молились или произносили особые магические формулы: «Падстрыгаемся. Бярём мы сьвячу, запаливаем, я дзяцей сажу, я вазьму, пахрышчу, да абвяду тры разы па часавой стрэлке и бяру с пераду чуць, сзади, с праваго боку и с леваго чуць-чуць, падпалю этаю сьвечкаю; тады уже каго падстрыгаю, той тушыць яе. А другому я апяць зажгу. Падпавливая. Это для здаровья» (Юндылы, пружан., брест.)¹⁶; «Дамоў тixенько прыне́сьць свэ́чку и по брусы́ здэ́лаў хрэ́ст, на парóзе, ў сенца́х, у хліве — это для ўся́каго слў́чая — и для пажáра, и для скаті́ны ў хлёве делают. “Ма́терь Бо́жая, Исус Хры́стос, Спасі́ дамóк и хляво́к, и худóбину” — як ў хату во́йде и гавóрэ. Идэш ў хлев: “Спасі́ маю скаті́нку ў хлёве, шоб была́ здаро́вая и весёлая”» (Присно, ветков., гомел.); «Пудпа́льваем (детям волосы, чтобы не боялись грому), на Громні́цы, на́хрэст, тут о и зза́ду. Сьві́чку як запáлимо, грумні́чнэй сьві́чкой пудпа́лимо. Сьвя́тымо у цэ́ркви, прихóдымо до до́му и подпа́лимо. И на ба́лки рóбять хрест. Ка, “Дай Бо́жэ шоб шéдраго го́у да́ты”» (Радеж, малорит., брест.)¹⁷.

Во многих случаях на Сретенской службе освящали еще и лен, волокном или ниткой из которого обвязывали громничные свечи: «Громні́чну свичу льно́м (обвяжуть), святя́ть у цэ́ркви» (Бельск, кобрин., брест.); «[...] Я́ко громні́цы, у нас святя́ть свэ́чки, ні́точку там завя́зывают на эту свэ́чку, як до свячіння, як до цэ́ркви несúть» (Бельск, кобрин., брест.)¹⁸. Во многих контекстах лен и громничная свеча оказывались соотносенными, например: «[...] Шэ так каза́лы: “Громні́цы — зымы́ половы́цы”. Шоб грим нэ був в хату, на громні́цы свичку льно́ном обвэ́зувалы и обно́сылы круго́м ха́ты» (Забужье, любомл., волын.); «Сьвяты́лы свичкы́ на Стры́чэнне от як грэмíть, то палы́лы. А шчэ як рóжу спа́ливають, то лёна пáлять, да гэтой сві́чкой запáльвають» (Нобель, заречнян., ровен.)¹⁹ и т.д. В народном представлении соотносенность этих двух ритуальных предметов, льна и громничной свечи, могла реализовываться также через льняной фитиль внутри свечи: «Сатана́ нэ во́йдэ в лён. Свэ́чи вот рóблять, то з негó кнёты́ки (волосок посередине) утыка́ють. На Стры́тенне, громні́цы» (Нобель, заречнян., ровен.)²⁰. Особый магический статус льна, которым была обвязана громница иллюстрирует записанная в Брестской области быличка о том, что с помощью обыденного полотенца, сделанного из собранного по всему селу льна, которым были обвязаны сретенские свечи, спряденного

¹³ Полесский архив.

¹⁴ Полесский архив.

¹⁵ Полевые материалы.

¹⁶ Полевые материалы.

¹⁷ Полесский архив.

¹⁸ Полесский архив.

¹⁹ Полесский архив.

²⁰ Полесский архив.

и вытканного на Чистый четверг удалось остановить падеж скота: «Хороба оказáлася, цїла селó здыхáет коровы. И одна бáба сказáла, збирáйте той лен што свечкї громнїчны замóтаны с цѣла село. И зобрáли. И як раз четвѣр великóдный, Страсть. Зобрáлиса бáбы. И до вѣчор трѣба и спрáли и основáли и навѣли на крósна и одна запрядае и покá пївни заспева́ють тое полотно́, ручникá вы́ткати трѣба. И постелїти поперьóк селá и пережѣнти скот усьóй чѣрѣз той ручник. Як перегнáли и утекáлася уся та хороба. И того́ ручникá взя́ли у цѣрк-ви здалї́» (Радеж, малорит., брест.)²¹ [ПА].

Приведенный здесь комплекс обрядов с громничной свечой на Сретение, равно как и окказиональные функции этих свечей в качестве защиты от молнии, наиболее полно фиксируются в диалектной зоне западного Полесья (по границам Припяти–Ясельды–Горыни). В центральном Полесье данная обрядность практикуется в частично размытой форме, например, присутствует освящение свечи и вера в ее защищающую силу (в первую очередь, от грома), копчение крестов на балках и прочем и может не фиксироваться прижигание волос. В восточном Полесье и частично в центральном перечисленные выше действия исполняются в Чистый четверг, ритуальные и магические смыслы закреплены здесь за страстной, четверговой свечой.

Помимо Сретения и Чистого четверга эти ритуальные действия могут оказываться приуроченными к другим праздникам: Новогоднему и Рождественскому циклу (Колядам), Крещению (6/19.01), Пасхе. Например: «Бацюшку завеш и ён ходзиць и свечой робиць крыжыки после Каляд» (Хорева, пружан., брест.)²²; «Пѣред Водóхрышчэм хóдять, крыжыки рисúють на óкнах, на двѣрjáх. А ўжэ на Громнїцы свѣчкою громнїчною дымкóм тым на бáльках дѣлають крыжыки. Мóжэ и для ё́го – (чтобы грома не бояться)» (Онисковичи, кобрин., брест.); «Громовáя свичá. Тэ́ю свичóю трѣба малéго ребѣнка подсмáлїть накрэст: (на лбу, темечке, висках). Щоб дытя грому нэ боя́лось. На Крэщчѣнне тэ́ю сáмою свичóю на бáльке колэсó обвэдэ́ш и хрэста ў сэрэдыне рóблють» (Олтуш, малорит., брест.); в Гомельской области записано сообщение, что такие крестики делали на Пасху «[...] (На Сретение крестики не подкуривают.) Подкуривают хрэстики на Пáску, тут на бáльки хрэстики здѣланы для икóн. [...]» (Золотуха, калинкович., гомел.)²³.

Как видно из приведенного выше материала, ритуальные действия с громничной свечой на Сретение практиковали с целью индуцирования здоровья, защиты от болезней и нечистой силы, против удара молнии и от страха перед грозой. Обношение свечой дома и хозяйственных построек, копчение крестов возле окон и дверей равно как и подпаливание волос людям с четырех сторон создавало вокруг них и их имущества особую магическую границу, которое ничто враждебное не могло переступить. Подобная семантика этих ритуальных действий проявляется и в других ситуациях. Например, во время эпидемий громничной свечой обносили село и в четырех его концах закапывали в землю немного воска с нее (бел.) [2. С. 125]; «Пожáр с грóмничной свѣчко́й (обхóдят) три рáза по сóнцу. Тóлько бóдет верх бить плáмя» (Заболотье, брест., брест.); в селе Жаховичи (мозыр., гомел.) с громницами обходили село на случай пожара; «[...] Ат усягó стрячѣнские свя́чи. Шчоб скот, ўсѣ харашó, другїе ў тїхае врэ́мя свѣчку палáть и абхóдять весь сарáй, штоб ўсѣ благапалúчно былó» (Челхов, климов., брян.); «Обходзїли жыто з грóмовой свячкóй» (Велута, лунинец.,

²¹ Полесский архив.

²² Полевые материалы.

²³ Полесский архив.

брест.)²⁴; чтобы не побил град, в Градовую среду обходили поля с запаленной громницей [2. С. 125]; ребенка обходили с громничной свечой от испуга (Оброво, ивацевич., брест.)²⁵.

Рассмотрим употребление громниц в другое календарное время и в других контекстах. Эти свечи зажигали или брали с собой на всех этапах **аграрной обрядности**: во время первой вспашки полей, сева, ухода за нивами, в градовые праздники²⁶, в период жатвы и пр. «Громны́чну свічку бра́лы, ко́лы за па́хувалы» (Любязь, любешов., волын.); «Стрэ́теньска свэ́чка. Як горáть йé-дуть, то бэ́руць з собо́й» (Боровое, рокитн., ровнен.); «[...] Той свэ́чкой по́ле благословля́ють, як ў по́ле ё́дуть [...]» (Симоничи, лельчиц., гомел.)²⁷. В начале сева «Бяруць хлебца, сольки, праскурачку, ти артос, ячка великодная, пасачку и зерняты. Грамничку запаля, к сонюшку стая, памолитца, тагды сея» (бел. витеб.) [5. С. 136]; «[...] Як сэюць у зймлю одно́го хрэ́шчыка кладут (ритуаль-ный хлеб, испеченный на средопостие), яйца и стрэ́чилну свэ́чку» (Замосье, лельчиц., гомел.); «Ек ё́халы засева́ць на па́шню пер́вый раз, бэ́руць громны́чную свічку, свята́ю вербі́ну и хрисц́ы» (Остров, пин., брест.); при севе про-са пропускали его семена через огонь горячей громницы (Радеж, малорит., брест.); «Як лен сэюць, бяру́ць яйчки, свэ́чачку ло́жаты стрэ́ченскаю. [...]» (Золотуха, калинкович., гомел.)²⁸.

Сретенским свечам в народе приписывали силу приносить урожай и способность защитить посевы от вредителей и негативных атмосферных явлений: «Як зася́юають, бяру́ць жы́та свяцо́нае, свэ́чку стрэ́ченскаю, нема́ стрэ́ченскай, дак такую́ берэ́шь и гаво́ришь: зара́дзі, Бо́же, на ўся́каю до́лю: на криво́га, на сляпо́га и на нішчих» (Золотуха, калинкович., гомел.); «Як просо, кашу, яйцо кі́даем свяцо́нае, шоб птыцы, вара́бы не ели. Ў зёрни клали свячу́ (которую святили на “Стрэ́чанне”» (Жаховичи, мозыр., гомел.)²⁹; верили, что она защищает уголья от засухи (рус., бел., укр.) [1. С. 570]; «апать же, кали вязуть першы́й сно́п у гумно, тагды расьтыла́ють ту́ю вялікодную скатярку, кладу́ць на яе грамничку и чараз яе вязу́ць новы́й хлеба́ць» (бел. витеб.) [5. С. 136].

Громничная свеча находит широкое применение в **животноводческих обрядах**: ее использовали для благополучного отела скота и здоровья телят «Ка́ро́ва а́тілица, запáлять, стрэ́чэ́нічная свэ́чка» (Присно, ветков., гомел.); «[...] А по́тым, ка́да каро́ўка а́те́лица, берэ́ хазя́йка ё́ту свэ́чка и во́ду свяцо́ну, бярэ́ кру́жычку вады́ и идэ́ ў хлев и абалле каро́ўу вадо́й свяцо́най и як запалить свэ́чку (сретенскую) и три раз каро́ўку або́йдеш. [...]» (Золотуха, калинкович., гомел.); «[...] Стрэ́чэ́нскай свэ́чкай а́ку́рваюць телё́нка, шоб жы́ў, не падо́х» (Присно, ветков., гомел.)³⁰; при первом выгоне коров на пастбище ее брали с собой, чтобы уберечь скотину от вреда, ее хранили в хлеву как оберег от демонов и ведьм; ею окуривали заболевших или пострадавших от сглаза и нечистой силы животных. При первом выгоне скота на пастбище весной громницей окуривали корову, воск с нее прилепляли на рога или в шерсть животного в качестве эффективного оберега от нечистой силы: «[...] На ле́та па́стить як

²⁴ Полесский архив.

²⁵ Полесский архив.

²⁶ Главным образом, *Градовая середá* – среда на пасхальной неделе, перед или после Троицы; праздник, в основном известный в Полесье запретом на разные виды работ, в первую очередь сельскохозяйственных, в целях защиты от града.

²⁷ Полесский архив.

²⁸ Полесский архив.

²⁹ Полесский архив.

³⁰ Полесский архив.

выганяем, мы эту свечку вóзьем да пагóним пáстить кароў» (Золотуха, калинкович., гомел.); «Пёрвы раз запасують корóву, дак нáдо класть стрéченьскую свéчку и пáру яйчек посвяцёных от погáнки и замóк – вéдзьме рот замыкáть» (Золотуха, калинкович., гомел.); «Стрéченска свéчка. А ту свéчку дёржать то як выгоня́ть худóбу, то тóю свéчкою подúкрують и як што подкúрають» (Боровое, рокитн., ровен.)³¹. Чтобы уберечь корову от ведьмы, от русалок, громницу привязывали на рога, заливали в просверленную на рогах дырочку ртуть и залепляли ее воском от этой свечи (бел.) [2. С. 125]. «Улепалы ў шэрсьць. Бо як на руож прывяжы, то зьíмуць áбы сам сорвéць. Прывяжывалі срéчэньскай свэ́чкы трóшки тошки лáдану ё́того, туда кíдаюць свичáну соль, шчо на Пáску светили, трóшки уголя то ужé як хто йдэ та и ўжэ як хто йдэ та и на корóву позирае, то хозяйка ўжэ кáжэ: “Соль и печы́ма с твойма лихма очы́ма, а зáслонка ў плéчы шчо́б не приста́ли да моёй корóвы о́чы”. Ето так говóраць» (Стодоличи, лельчиц., гомел.)³².

Громничная свеча, положенная в хлеве или заткнутая за его воротами, охраняла животных от вторжения нечистой силы и вреда с ее стороны: «На Стрётение святили свéчки, на Купáйлу затыкали их в воротá до корóвы, шоб вéдьма не пришлá» (Боровое, рокитн., ровнен.); «Свiчку грумнiчну вiшали, она тiлько зубáмы погрызае (и войти ведьма не сможет)» (Олтуш, малорит., брест.)³³. Свечой или воском от нее окуривали животных в случае болезни, слеза и если корова переставала доиться, что расценивалось как вред со стороны ведьмы: «Свéчка стрéчэньская, свéчка всенóшная и свéчка раздвiньская – iх хавáюць для худóби. Усiм ё́сли балее худóба, iх усé тры запáлять и идúть да худóби. Крэст зрóбыш, и кáжэш: “Мáтерь Бóжая, атратúй скатiнку ё́ту”» (Присно, ветков., гомел.); «[...] Кури́ли вiмье от шо умрэ да звiзваюць нóги (тряпочкой, которой связывали ноги покойнику) и стрéчаным вóском. У мiсочку да жарiну тудá да вóску да росхóдник – такé зéлье да онó ужé кúрить, подкúривае» (Тхорин, овруч., житомир.); «Як падiў бóде – малакó убывáэць у карóвы. Свéчка срéчэньская даўжнá быць, ўсéначная, на кутé ляжiць – еé запáляюць, к карóви идúть. Пра́никам я еé клáдила – па спiнэ, па баку, па вiмя» (Присно, ветков., гомел.); «Кали́ вéдзьмы уварúюць малакó, трэ́ба разламáць грамнiшную свéчку на дзéвяць бóбачак и палажiць у рéшата, абнёсци вакóл карóвы и сказа́ць: “Вéдзьма, выхадзi и бóльш не прыхóдзi!”» (Туховичи, ляхович., брест.)³⁴. По наблюдениям С.М. Толстой, сретенская свеча в качестве оберега скота преимущественно используется в зоне нижнего течения Припяти, другие ее функции в этом ареале менее выражены [6. С. 398].

В календарной обрядности также присутствуют эти свечи: «Громнiца. На празники паляць» (Велута, луинец., брест.), «[...] Як кáе свáто, запáливаем. [...] (Чудель, сарнен., ровен.)³⁵; громницы зажигали при разговении на Коляды (бел. брест.) [9. С. 66] на Крещение (бел. мин.) [10. С. 88]; «[...] и як ужэ Пáску йедя́ть, то ужэ пáлять (сретенскую свечу), кóло тогó хлiба, шо едя́ть» (Щедрогор, ратнов., волын.)³⁶; «Запальваюць яе, як Радаўнiца, i на куцьцю» (Зажигают ее на Радуницу и на Кутью (канун Рождества, Старого нового года, Крещения)) (Язни, вилейск., мин.), «Запальваюць гэту свечку i на Вялiчка, i на Дзяды» (Зажигают

³¹ Полесский архив.

³² Полесский архив.

³³ Полесский архив.

³⁴ Полесский архив.

³⁵ Полесский архив.

³⁶ Полесский архив.

эту свечу на Пасху и на Деды (календарные поминальные дни)) (Староселье, круп., мин.) [10. С. 88]. В Гомельской области записано редкое свидетельство о том, что в ночь на Ивана Купалу ищущим в лесу цветков папоротника нужно иметь с собой громничную свечу, на которую и опустится небесный огонь, наделяющий искателя магической силой и знаниями. «Трэба на Купалнаго Івана іці ў лис ў ўэчери. Ўзяць из собою стрічэнскую свэчку и мо ў кого е тэй паяс, што свэшчэнник слўжбу слўжыць, туолько яго трўдно ўзяць, туолько вўзьме, та душа, котора знакома з попóm, паяса ў хвартўх да пуйдї, обўйса ў лапци да пуйдї да ужэ ў нóччы так из дню бўде лецець така звязда, так як дóбре рéшэто, така ясна, ясна вялікаа, роздўтса. И як бўде лецець, лецець, ўона бўде лецець ззыхода, бак бўдэ на низ, на низ, на низ опускаця ўжэ ў лис. А ў лэси е папороць, жэньска ы мушчыньская... ы ўот ўона й спўстыця и попадэ цветы на папороць. И дэрэўо ўсьо зацвете и загоўориць... А папороць ўжэ, ты по ей походи, значыць ужэ эты свэчки дэржыць, ўжэ паяса дэржыць, то тоёю свэчкою трэба ловиць ўот так праўою рукою на ёму сторону, штоб поймаць тогó цвятка, бо так яй не поймаш. И ужэ ўот тогó цвэта пуоймай, то бўдеш ўсе на свэце знаць. Ўсе и рáзныи прыробўтки, и любóў, и ўсьо на свэци бўде знаць. Ну то часам не поймаш, то ўон попадэ ў лапци. А тэпэр жэ ужэ не хóдяць. То я знаю, што мы ходили з хозьяином» (Стодоличи, лельчиц., гомел.)³⁷.

Громница используется и во всех обрядах **семейного цикла**: при тяжелых родах громницу зажигали возле икон (бел.) [2. С. 125]; ею повитуха поджигала освященный на Сретение лен, разложенный вокруг роженицы: «Колісь така бабка була старэнька, вона молилася: Гóсподы, дай льóгко штóбы народілоса дитынка, Гóсподы, поможы, Отчэ наш и палила свечэный льон. Клáла вокрўг роженицы такыми малэнькыми пáсмачками по дэвьяць и по двенацать и палила, свечэною свэчкою палила той льон. Льон и свічку на Стрэчэнне святили, бо льон больш никóли не святятъ. Казáли, трэба подогрїти, шоб лéхче бўло родэти. [...]» (Щедрогор, ратнов., волын.)³⁸. Освященным на Сретение льном перевязывали пуповину ребенку: «Ножóm пўпика (отрезают). Вин свечóным лóном вяжэца. На громницу светїца лён. Лóжыт маты ў сундуку (пуповину)» (Заболотье, брест., брест.); «Одрїзывалы и колысь завьязывалы свачóным льóном, што на Стрэчэнне сватилы. Ножничками одрїзывалы. Пупкї затыкалі в якусь такў щóлоку, бо не мóно бўло выкидаты. [...]» (Щедрогор, ратнов., волын.)³⁹.

В свадебной обрядности громничными свечами подпаливали волосы обоим брачующимся или только невесте: «[...] Взамуж як идуть, дак хросна (и еще две женщины) запáливают волосы маладым (сретенской свечкой): абкўрживаць три рáза маладóго и маладўю, дак запáливайте. [...]» (Золотуха, калинкович., гомел.); «(Сретенская свеча называется “грамничная свэчка”) Идўць у цэркаў и свэняць гэту свэчку. Кали грымыць гром, яе зажыгаюць. (Еще ее используют) кали подстрыгаюць нявэсту» (Туховичи, ляхович., брест.)⁴⁰. В Гомельской области на пороге дома на свадьбе соединяли две громничные свечи жениха и невесты: «Робляць на свáдзьбе дзїўцэ и жэниху свэчку. Тэпэр идэ свэчку. А то як ўжэ прыежаеш, так на порози тья свэчки злўчываюць.

³⁷ Полесский архив.

³⁸ Полесский архив.

³⁹ Полесский архив.

⁴⁰ Полесский архив.

Потом беруць тья свечци да й ховаюць, маці ховае, и свецяць на этого Стрэчэне, каюць громнічны тья свэчкы. [...]» (Стодоличи, лельчиц., гомел.)⁴¹.

Особенно велика роль громничной свечи в погребально-поминальном комплексе обрядов: свечи горели возле умирающего и в доме, где лежит мертвец, их клали в гроб перед погребением, жгли на личных и календарных поминках — *дедах*. «Як памірае ў нас чалавек, тады стараюцца, каб была свечка. Ужэ як ён канае, тады бяруць яго пад правую руку, перакрысьцяць яго тры разы і даюць у другую руку свечку стрэчанскую» (Семежево, копыльск., мин.) [10. С. 551]; «Пакойник ляжиць и он доўжен ляжаць целую ночь и ешче днём, и всё время далжна гарэць свечка (громничная). Ставили грамничные пачаму-то» (Оранчицы, пружан., брест.); «Должен чалавек, каторый умер, параночевать ў сваей хаце и есьли ў бальнице умер, быў ў бальнице, но ў сваей хаце доўжен переночеваць целу ночь. Ну и целу ночь коло его сидзяць близкие родственники, свечка гарыць. Лежнич булка хлеба на стале и гарыць свечка целу ночь, гарыць свечка. Грамничная. Есьли хто умеет чытаць малитвы, то читае малитвы» (Смоляницы, пружан., брест.)⁴²; «Стречэнская свэчка. Як умирае — даюць у рўки. Святыя и хавяюць мяртвацў ў гроб. [...]» (Челхов, климов., брян.)⁴³.

Важную роль играла громничная свеча во время агонии, так как считалось, что она способствует легкому расставанию души с телом, ее огонь освещает путь в вечность, ведет душу умершего в потусторонний мир и обеспечивает ему благоприятную загробную участь. «Мама гаварыла, што умираець пакойник, уже нельзя станавицца у нагах или ў галаве, тока збоку, шобы он за сабой, шобы дарогу яму была прама, када ўот гэта ўот свечка гарыць (громничная), то она гаварыла, шобы он не запутался, куды яму ищиць, ў том сьвице бачыл, куды ищи» (Староволя, пружан., брест.)⁴⁴; «Вот калі чалавек паміраець і яму ні дадуць свечку (грамнічнаю) тады ён, як яго пахаваюць, не знаіць, якой дарогай ісьці, куды, у які бок. Хто без свечкі паміраець, гавораць, гэта блага (плохо — примечание мое. — А.М.). А хто яго знаіць. Ніхто ж адтуль ні прышоў. Но што што-та ёсь на тым сьвеці — я гэта веру» (Бояры, мядельск., мин.) [10. С. 551]; «И казали, што може дарогу ана (громничная свеча) там яму асвятчае. Гэто, дарогу ў вэчнасьць высвечывае» (Староволя, пружан., брест.)⁴⁵.

Отсутствие громничной свечи в руках умирающего и в его гробу могло стать серьезным препятствием для устройства благополучной его жизни на том свете: «(Праздник Сретенья называется) Стрэчэнье. (Сретенская свеча называлась) стрэчэнска свэчка. Як умирае човік, кончаеца човік, даюць ў лёўую рўку свэчку, *пáспорт уже такі́й на тот свэт*, бэз него на тот свэт не пустят. [...]» (Золотуха, калинкович., гомел.) (курсив мой. — А.М.); «Стречэнская свэчка. Як умирае — даюць у рўки. Святыя и хавяюць мяртвацў ў гроб. Конапавай не палажылі ў руки. Ана саснілась, гаварыць: Ўсё харашо, да мине на рабóту не дапускаюць. Дак ані передавалі какóму мертвяцў ў гроб. Ат усягó стрячэнские свя́чи» (Челхов, климов., брян.)⁴⁶. Ср.: «Kto gromnicy nie ma, ten przy kiju kopañ» (у кого нет громницы, тот умирает с палкой, дубиной) (пол.) [11. S. 160].

⁴¹ Полесский архив.

⁴² Полевые материалы.

⁴³ Полесский архив.

⁴⁴ Полевые материалы.

⁴⁵ Полевые материалы.

⁴⁶ Полесский архив.

Помимо этого, часто встречаются представления о том, что громница отгоняет от умирающего злых духов, сатану (бел. витеб.) [5. С. 136]. «Як хто цяжка (умирает), то съвечку. Грамничную. Но гэто не только цяжка, а и легка, и бачыш, што чалавек памірае, то абовязкова ў руку давали съвечку грамничную. Так он уже яе трыма. Утрымае, яко рука тагда уже пачынае гэто, мой брат у Пружанах недавно, я пака са Староволя в Пружаны прыехала, як ўлажыла съвечку, и всяя ана гарэла и трэмаў, ляжаў мёртвый» (Староволя, пружан., брест.); «Брали съвечку, грамничныя съвечки, ну, брали съвечку, запаливали. И зэрэ у меня муж памёр, я рабила. Парахрысциш яго йетай съвечкай, абвядучь тры раза, абвяла вакруг яго и дала яму ў руки падзяржаць, каб гарэла (Юндилы, пружан., брест.)⁴⁷. По некоторым поверьям, увидев горящую громницу, ангелы должны прийти на помощь умирающему (бел.) [2. С. 125].

Грамничная свечка присутствовала на всех индивидуальных поминках⁴⁸, на календарных поминках (*дедах*) ее зажигали перед ритуальной трапезой во время молитвы и ритуального приглашения умерших прийти и присоединиться к живым во время вечера. «Запальваюць съвечку грамнічну, і чыталі малітву. Перахрысьцімся і садзімося за стол, первы тата пад покуць садзіцца і акрэсьціць усю страву, і пачыналі есьці. Тата просіць за стол усіх, хто памёр з роду, што мы пра вас не забыліся, што мы вас памінаем і ўсе стравы для вас пакідаем» (Великая Липа, несвиж., мин.) [10. С. 322]; «Съвечку гэту запальваюць на Дзяды, увосень Дзяды ў нас спраўляюць» (Великая Липа, несвиж, мин.) [10. С. 88].

В отдельную категорию часто выделяется **окказиональная обрядность** (например вызывание дождя, гадания, магические действия перед дальней дорогой и пр.), так как она напрямую не увязана с календарем, хотя, по мнению некоторых исследователей, именно она может стоять у истоков обрядности семейной и календарной, закрепившей во времени превентивно исполняющиеся ритуальные действия. По словам Н.И. Толстого, «в самых общих, сильно огрубляющих чертах, можно сказать, что развитие шло от окказионального обряда к календарному, от обряда, вызванного необходимостью, к обряду превентивному, предупреждающему, от обряда темпорально (временно) не закрепленного, к обряду, закрепленному во временном отношении, т.е. календарному» [8. С. 87]. Так как одним из самых распространенных форм магического применения громничных свечей является практика зажигания их во время грозы для предотвращения пожаров от молнии (что формально относится к окказиональным ритуалам), рассмотрим далее все виды связанной с этими свечами обрядности «по случаю».

Действия во время грозы описывались следующим образом: «Это как грэмичь, запаливали грамничную съвечку, и не съвету, ни лампу не запаливали, а грамничную съвечку, [...] штоб Гасподзь сахраняў хату ат пажара, ат грома, ат ўсяго. Запялю съвечку и прашу Бога Хрыстоса, каб Гасподзь сахранил, иной раз так мощно грэмичь и я уже спакойна» (Юндилы, пружан., брест.); «Грамничны есць, это пятнадцатого февраля, девятнадцатого Вадóхрыще. Хадзили у церковь, съвечки брали, кады грэмичь, некоторые съвечки паляць, сидзяць, баяцца, съвечка гариць у хаце, атпугивае гром» (Клепачи, пружан., брест.)⁴⁹.

⁴⁷ Полевые материалы.

⁴⁸ Обычно справляют поминки в день похорон, на третий, девятый, двенадцатый день (з.-полес.), сороковой день, полгода и год, хотя в каждом конкретном случае могут практиковаться лишь некоторые из них.

⁴⁹ Полевые материалы.

Часто использовалась громничная свеча в народной медицине: ее зажигали при произнесении всевозможных заговоров для лечения людей и животных от ряда заболеваний вообще и от причиняемых колдовством в частности («Стрэчэна свэчка — як на́да шапга́ть скаті́не, чэлаве́ку — стрэ́чэнску свечу́ на́да запалі́ць» (Присно, ветков., гомел.)⁵⁰), этими свечами *спаливали рожу* (лечили рожистое воспаление), отводили *пристрек* (порчу от дурного глаза); помогали людям, попавшим в вихрь и пострадавшим от *завитки*⁵¹, ею снимали (перепаливали) *колтун*⁵² [2. С. 125], лечили испуг, бессонницу, падучую болезнь и пр. «Хай чолові́к опу́хне чи рука́, чи нога́, чы лыцо́ — э́ту ро́жу спа́ливати, и гэ́той громны́чнай свчко́й трэ́ э́ту ро́жу спа́ливати. [...]» (Ласицк, пин., брест.); «Больші́й гром — тода́ свэ́тимо громны́чную свэ́чку. Як ро́жа или пристр́йт з го́чи, то па́люць е́е. [...]» (Радеж, малорит., брест.); «Сві́чку грумні́шну трыма́ли. Як чолові́ка вітёр схопі́ть, то пудку́рвали» (Ветлы, любе шов., волын.); «Чилаве́к, ка́то́рый ле́чит (залом), тот убіра́е. Вырыва́юць э́ту за́вить с карэ́ньем, та́скаіваю́ць и не́сти харані́ць: ў зэ́млю за́капыва́ць на́да и гаво́рить. (Чтобы вылечить человека, пострадавшего от *завити*⁵³), стрэ́ченскую свэ́чку на́да запалі́ць и малі́тву пра́чэсть и дну́ть» (Золотуха, калинкович., гомел.); «(Сретенская свеча) То ў́жэ ка́юць шчо ку́раць худобу то́у свэ́чкою [...]» (Стодоличы, лельчыц., гомел.)⁵⁴. Дымом от громницы подкуривали больной зуб или давали страдающему от боли погрызть свечу, веря, что от этого зуб немеет (бел.) [2. С. 125], «Воск свэ́тят у цэ́ркви, до до́му (прінося́т), свэ́чки (свэ́тят). Зу́бы заболéли, та й сама́ шось, отрыва́юць во́ску тро́шки, да на уго́льки ку́ряць» (Тхорин, овруч., житомир.)⁵⁵.

Широко использовалась громница и при детских болезнях: «Як дыт́юк зляка́еца, подку́ривалы сві́чку громны́чу» (Любязь, любешов., волын.); «[...] Де́тэй оку́риваю́ць, ё́сли захва́рае, прыпа́док е́сли, то той свэ́чкою оку́риваю́ць» (Симоничы, лельчыц., гомел.)⁵⁶. Для защиты ребенка «с э́той свэ́чки (громничной) хрэ́сцике зробля́ць, так и ў шма́точку та на шы́е е́му (ребенку) начэ́пля́ць» (Стодоличы, лельчыц., гомел.); «Бува́е, шо з грумны́чнай сві́чки рэ́жуть ві́ск (который) вільва́юць од ля́ку (ребенку)» (Олтуш, малорит., брест.)⁵⁷.

Горящая громница была атрибутом большого числа различных магических действий: «Стрэ́чэнская свэ́чка. Шэ́пту́хи шэ́пчуть, бяру́ць с сабо́й»; «На Стри́ченне сві́чку сві́тят, (потом держат дома) од грома и як шэ́пчут, то особенно запáлюе ту свечку» (Червона Волока, лугин., житомир.)⁵⁸. Помимо подробно описанного выше ее применения в деле снятия порч и лечения различных болезней в Гомельской области ее зажигали во время гаданий, обрядов любовной магии и, возможно, даже при наведении порчи: «Если муж уйдёт, запалі́ стрэ́чэнску свэ́чку и малі́сь “Вотчэ наш”, тры ра́зы прамалі́сь, а тада́ свэ́чку

⁵⁰ Полесский архив.

⁵¹ *Залом, завитка, завить* — пучок скрученных, связанных узлом колосьев в поле; особый вид порчи, направленный на хозяев угодий или на урожай.

⁵² Вид болезни, при которой волосы сбиваются в неподдающийся расчесыванию плотный комок; снимать его могли только знахари в особое время, в противном случае болезнь ведет к серьезным последствиям вплоть до смерти; считалось, что причиной данной хворобы может быть порча, испуг, встреча со сверхъестественным и пр.

⁵³ См. выше примеч. 51.

⁵⁴ Полесский архив.

⁵⁵ Полесский архив.

⁵⁶ Полесский архив.

⁵⁷ Полесский архив.

⁵⁸ Полесский архив.

перэварáчай и другóй бок запáливай. “Гóспаді, вярні́ся вырушчáюшчым Храс-тóm дамóў”. И усё. Это харашó. Эта малі́тва и не врэдно» (Присно, ветков., гомел.); «Далжнó быть тры́ свéчки ва дварé. Первая, стрэчэнская – варажы́ть, втарáе страстна́я, и пасхáльная харашá. (С помощью их иногда) лúди дéлали ўрэ́д для всягó» (Присно, ветков., гомел.)⁵⁹.

Громничная свеча использовалась в производственной обрядности: ею подкуривали кросна при ткачестве, чтобы их не испортили дурным глазом «Ци падкурí (кросна) – мóжна муко́ю жы́тнаю, ўóскам, съвецо́най съвечí стрéча-най» (Жаховичи, мозыр., гомел.); «Як мíюць дíжку пэ́рэд роковы́мі свята́мі, то пудкúрваюць свячо́ной свíчкой грумні́шной» (Ветлы, любешов., волын.)⁶⁰; громницей окуривали квашню, когда начинали готовить хлеб из новой муки (бел.) [2. С. 125].

В иных случаях окказиональной обрядности громничной свече также находилось применение: ее брали с собой в дорогу как оберег «[...] Ў цéркві па-купа́юць свéчы, святя́ць и потóм их ў дарóгу кудá ёду́ць, бяру́ць ё́ти свéчы [...]» (Челхов, климов., брян.)⁶¹.

Как и в случае с другими сакральными предметами, непочтительное отношение и нарушение запретов в обращении с громницами могло навлечь несчастье: «Кáжуть, пераступáць стрíчэньску́ съвэчку не дóбре, балеть сильна будéшь» (Великий Бор, хойниц., гомел.)⁶².

Приуроченный к Сретению комплекс ритуальных действий, связанных с громничной свечой (изготовления свечей из воска накануне праздника, освящение их в церкви, принесение их домой горящими, прижигание волос по очереди всем домочадцам, копчение крестов на балках, возле дверей и окон дома; обход с ними дома и хозяйственных построек, речевые формулы, произносимые при этом; освящение льна и обвязывание им свечи; представления о даруемой свечами защите от грома, болезней и нечистой силы) в наиболее полном виде встречаются в зоне западного Полесья (или большая часть их, с выпадением какого-нибудь одного члена, например обжигание свечами могло осуществляться без приговора, мог отсутствовать обход хозяйственных построек при рисовании на домах крестов из копоты и пр.). В центральном Полесье могут фиксироваться некоторые части этого комплекса, а наряду со сретенской во многих синонимичных контекстах употребляется четверговая свеча: «Страснý свэчкí запáливалы от грому. И стрэчнý так са́мо»; «В Чы́стый чэ́твэр бэ́руць у цéркві святýй вогóнь и стаўля́ць хрэсты́ на трамáні»; «Як гроза, то стрэчнóй свíчкой свíтцяць и рóбляць хрэсты́ на трамáні» (Журба, овруч., житомир.)⁶³. Встречается и дублетное использование сретенских и страстных свечей, с разделением их ритуальных функций или по очереди в одном и том же действии, например: «На Чы́стый чэ́твэр засвíчуют срéтеньску свéчку и чу́ть посмáляюць коскí [виски], шоб нэ́ бояца грому. [...]»; «На Чы́стый Чэ́твэр ходы́лы ў цéркву, свéцяць свэчкí, як донэ́сэ (ту свечу до дома), то рóбiць хрэста́ ў хáтэ на ба́лку» (Боровое, рокитн., ровнен.); «(Четверговая и сретенская свечи): На Стра́сьць хóдзяць, пáляць свéчку, и тóю свéчку (умирающему) ў пра́вую рúку дау́ць – пóкуля ужé кóнчыця, а умрэ́ – даюць свéчку, шчо на Стрэ́тенне свéцяць, ў насаво́м платóчку. А гóлых свéчек нiкóму

⁵⁹ Полесский архив.

⁶⁰ Полесский архив.

⁶¹ Полесский архив.

⁶² Полесский архив.

⁶³ Полесский архив.

не даўть» (Грабовка, гомел., гомел.)⁶⁴. На востоке Полесья большинство ритуальных и мифологических смыслов закреплено за четверговой свечой, там же фиксируется обычай освящать на Сретение особую воду, в первую очередь талую, а также вера в ее целебные и апотропеические свойства.

По поводу контекстов использования четверговых свечей, Полесский архив предоставляет следующие сведения (области перечислены с запада на восток): в Брестской области известны в основном громницы, на Чистый четверг свечи также освящали, несли их домой горящими, но редко использовали их для защиты от грозы. В Волынской области четверговые свечи маркированы слабо, но их освящение встречается, в редких случаях они используются как оберег от грома. В Ровненской области громничными свечами прижигали волосы от страха перед громом, свечи на Чистый четверг также освящались, их приносили из церкви горящими, именно ими выжигали кресты и обходили все хозяйственные постройки в качестве оберега от грозы и бури. В Житомирской области также освящались свечи на Чистый четверг, их несли домой зажженными, где ими коптели кресты и подпаливали волосы домочадцам, а также обходили дом для защиты; лазили с ними на чердак, чтобы увидеть домового; их зажигали во время грозы и при покойнике; их несли на могилы в поминальные дни (Проводы – воскресенье, понедельник или вторник следующей после Пасхи недели); брали с собой при севе. Наряду с четверговой свечой в качестве защиты от грома в этой области используются и сретенские свечи, которые зажигают во время гроз. В Киевской области также фиксируется освящение четверговых свечей, которыми делали крест копотью на потолке, с ними лазили на чердак с целью увидеть домового. В Гомельской области свечи на Чистый четверг освящали, несли их горящими домой; делали на балке, на стене, возле окна, возле покути, четырех углов, двери крест (иногда говорили, что это от ведьмы); смотрели с ней домовика; вешали в хлеву для защиты скотины от молочной ведьмы (потом на свече, по народным представлениям, останется след зубов ведьмы); их жгли во время грозы для защиты; их давали в руки умирающему, а потом меняли на сретенскую свечу. В Черниговской области страстные свечи освящали, несли из церкви горящими, по их горению гадали, будет ли грозным лето; копотью делали кресты для защиты от грома, их зажигали во время грозы для защиты; чтобы не болел скот и чтобы в доме не было неприятностей их оставляли дома на покути или в хлеву; их жгли и ими окуривали при болезнях; с их помощью искали тело утопленника в водоеме. В Сумской области свечи на Чистый четверг освящались, кресты в домах с их помощью также делались; ими подпаливали волосы детям от страха пред грозой и их жгли при детских болезнях. В Брянской области также освящение четверговых свечей известно, их приносили из церкви и ими делали кресты на воротах, окнах, дверях и матице от нечистого духа; их зажигали во время грозы и агонии⁶⁵.

Что касается обрядовых контекстов использования громничных свечей, они далеко не исчерпываются приведенными в работе примерами, между тем даже они прекрасно иллюстрируют множественность связей, объединяющих Сретение и освященную в этот день свечу практически со всеми циклами календарной, семейной, аграрной и окказиональной обрядности (годовые праздники, свадьба, родины, похороны, животноводство, растениеводство, производственная магия, народная медицина, защита от нечистой силы, грома,

⁶⁴ Полесский архив.

⁶⁵ Полесский архив.

пожара и т.д.), а также последовательность выбора громничной свечи во всех означенных случаях; она встречает человека в этом мире и ее свет провожает его в иной. Можно сказать, что громничная свеча присутствует во всех сферах жизни человека, больших и маленьких ее событиях, защищая от болезней, невзгод и враждебных сил, освящая и давая веру в лучшее: «Сречэние. Запáливали свэчку, каб ясна жýзня была» (Оброво, ивацевич., брест.)⁶⁶. Все это с основанием дает возможность говорить о богатстве мифологического содержания этого фрагмента традиционной культуры, его важности для изучения картины мира. Новый полевой материал, собранный автором в Беларуси в 2010–2019 гг., свидетельствует о сохранности связанного со Сретением мифоритуального комплекса вплоть до сегодняшних дней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.
Полевые материалы М.А. Андруниной, рукопись, Москва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В., Седякова И.А. Свеча // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого, Т. 4 П (Переправа через воду) – С (Сито), М.: Международные отношения, 2009. С. 576–573.
2. Васілевіч У. Грамнічная свечка, грамніца // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / рэд. С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. С. 124–126.
3. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники / отв. ред. С.А. Токарев, М.: Наука, 1977, 357 с.
4. Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. 307 с.
5. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Выпуск восьмой. Быт белоруса. Вильна: Типография Сыркина А.Г., 1912. 124 с.
6. Толстая С.М. Полесский народный календарь, М.: Индрик, 2005. 600 с.
7. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике, М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 179–184.
8. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества / сост. и отв. ред. С.М. Толстая, М.: Индрик, 2003. 624 с.
9. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 1 / рэд. В.І. Басько і інш.; ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Выш. шк., 2008. 559 с.
10. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 1 / рэд. В.І. Басько і інш.; ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Выш. шк., 2010. 847 с.
11. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich / zebrał i opracował Samuel Adalberg. Warszawa: Druk Emila Skińskiego, 1889–1894. 805 S.

REFERENCES

- Belova O.V., Sedakova I.A. *Svecha. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'*, pod red. N.I. Tolstogo, vol. 4 P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 576–573. (In Russ.)
- Kalendarsnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoj Evropy. Konec XIX – nachalo XX v. Vesennije prazdniki*, отв. ред. S.A. Tokarev. Moscow, Nauka Publ., 1977, 357 p. (In Russ.)
- Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*, zebrał i opracował Samuel Adalberg, Warszawa, Druk Emila Skińskiego Publ.. 1889–1894. (In Pol.)

⁶⁶ Полесский архив.

- Nikiforovskij N.YA. *Prostonarodnye primety i pover'ya, suevernye obryady i obychai, legendarnye skazaniya o licah i mestah*, sobral v Vitebskoj Belorussii N.YA. Nikiforovskij. Vitebsk, Gubernskaya Tipo-Litografiya Publ., 1897, 307 p. (In Russ.)
- Romanov E.R. *Belorusskij sbornik. Vypusk vos'moj. Byt belorussa*. Vil'na, Tipografiya Syrkina A.G. Publ., 1912, 124 p. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. *Polesskij narodnyj kalendar'*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 600 p. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury. Oчерki po slavyanskoj etnolingvistike*. Moscow, Knizhnyj dom «Librokom» Publ., 2010, pp. 179–184. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. *Oчерki slavyanskogo yazychestva*, sost. i otv. red. S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2003, 624 p. (In Russ.)
- Tradycijnaya mastackaya kul'tura belarusaŭ. U6 t., t. 4. Bresckae Palesse. U2 kn., kn. 1*, red. V.I. Bas'ko i insh.; ideya i agul. redagavanne T.B. Varfalameevaj. Minsk, Vysh. shk. Publ., 2008, 559 p. (In Beloruss.)
- Tradycijnaya mastackaya kul'tura belarusaŭ. U6 t., t. 5. Central'naya Belarus'. U2 kn., kn. 1*, red. V.I. Bas'ko i insh.; ideya i agul. redagavanne T.B. Varfalameevaj. Minsk, Vysh. shk. Publ., 2010, 847 p. (in Beloruss.)

Сведения об авторе

Андрюнина Мария Александровна
 Кандидат филологических наук, научный
 сотрудник Института этнологии
 и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
 Российской академии наук,
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-8312-7319
 E-mail: mary-andr@mail.ru

Information about the author

Andrunina Maria A.
 Ph.D. (Philology), Science researcher,
 N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and
 Anthropology, Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russian Federation.
 ORCID: 0000-0002-8312-7319
 E-mail: mary-andr@mail.ru

Vasilevich U. *Gramnichnaya svechka, gramnica. Belaruskaya mifologiya*. Encyklopedychny sloŭnik, red. S. San'ko, T. Valodzina, U. Vasilevich i insh. Minsk,

СООБЩЕНИЯ

Славяноведение, 2023, № 3, с. 81–94

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 81–94

DOI: 10.31857/S0869544X0025877-7

Оригинальная статья / Original Article

Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года)

© 2023 г. Г.П. Пилипенко, М.В. Ясинская

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

glebpilipenko@mail.ru; jasinskaja.inslav@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Аннотация. В статье обсуждаются интерферентные явления в речи, а также некоторые лексические заимствования в сфере традиционной духовной культуры у словенцев, проживающих в провинции Удине (Италия). Материалом послужили данные, полученные в ходе полевого исследования 2022 г. Отдельное внимание уделяется анализу трансграничных нарративов и прозвищ, связанных с пограничным расположением края. В ходе экспедиции также удалось записать рассказы о трудовой миграции словенцев в другие страны, в частности в Бельгию и Аргентину. Были задокументированы надписи на надгробиях на кладбищах обследованного региона, а также описываются обычаи, которые связаны с поминальными днями – 1 и 2 ноября. В заключение приводятся расшифрованные тексты, в том числе фольклорные (сказки), которые интересны многочисленными заимствованиями из окружающих романских языков.

Ключевые слова: словенский язык, полевое исследование, языковая ситуация, итальянский язык, традиционная культура, диалект, пограничье.

Ссылка для цитирования: Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года) // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 81–94. DOI: 10.31857/S0869544X0025877-7

Contact Phenomena in the Field of Language and Traditional Culture of the Slovenes Living in Natisone Valley and Ter Valley (According to the 2022 Field Research)

© 2023. Gleb P. Pilipenko, Maria V. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

glebpilipenko@mail.ru; jasinskaja.inslav@gmail.com

The reported study was funded by Russian scientific foundation, project no. 20-78-10030 «The language and cultural contact during the social transformations among the national minorities in Alpine-Pannonian region»

Abstract. The paper discusses the interference phenomena in the speech of informants as well as some lexical borrowings in the sphere of traditional spiritual culture. The results are based on the 2022 field research carrying out among Slovene community in the province of Udine (Italy). Special attention is paid to the analysis of cross-border narratives and nicknames associated with the border location of the region. During the field study, it was also possible to record stories about the labor migration of Slovenes to other countries, in particular, to Belgium and Argentina. Inscriptions on tombstones in cemeteries in this region were documented, as well as customs related to memorial days, November 1 and 2, are described in the paper. In conclusion, the transcribed texts are given, including folklore texts (fairy tales), which are interesting due to numerous borrowings from the surrounding Romance languages.

Keywords: Slovenian language, field research, language situation, Italian language, traditional culture, dialect, borderland.

Reference for citation: *Pilipenko Gleb P., Yasinskaya Maria V.* Contact Phenomena in the Field of Language and Traditional Culture of the Slovenes Living in Natisone Valley and Ter Valley (According to the 2022 Field Research) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 3. Pp. 81–94. DOI:10.31857/S0869544X0025877-7

В конце октября – начале ноября 2022 г. научные сотрудники Института славяноведения РАН канд. филол. наук Г.П. Пилипенко и канд. филол. наук М.В. Ясинская предприняли полевое исследование среди словенцев, проживающих на итальянско-словенском пограничье в провинции Удине. Речь идет об обследовании двух долин – долины реки Натизоне (словен. Надижа) и долины реки Тер. Ранее этот регион уже становился объектом изучения авторов (см. [2; 3; 6]). В 2022 г. удалось посетить населенные пункты, которые в предыдущих экспедициях не были затронуты (Скрутто, Мерсо-ди-Сопра, Клодич, Козицца, Дренкья, Брежье, Аццида, Тринко, всего было опрошено 26 информантов 1933–1962 годов рождения, общий объем аудиозаписей – более 25 часов, видеозаписей – 1,5 часа). Исследование проводилось с целью фиксации уже устоявшихся и новейших контактных элементов в языке и традиционной культуре словенцев провинции Удине.

В беседах с информантами часто звучала тема границы и жизни на пограничье (см. также о пограничье в соседней провинции Гориция [5]). В воспоминаниях жителей приграничных деревень можно найти свидетельства о межвоенном периоде, когда сегодняшней границы не было. Так, жители деревни Дренкья ходили на ярмарки в город Толмин, расположенный в Словении, а собеседники из деревень Терской долины (Платискис, Монтемаджоре, Проссеникко) посещали словенские деревни (Брегинь, Робидишче). Были записаны рассказы о жизни на пограничье и после 1945 г. В то время жители приграничных районов могли посещать Югославию по специальным разрешениям (*osebna prepustnica*), в основном шли пешком в гости к родственникам, а также чтобы купить некоторые товары, например масло (*so hodil po špéžo* «ходили за покупками», ит. *spesa* ‘покупка’). До сих пор живы в воспоминаниях собеседников истории о контрабанде (*kontraband*) сигарет, алкоголя из Югославии в Италию.

В речи наших собеседников подтвердилось широкое функционирование терминов *onéjas*, *onéjka* (букв. «тот, кто с той стороны (границы)») для наименования словенцев, проживающих в Словении. Термин известен в двух долинах, однако его значение и внутренняя форма осознаются не всеми информантами (об этом

термине подробнее см. [9. S. 309–310]). В ходе полевой работы в деревне Мазаролис был отмечен еще один термин, который использовался для обозначения жителей по ту сторону границы – *sesárac, sesárci*. Внутренняя форма слова отсылает к существительному *cesarstvo* (империя), которое относится к Австрийской империи (существующая граница долгое время разделяла Венецианскую республику и Австрийскую империю, позже Италию и Австро-Венгрию). Впоследствии, во второй половине XIX в., получил распространение политически окрашенный термин, заимствованный из итальянского языка *titino, titina, titini* – «титовец» (от Йосип Броз Тито), таким образом могли именовать не только жителей Югославии, но и словенцев Италии, занимающих определенную политическую позицию. В зависимости от политических взглядов говорящих он мог использоваться с пейоративным оттенком.

В ходе интервью был отмечен ряд контактных явлений, обусловленных взаимодействием с преобладающими романскими языками – итальянским и фриульским. Наши собеседники отмечали, что итальянский язык получил широкое распространение в этом регионе только после вхождения в состав Италии (1866 г.), и особенно его влияние усилилось в период фашизма. Ввиду отсутствия школ со словенским языком обучения словенский язык все более вытеснялся в сферу внутрисемейного общения¹. Этому способствовало назначение учителей в школы региона из других областей Италии (преимущественно южан), кроме того, в приходы также зачастую назначались священники, не говорившие по-словенски. Знание фриульского языка было необходимо для торговых контактов в ближайшем городе – Чивидале-дель-Фриули. Из интересных контактных явлений стоит отметить проникновение многофункционального итальянского предлога *di* в разные по своей типологической природе конструкции. Так, в деревне Мазаролис было зафиксировано высказывание *pensán di ja* «думаю, что да». Помимо романского по происхождению глагола *pensát* (ср. ит. *pensare*), который изменяется в соответствии с правилами словенского диалекта изучаемого региона [10. S. 166], употреблен итальянский предлог *di*, характерный для аналогичной итальянской конструкции (*penso di sì*). Утвердительная частица, следующая за предлогом, – словенская. Появлению итальянского предлога могла способствовать аттракция с подобной по значению, но иначе синтаксически организованной словенской конструкцией, в которой предлог итальянский *di* может отождествляться со словенским изъяснительным союзом *de* ‘что’ [10. S. 38] (ср. словен. диал. *pensan, de ja*, словен. *mislím, da ja* «думаю, что да»). Случаи использования *di* не единичны. В примере, записанном в деревне Клодич, мы видим следующее: *san čula γlas proprio di deléč* «я слышала голос издалека», где *di* является частью двусоставного наречия *di deleč*, ср. словен. *od daleč* «издалека». Интересно то, что в идентичном по значению итальянском наречии используется другой предлог – *da*: *da lontano* «издалека». Таким образом, мы имеем дело с заимствованным первым элементом в составе наречия, что не является чем-то необычным с точки зрения модели образования, если вспомнить составные предлоги типа *fin do* «до» в исследуемых диалектах [1]. Показательным является использование этого итальянского элемента после заимствованного наречия *proprio*. В конструкции *judjé delle valli* «люди из долин», зафиксированной также в деревне Мазаролис, где выступает предлог *di*, правомернее говорить о переключении кода, поскольку за предлогом

¹ Ситуация в сфере образования на словенском языке начала меняться в начале 2000-х годов с учреждением двуязычного детского сада и школы в городе Сан-Пьетро-аль-Натизоне.

(в слитной форме с определенным артиклем ж.р. мн.ч.) следует итальянское неадаптированное существительное:

Многочисленны случаи адаптации итальянских по происхождению глаголов, зафиксированы примеры их использования как без словенского суффикса *-(a) va-*, так и с этим суффиксом. Примеры, записанные в деревне Сорценти: *ralentáš mákinu* (*rallentare* – замедлять) «замедлишь машину», *mené me su telefonál* (*telefonare* – звонить по телефону) «мне звонили по телефону»; примеры из деревни Клодич: *víno so imbotiljával* (*imbottigliare* – ‘разливать по бутылкам’) «вино разливали по бутылкам», *mi smo parkedžával mákinu* (*parcheggiare* – ‘парковать’) «мы парковали машину». Во всех приведенных примерах инкорпорирование итальянских глаголов в словенские диалекты происходит от основы без инфинитивного окончания *-re*.

Следует также обратить внимание на конструкции с удвоением личного местоимения, которые довольно частотны и встречаются во всех населенных пунктах. В зафиксированных примерах удвоение личного местоимения происходит, когда оно используется в начале клаузулы: *mi se pari mené* «мне кажется» (Мазаролис), *mené me ni nobédan poviédal* «мне никто не сказал» (Сорценти), *nje su ji néšli žúpo* «ей несли суп» (Сорценти), *mené me ne príde* «мне не приходит (мысль)» (Кросту), *mené mi dála máma škátulo* «мне дала мама коробку» (Клодич). Данная черта является характерной для изучаемых диалектов [12. S. 76–77].

Перечисление всех заимствованных лексических элементов из романских языков заняло бы много места, отметим лишь некоторые нетривиальные случаи. В высказывании из Сорценти находим заимствованное существительное ж.р. без признаков словоизменения после словенского глагола: *γliédat čínema* (*cinema* ‘кино’). Ожидаемого окончания *-o/-u*, характерного для существительных ж.р. ед.ч. в вин.п., мы не обнаруживаем. Сочетания *iméti ražón* ‘быть правым’, *bíti konténi* ‘быть довольным’ содержат словенский глагол и второй итальянский элемент – существительное (*ražón*) и прилагательное (*konténi*) и являются аналогами сходных по построению итальянских конструкций *avere ragione*, *essere contento*. В Сан-Пьетро-аль-Натизоне записана фраза: *umárta apéna rojená* («умерла только родившись»), где заимствованным является наречие *appena*. В Сорценти встретился предлог *fra*, который функционирует наряду с исконным предлогом *med*. После этого предлога употребляются имена и местоимения в именительном падеже: *so se kréyali fra oni* «они между собой ругались» (см. подробнее об этом предлоге [1]).

В местных диалектах встречается много романизмов. Так, например, в лексике родильной обрядности были отмечены в том числе заимствования из фриульского языка: *litvána* [10. S. 95] ‘роженица’, *komár* [10. S. 82] ‘повитуха» (Сорценти, Клодич), *baštard* ‘внебрачный ребенок’ (Проссеникко). Отмечалась также исконная лексика: ‘беременная женщина’: *širóka*, *nosná*, *čáka* (дословно – «ждет») (Сорценти). В лексико-семантической группе «деньги» отмечено повсеместное использование заимствованных лексем *sowdi* ‘деньги’, *lira* ‘лира’, *frank* ‘франк, монета’. Старшие собеседники отмечали, что вплоть до второй половины XX в. чаще употребляли лексему *frank* (Козицца-ди-Сопра).

Особое внимание исследователей в рамках полевой работы было посвящено поиску семейной корреспонденции, в которой могут содержаться тексты на двух языках, в том числе на местном словенском диалекте. Нам удалось получить сведения о существовании подобных писем в прошлом. Так, собеседница из Сан-Пьетро-аль-Натизоне подтвердила, что ее родители, долгое время проживавшие в Бельгии, где работали на производстве, переписывались с родственниками в Италии. К сожалению, эти письма не сохранились, однако в нашем распоряжении оказались письма и открытки, хранящиеся в музее в Дренкье. Это

корреспонденция начиная с 1920-х годов велась на итальянском, немецком, английском языках. В музейном архиве также хранятся письма родственников, эмигрировавших в начале XX в. в Аргентину. Все они написаны на итальянском языке.

По рассказам собеседников, в Аргентине существует сообщество потомков переселенцев, словенцев из Надижской и Терской долин, многие до сих пор сохраняют родственные связи. Потомки словенцев, эмигрировавших из провинции Удине в Аргентину, по большей части являются членами итальянских сообществ, в частности мигрантов из области Фриули. Эти сведения представляют интерес для наших исследований, поскольку открывают перспективу изучения словенского сообщества в Италии в условиях миграции в страны Южной Америки. Другим направлением для миграции была Бельгия: с ней послевоенная Италия заключила договор, согласно которому итальянские граждане могли устраиваться на работу в этой стране. Выходцы из провинции Удине, словенцы, работали преимущественно в шахтах, нередко образуя компактные поселения в бельгийских городах. Потомки переселенцев и сегодня живут в Бельгии.

Еще одной важной задачей исследователей было документирование эпитафий. Были сделаны фотографии надгробий на кладбищах в Мазаролисе, Красе, Просеникко, Лузевере. Следует констатировать, что сохраняющиеся в мемориальном пространстве кладбища надписи на словенском языке немногочисленны. Например, в Лузевере были обнаружены следующие надписи: MICOTTIS / ASSUNTA / «EUGENIA» / N 5 9 1910 / M 23 3 1979 / NAŠA MAMA (данную эпитафию можно считать двуязычной, поскольку N и M являются аббревиатурами от итальянских словоформ (N – nato(a) «рожденный(ая)», M – morto(a) «умерший(ая)») (Микоттис / Ассунта / «Евгения» / Рожденная / 5 9 1910 / Умершая 23 1979 / Наша мама); Ernesto / Cerno / 8 11 1925 / 4 2 1994 / POČIVI NA / NJIVI RAJA (Эрнесто / Черно / 8 11 1925 / 4 2 1994 / Покойся на ниве рая); Graziana / Sinicco / 9 2 19 40 / 16 8 2005 / živíš tou / našem srcu (Грациана / Синикко / 9 2 1940 / 16 8 2005 / Ты живешь / в нашем сердце); SINICCO ADALGISA IRMA / GIANCARLO SCALA / POJTA Z BUAN (Синикко Адальджиза Ирма / Жанкарло Скала / иди-те с Богом); RODOLFO CERNO / MARIA EUFRASIA MICOTTIS / ŽIVITA V SRCU / POČIVAJTA NA RAJU / VIVETE NEL CUORE / RIPOSATE NEL CIELO (Родольфо Черно / Мария Эвфразия Микоттис / живите в сердце / покойтесь в раю). Среди надписей некрополя в Лузевере обращает на себя внимание двуязычная надпись на могиле Вильяма Черно, словенского просветителя, посвятившего жизнь сохранению словенского языка и культуры в Терской долине, с которым нам посчастливилось познакомиться в Лузевере в июне 2017 г.: CERNO GUIGLIELMO / VILJEM / 27.7.1937–22.7.2017 / Tvoja beseda / je seme trav / med njivami, / ki ne pusti / umreti srcu. / Je vonj / sežganega trnja / na poti / v novo življenje! / La Tua parola / è il seme delle erbe / tra i campi / che non lascia / morire il cuore. / È l'odore / dei rovi bruciati / nel viaggio / verso la nuova vita! (Черно Гильельмо / Вильем / 27.7.1937–22.7.2017 / Твое слово / семя трав / среди полей, которое не дает / сердцу умереть. / Они запах / сожжённых шипов / по дороге / к новой жизни!). Большая часть надгробий на итальянском языке содержит предельно лаконичные формулы эпитафий: MATILDE / BUCOVAZ / VED. TRUSGNACH / 21 11 1919 / 14 1 2000 / I TUOI CARI (Матильде Буковац / вдова Трушняк 21 11 1919 / 14 1 2000 / Твои дорогие). Некоторые надгробия являются кенотафами – они установлены в память умерших в других странах, в частности в Бельгии: UN TRAGICO INCIDENTE STRADALE / HA TRONCATO LA GIOVANE VITA DI / BOREANAZ EDIGIO / LASCIANDO NEL DOLORE / I SUOI CARI PARENTI E PAESANI / CHE DAL BELGIO LO RICORDANO / N. 1

9 1933 / MASAROLIS / M. 12 9 1955 / JUNET – BELGIO (Трагическая авария / преврала молодую жизнь / Борезаназа Эдиджио, / оставив в боли / его родственников и жителей деревни, / которые из Бельгии его помнят / Рожден 1 9 1933 / Мазаролис / Умер 19 9 1955 / Женет, Бельгия). Несколько надписей на словенском языке, более пространные, были обнаружены на кладбище в Красе, все они датируются первой половиной XX в. Например, эпитафия на словенском литературном языке: TUKAJ V MIRU GOSPODOVEM / POČIVA / ČIČIGOJ JOŽEF / VSE HVALE VREDEN / KRŠČANSKI MOŽ / MODER IN SKRBEN OČE / PRIDEN IN NADARJEN / GOSPODAR / ROJEN 12 9 1876 / UMRL 31 12 1946 / VEČNA LUČ NAJ MU SVETLI (Здесь в мире господнем / покоится / Чичигой Йозеф / Всех похвал достойный / христианин, / мудрый и заботливый отец, / добропорядочный и талантливый / хозяин / рожден 12 9 1876 / скончался 31 12 1946. / Пусть вечный свет ему светит). На кладбище в Просенникко были задокументированы надписи на французском языке, оставленные потомками, проживающими во франкоговорящих странах, друзьями и коллегами умерших: Un souvenir / ne meurt jamais / il s'endort / simplement / Le Personnel de la Société / BARNEAUD et GIRAUD (Память / никогда не умирает, / она только засыпает. / Сотрудники Общества / Берно и Жиро).

Функционирование языков при совершении обрядов представляет интерес как для социолингвистики, так и для этнолингвистики и фольклористики. Примером тому может служить одновременное чтение молитв на итальянском и словенском языках во время обходов домов 1 ноября (на День всех святых), что нам удалось наблюдать в деревне Козицца-ди-Сопра. Дети из местной начальной школы молились на итальянском (*Santa Maria, madre del Dio* «Святая Мария, Матерь Божья»; *Padre nostro* «Отче наш» и др.) и на словенском языках в домах, куда они приходили, хозяева в ответ давали им деньги. Словенские молитвы при этом читаются на диалекте. До настоящего времени данный обычай называется *brat/pobirat hliebce/priešče* «брат/собирать хлебцы», так как прежде детям в ответ на молитвы за умерших давали булочки, которые они складывали в специально приготовленные мешки². Пожилые жители деревни вспоминали, что, когда они были детьми, молитвы при обходах домов читали исключительно на словенском языке, поскольку в деревне не было итальянского священника. Сегодня для детей, происходящих зачастую из смешанных семей, словенский язык не является первым. Во время богослужений на 1 ноября в Лузевере читались отрывки из Евангелия и некоторые молитвы на терском диалекте, в церкви в Красе во время мессы 2 ноября хор исполнял молитвы мессы за умерших (*mrtvaška maša*) на местном словенском диалекте³. При этом, по свидетельству наших информантов, мелодия данных молитв не имеет нотной записи, женщины старшего поколения исполняют ее по памяти, так, как переняли их от своих родителей и дедов. Исследователи наблюдали, как после завершения службы священник (фриул) отправился

² По свидетельству наших собеседников, данный обычай имел еще и практическое значение – собрать как можно больше хлеба для семьи, поэтому наряду с дневными детскими обходами упоминались вечерние обходы, совершаемые взрослыми из бедных семей: хлеба могли набрать столько, что его хватало на несколько недель. Впоследствии, когда бедность осталась в прошлом, дети стали относиться к данному обычаю без прежнего почтения и могли ради шутки скармливать хлебцы скотине (об этом сообщила информантка 1966 г.р., т.е. речь идет примерно о 70-х годах XX в.).

³ Некоторые религиозные песни на словенском языке (как на литературном, так и на диалекте) публикуются в приходских сборниках. В частности, в книге, изданной приходом в Сан-Пьетро-аль-Натизоне и Пульфери, – «E danzando canteranno...» libretto dei canti delle comunità («И, танцуя, они поют...» Брошюра песен общины).

на расположенное рядом с церковью кладбище, там он совершил обход могил⁴, окропил их святой водой, произнося молитвы по-итальянски и по-латыни, а за ним прихожанка церкви, сопровождающая его во время обхода, переводила эти молитвы на словенский язык. В некоторых населенных пунктах мы столкнулись с тем, что молитвы на словенском языке не знакомы нашим собеседникам, что они объясняли отсутствием словенских священников и прекращением использования словенского языка в церкви. Использование словенского языка в религиозной сфере было крайне важным, его значение подчеркнул в интервью с исследователями и словенский священник из Подутаны дон Марино Квалицца, когда обратился к событиям, связанным с Мадонной, явившейся недалеко от д. Порзус (Терская долина). Среди жителей Терской долины распространена легенда о чудесном явлении Божьей Матери девочке, которую мать послала работать в воскресный день. Характерной особенностью легенды является то, что Божья Мать, обращаясь к девочке, говорила на словенском языке [8. S. 150–159]. Присутствие словенского языка можно обнаружить и внутри церкви. Так, в церкви Лузевры на образах Крестного пути (12 изображений) выполнены надписи на терском диалекте, например JEZUS TU UARTU OD GETSEMANI «Иисус в Гефсиманском саду» и др.

В целом время проведения полевого исследования – конец октября и начало ноября определило главную календарную доминанту, на которой строились беседы с информантами. Это календарные поминальные дни 1 и 2 ноября – общие для всех католиков поминальные дни. Помимо упомянутых месс за умерших, посещения кладбищ, обычая брать хлебцы, наши собеседники рассказывали о том, что в эти дни умершие, по поверьям, посещают свои дома. Данные мифологические представления легли в основу обрядности этих дней: было принято оставлять для умерших на столе пищу (каштаны (*búrje*), хлеб, вино или воду). Для Терской долины характерно специальное поминальное блюдо – *ocikana*, или *polénta políta*, представляющая собой поленту (кашу из кукурузной муки), покрошенную на куски и обильно политую маслом (в настоящее время это блюдо входит в меню местных кафе и ресторанов, особенно популярно оно в эти дни – 1 и 2 ноября, однако, по желанию клиентов, может быть приготовлено и в другое время). Также в домах на ночь оставляли зажженным свет, «чтобы мертвые не сбились с пути». «*Kar se pride po kruh, smo hodil molít po hišah za te martve, san paržyala dvie kandeled, celo nuoc ta par nas tle je bla luč paržyana, de pridijo damú ti martvi, an uodó pustil ta na miz, saldo no staklenico uodé al pa kar je bluo, al vino, kiek so moral pustit*» (Когда идут за хлебом, мы ходили и читали молитвы по домам за мертвых. Я зажгла две свечи, целую ночь у нас был зажжен свет, так как домой приходят мертвые, и мы оставляли на столе бутылку воды или что было, или вино, что-то должны были оставить) (М.П., Клодич). Считалось, что, если родные не оставляли для покойников пищу, те плакали, возвращаясь к себе на тот свет, а если оставляли – веселились. Сами души были невидимы, но их следы можно было обнаружить на рассыпанном на полу пепле (Таморис). В эти дни запрещалось подметать в доме, чтобы «не вымести души умерших» (Сорценто). Было записано несколько мифологических рассказов о том, что у мертвых в эти дни совершается своя месса (*maša ne za te-žive* «месса не для живых»). Посещать эту мессу вынуждены души грешников, которые при жизни не молились и не ходили в церковь. Служит мессу покойный священник, не отслуживший все мессы, за которые получил деньги.

⁴ К этому дню могилы богато украшают цветами и фонариками. Если на какую-либо могилу родственники по тем или иным причинам не могут принести цветы, это делает человек, присматривающий за кладбищем, чтобы ни одна могила не осталась в эти дни без внимания.

В одном из рассказов говорится, что если живой человек окажется в этот момент в церкви и ответит на возглас священника-мертвеца, то таким образом душа этого священника будет спасена и избавлена от посмертного наказания (Подутана). В большинстве случаев попадание на мессу мертвых грозит для человека смертью, если покойникам удастся его обнаружить. Часто в мифологических рассказах встречается такая черта покойников, как безглавость, именно по ней оказавшийся в неурочное время в церкви человек узнает, что вокруг него не обычные молящиеся, а гости с того света (подробно о мессе мертвых см. [7]).

В беседах с информантами затрагивались и другие календарные праздники: Рождество (*Božić, božić*), Пасха (*Velika Nuóć*), Три Короля (*Svéti Tríje Kráji*), Карнавал (*Pust*), Успение (*Maríja Róžnca*) и др. Также велась беседа на тему семейной обрядности (свадебной, похоронной). Были получены сведения по народной медицине, в частности, удалось записать и снять на видео ритуал лечения ячменя (от уроженки деревни Аццида). Что касается народной демонологии, были записаны поверья и мифологические рассказы о таких персонажах, как кривопеты (*krivopéte, krujapéte* (Клодич)), танты (*tánte*), торки (*tórke*) (*tu tórak so hodíl tórke* ‘во вторник ходили торки’ (Мазаролис)), шкраты (*škrátić, škrátac* (долина Натизоне), *škarífić* (Терская долина) – гномы), штрии (*štríje* – ведьмы), морá (*morá*), великаны (*ýéjdi*), весны (*vesné*), *beledánti, vedenci – tísti, ki vídijo ponóć* «те, кто видит ночью» (Клодич) и др. Удалось записать несколько сказок от исполнительницы из деревни Таморис (Терская долина). Особое внимание уделялось вопросам, посвященным обрядовой и праздничной пище, ее номинации и способах приготовления. Оказалось, что наши собеседники противопоставляют свою домашнюю обрядовую выпечку (*čubánca* – сладкий рулет с ореховой начинкой, *čolobíca* – пасхальный хлеб в форме голубя и др.) одноименной выпечке промышленного производства, которая получила широкое хождение у фриульского населения в качестве локального блюда региона Фриули-Венеция-Джулия – *gubanza, gubanetta* (маленькая «губанца», напоминающая по форме и размеру булочку). По свидетельству наших информантов, «губанца» промышленного производства имеет очень мало общего с их домашней праздничной выпечкой. Равно как и пасхальная «голубица» абсолютно не похожа на фриульских «пасхальных голубей» (*colomba pasquale*), изготавливаемых в пекарнях в специальных формах, тогда как словенская «голубица» делается вручную и по способу изготовления скорее напоминает восточнославянских «жаворонков»⁵.

В заключение приведем несколько расшифрованных текстов, записанных в экспедиции 2022 г. в деревнях Клодич от М.П., жен. 1940 г.р. (тексты 1–2), Таморис от Э.К., жен. 1949 г.р. (тексты 3–6) и Подутана от М.К., муж. 1940 г.р. (текст 7). Тексты даются в упрощенной записи на основе стандартной словенской орфографии. Собеседница М.П. рассказывает на диалекте долины Натизоне о *ликофе* (1) [10. S. 95], празднике, который устраивают по окончанию важных сельскохозяйственных или строительных работ. В (2) речь идет о собственной языковой компетенции, М.П. вспоминает, что в детстве не владела итальянским языком. Тексты (3–5) представляют собой примеры сказок на терском диалекте, текст (6) является, с точки зрения жанра, мифологическим рассказом (быличкой), в котором повествуется о встрече с процессией мертвых. Характерной особенностью является то, что традиционный сюжет в рассказе сочетается со специфической для данного региона деталью: женщина, встретившая процессию мертвых, занимается

⁵ Фотографии пасхальной выпечки можно увидеть на сайте издания «Новый Матаюр»: <https://novimatajur.it/cronaca/velika-nuoc-s-sloviensko-maso-v-farni-cierkvi-v-spietre-na-veliko-saboto-ponekaterih-cierkvah-pa-zegan.html> (дата обращения: 27.11.2022).

контрабандой, переправляя через границу запрещенные товары (видимо, этим и объясняется ее нахождение вне дома в неуточненный час)⁶. Данные тексты интересны не только с содержательной, но и с формальной точки зрения: в них присутствуют переключение кода (со словенского на итальянский язык), метаязыковые комментарии и гезитации. Текст (7) также представляет собой быличку: здесь наблюдается взаимодействие литературной нормы словенского языка и диалекта долины Натизоне, что достаточно редко встречается, поскольку большинство носителей этого диалекта не владеют литературным словенским языком активно.

Дальнейшая работа по расшифровке записанных в экспедиции текстов позволит существенно пополнить архив словенских записей, имеющийся у авторов, новыми рассказами, а также выявить частотность контактных явлений в речи словенцев провинции Удине.

(1) Tle par nas líkof je dvakrat, likof. Kar se j' nardilo kajšan, beh, ta parvi likof je biw kar se je finilo siec travó, zak je bla velika fadíja, a likof ni moraw bit prez štrukjuw kuhanih, kar je biw wsak likof, so bli štrukji kuhani. Potlé je biw likof, kar so nardil káko strieho od hiše. Dva tisti likofi so bli importánt, yáspodár od hiše ložíw strieho, so diel na varh no vej, parpel yó na strieho, kar je bluo, an potlé fešta, je biw likof, yó na slieme so diel. Smrieka al pa ne ven, lombér, al kar so ušafal, so obiesli, dok je biló zéleno.

(Здесь у нас ликоф был два раза, ликоф. Это делали, когда... первый ликоф был, когда закончили косить траву, потому что очень уставали [после этого], а ликоф не обходился без вареных штруклей. Потом был ликоф, когда возвели крышу. Два этих ликофа были важные. Хозяин дома возводил крышу, ставили наверх ветку, прикрепили на крышу, что было, а потом праздник, был ликоф. На конек прикрепили. Ель или лавр, или что было повесили, пока было зеленое).

(2) Jaz san se rodila štirdeseteya lieta, jaz san se rodila pod krajen, potle je biw fašjo, potle je bla republika, se zmislin tele trikolore, kar je bluo za votat. Potle sadalé je kar je... Ma jaz san bla že majhana, san no malo znala, ma niesan znala liepuo. Ankrat je bla moja mama do špitale, alora, morala bit, čakala otroká, ma tole j' morlo bit *del quarantacinque*, kar je tata paršew z vujské. Zak niesan poznala mojya tate. Anta me penje munja, anta mi kaže Krištuša atú. Ma yuori po taljansko. San zastopila, niesan znala yuorit, malo, samo «si», «no». «Si» an takuo, kar nekar san znala. Kar je páršla moja mama damu, san jala: «Mama, sadalé boš yuorila z mano po taljansko, jaz ne bom runala take slabe fiyure, kuo san nardila do špitale, munja me je pejala yliedat tisteya velikeya Krištuša, niesan moyla narest neya diskorsa. Jaz ne čen teleya špota imiet». Alora, mama me j' jala: «Ma ke porče pa nono an barba?» Nona je biw komerčánt, nono zna po laško, po slovensko, barba zna po ingleško, zak je biw do Ameriki trikrat, zna po taljansko. Furlansko, jaz san imiela tetó San Giorgio di Nogaro, tam so yuoril buj furlansko, ko midruz tle, an pa san bla otrok, san saldo čula, san se navadla sáma par sebé. An potlé saldo če pride Furlan, yuorim po furlansko, če pride Taljan, yuorim po taljansko, če pride naš, če pride Slovenj, poviem po beneško, na po slovensko, ma yuorim buj po našin, če pride Niemac, yuorim po niemško, kar znan, ker se niesan zabila, zak puno liet, ke na yuorin, an francosko san znala, an zabila san se.

(Я родилась в сороковом году, я родилась при короле, потом был фашизм, потом была республика, я помню эти трехцветные флаги, когда нужно было голосовать. А сейчас есть что есть... Но я была маленькая, я немного знала, но я не знала хорошо [итальянский]. Однажды моя мама была в больнице, должно быть, она ждала ребенка, но это должно было быть в сорок пятом году, когда мой папа

⁶ Ср. сходную быличку, которую записал И.А. Бодуэн де Куртенэ в конце XIX в. в провинции Гориция (Пьюма) и которая была впервые опубликована в [4. С. 198].

пришел с войны. Потому что я не знала своего папы. И меня ведет монахиня, показать мне Христа [распятие?]. Но она говорит по-итальянски. Я поняла, я не умела говорить, немного, только «si», «no». «Si» и так, то, что я знала. Когда пришла моя мама домой, я сказала: «С этого момента говори со мной по-итальянски, чтобы я не попадала в такие ужасные ситуации, как было в больнице: монахиня меня повела смотреть на этого большого Христа, а я не могла сказать ни слова. Я не хочу больше, чтобы мне было стыдно». И мама мне сказала: «Что на это скажут дедушка и дядя?» Дедушка был торговец, дедушка знает фриульский, словенский, дядя знает английский, он был в Америке три раза, знает итальянский. Фриульский, у меня была тетя в Сан-Джорджо-ди-Ногаро, там говорили больше по-фриульски, чем у нас. И ребенком я всегда слышала, я сама научилась. И потом всегда, когда придет фриул, я говорю по-фриульски, если придет итальянец, я говорю по-итальянски, если придет наш, словенец, скажу по-бенецийски⁷, не по-словенски [литературно], а больше по-нашему, если придет немец, я говорю по-немецки, что знаю, что я не забыла, так как я много лет уже не говорю, и французский я знала, но забыла).

(3) Buoh kar je nareduw sviet, e daw wsacemu njeḡa delo. An teli žené, je jaw: «Ti maš runat smrt». «A ne-ne, – je jala, – jaz ne čen bit smrt, zaki wsi me bojo klel, zaki murjejó judje». «Se na boj, – je jaw, – Ti na boš maj kauža, o bojo, wsak umrie za kejšno rieč, o bo bolán, o páde». «Bon bon, dobró, – je jala, – dobró». Je jala tola žená. Alora e bla na žená, ke mela puno puno otruok tola žená, o majdan ji ni tiel bit botra in ni tiel krstit. Tola smrt je zaviedela, pride, an ji die: «Pošlušájte, me so jal, ke vi ḡliedate no botro, o majdan wan ne će krstit, še četé bom jaz waša botra». «Ma kadó ste vi?» – je jala. «Ez san smrt, – je jala, – san smrt! Pero se na bojte, wam nič nareden». Alora je prašála, póviedite me, ke stojité. An jo j' pejala tola smrt. Jo j' pejala tu no veliko [...] alora tola smrt peje tolo ženó, jo krstila čečico, jo dala botrínjo, de bo miela za jest, je dala puno rečí. An zad je praša: «Kje stojité vi botra? Poviedite me!» Je jala: «Vam pokažen, kje stojín». An jo peje tu no veliko štanco, vesté, kaj j' štanca? Kuo se dije štanca?.. An je biló će po tlieh vse puno kandel, vse kande, ke so ḡoriele. «Lajte, – je jala, botra je jala, – wsak, – je jala, – ma no kanelo, pero viesté, tik ka wḡásne kanela, midruz mamó umriet». «Alora, – je jala, – poviedite me, poviedite me, kejšna je moja». E bla na micakana, ke se re kar miela wḡasnt. «Tola tista mičekana je vaša, pred se mate umriet», – je jala. «E ne, – je jala, – me morate pomati, jaz mam puno otruok, na moren umriet». «E ne, – je jala, – ka prije vaša ura, mate umriet»... smrt je jušta. E pridna smrt. Ka pride vaša ura, mate ití. Se na more kupit.

(Бог, когда сотворил свет, дал каждому свое дело. И одной женщине он сказал: «Ты будешь отвечать за смерть». «О, нет, нет, – сказала она, – я не хочу быть смертью, из-за этого все будут меня проклинать, за то, что люди умирают». «Не бойся, – сказал Он, – ты не будешь виновата, не будут [проклинать]. Ведь каждый будет умирать по какой-то причине: по болезни или от падения». «Ну ладно, хорошо, – сказала она, – хорошо», – сказала та женщина. И вот была женщина, у которой было много-много детей, у той женщины. И никто не хотел идти в крестные, не хотели крестить. И смерть это узнала, пришла и говорит: «Послушайте, мне сказали, что вы ищете крестную, но никто не хочет крестить. Если хотите, я буду вам крестная». «А кто вы?» – сказала. «Я смерть, – сказала та, – я смерть. Но вы не бойтесь, я вам ничего не сделаю (плохого)». Ну ладно, та спросила: «Скажите мне, а где вы живете?» И ее повела та смерть и привела ее в одну большую [...] ну,

⁷ Имеется в виду – на местном диалекте (от словен. Венеџја «Венецианская Словения» (Slavia Friulana)).

эта смерть привела ту женщину, крестила ей девочку, дала ей угощение, чтобы ей было что есть, дала ей много всего. А та женщина спросила: «А где вы живете, крестная? Скажите мне». И та сказала: «Я вам покажу, где живу». И повела ее в большую комнату (ит.). Вы знаете, что такое комната (ит.)? Как говорится «комната»? И на полу было полно свечей и все свечи горели. «Смотрите, — сказала... крестная сказала, — у каждого есть своя свеча, но знаете, как только погаснет свеча, мы должны умереть». «Ну, — сказала, — скажите мне, скажите мне, которая из них моя?». И была одна маленькая, которая как раз должна была погаснуть. «Вот эта маленькая — она ваша, вы скоро должны умереть», — сказала она. «О, нет, вы должны мне помочь! У меня много детей, я не могу умереть!» «Ну нет, — сказала, — когда придет ваш час, вы должны умереть». Смерть справедлива. Смерть честна. Когда придет ваш час, придется уйти, от этого невозможно откупиться).

(4) Vam povien še ednó, kar pravila moja nona, zak jaz san pošlušála, me je plažalo, kakó ģwarijo. Alora, e jala nona, ke e biw puob an čečá, kuo se dije *due fidanzati, due?*... Alora, se so tiel rad, an se so zapoviedal, de o žiwí, o mrtwi se ni majo maj pustit, majo bit nimra kupe... alora, zapoviedat, kwo se dije? Zapoviedat, *giurare, promettere, obécat!*... Se so obečál, de se bojo tieli (m)rat, de se na maj maj pustijó. An on teli puob je muw iti na vujskó. Je šuw na vujskó. Pero maj ni je peršuw damú, maj ni je pisaw, ona ģa je čakala, an no noć on je peršuw ģo na te bielen konju. E peršúw. An ji je jaw: «ģremo z mano, bomo nimar kupe, ģre z mano». «Ja, ja, — ona je jala, — ģren s tabo». An jo ložiw ģo na konju, obadwá, an so šli. On je biw mrtew, pero oná se ni dovezála, de je biw mrtew. On je ģwariw: «Luna lepo seje, te mrtwi te živeģa na bиеlem konju peje». An jo peje tu britof, ona mu je jala: «Ke me peješ, ke me peješ?»... «Ja ez, — te jal, — stojin tleka». Alora ona, je pršlo ģor, de je, ni je jušto, de mora bit mrtew. Furbasta, ona je bla furbasta. Je mela fierteh, ģrmáw, fierteh dijete, ne? Alora, je bla odprta jama du britofe an so meli iti not. «E ne, — je jala, — biež ti prvi, an zad prijen jezт». Alora on je jaw: «E ne, zak me utečéš!» Ona mu je jala: «Na, te dan ģrmáw, še me boš tíščaw, me povlečeš not». Ona furbasta, jo zvezála, on je powlekuw not, se je zaprlo, an ji je jaw: «Mikano, prekleta, ke s' naredila». Na viem, táko. Tiste se zmislin, ke nona je pravila nimar. Puno pravic je pravila nona (см. текст данной сказки, записанный от этой же информантки, в [11. S. 152–153]).

(Вам расскажу еще одно, что рассказывала моя бабушка, ведь я слушала, мне нравилось, как говорили. Итак, бабушка говорила, что были парень и девушка, как говорят, двое помолвленных (ит.), двое... ну, обещали друг другу, что или живые, или мертвые, никогда не расстанутся, всегда будут вместе... ну, обещать, как говорится? Поклясться, поклясться (ит.), обещать (ит.), обещать!.. Они друг другу обещали, что если даже умрут, то никогда-никогда не расстанутся. А тот парень должен был идти в армию. И он пошел в армию. Но не вернулся домой и не писал. Она его ждала, и однажды ночью он приехал на белом коне. Пришел и сказал ей: «Поедем со мной, будем всегда вместе, пойди со мной». «Да-да, — сказала она, — я поеду с тобой». Он ее посадил на коня, и они оба поехали. Он был мертв, но она еще не поняла, что он мертв. Он говорил: «Луна красиво светит, мертвый живую на белом коне везет». И привез ее на кладбище. Она ему сказала: «Куда ты меня везешь? Куда везешь?» «А я, — говорит, — здесь живу». И тут до нее дошло, что что-то не так, что он, должно быть, мертв. А она была хитрая, хитрая была. У нее был фартук. Фартук вы говорите? А была раскопана могила на кладбище, и они должны были спуститься туда. «О нет, — сказала она, — иди ты первый, а я следом за тобой». Тогда он ей сказал: «Ну нет, ты от меня убежишь». Она ему ответила: «Нет, я тебе дам фартук, ты за него потянешь и меня затащишь внутрь». А она была хитрая и она его отвязала. Тот потянул внутрь, но могила закрылась,

и он сказал: «Проклятая, что ты наделала!» Что-то такое. Это я помню, как моя бабушка всегда рассказывала. Много сказок рассказывала бабушка).

(5) Je jala nona, ke e bla dan dan na žená. Niso miel žvejarí na ure, an se je zbudila ponoč, an je jala: «San zaspala, man iti u k maš». An ka pride γo cierkuw, wse še molijelo potiho potiho, an ka pride not, so bli so wse tele judje prez (γ)lawe. Niso miel (γ)láwe. Alora, e bla edná žená, ke bla nje botra, je pršla blizu, je jala: «Biežite, biežite, subito!» Ona je jala: «Na bodíte tle! An če vam páde ke du na tla, na pobierite γor, ma ko biežite». An tola žená se j užrašila, an je šla damú, je paduw facó, ta na tlieh, an ne pobrala. Druγ dan ka so šli γo britof, wsi križe so miel po dan koščík nje facóle utryán, an ložen na to, so bli te dušice, zaki niso tiele bit dišturbane, je bla njih ura za molít tista... Nono, viesté, jo san miela za norcá nono. Alora, «Nona» – san jala: «ne, vi ste jala nje botra, ma kakó je poznala nje botra, če ni miela γlawe?» Alora nona me jala: «Biež, ti na viereš neč». Smo bli buj furbaste ko nona, ne, te stare se vierval tole rečí.

(Рассказывала бабушка, что когда-то была одна женщина. А тогда не было часов, она проснулась ночью и сказала себе: «Я проспала, а мне нужно идти к мессе». И когда она пришла в церковь, там молились тихо-тихо. Войдя внутрь, [увидела], что все те люди были без голов. У них не было голов. И там была одна женщина, которая была ее крестная. Она подошла и сказала: «Бегите, бегите быстро! – она ей сказала. – Не будьте здесь! И если у вас что-то упадет, не поднимайте, но убегайте». И та женщина испугалась и пошла домой. И у нее упал платок на землю, она не подняла. На следующий день, когда пошли на кладбище, увидели, что на всех крестах лежало по одному клочку ее платка разорванного. Это были души, они не хотели, чтобы их беспокоили, потому что это было их время молитвы... Бабушка, знаете, я над ней шутила, над бабушкой. Я говорила: «Вы сказали, что это была ее крестная, а как она узнала крестную, если она была без головы?» И бабушка мне говорила: «Ты ни во что не веришь!» Мы были более хитрые, чем бабушка, старые люди верили в такие вещи).

(6) An na žená je šla, je hodila runat kwintabánt, kwo se dije tiste, *contrabando come si dice?* E hodila kontraband tola žená. Alora, e šla, de pujde zγoda. An je jala: «Se ustaven, čujen, ke molijo, oni so bli te mrtvi, ke so šli u pracesijo to cierkve γo britof. So wse tisto mrtvo, ke so bli, jaz se san ustavila, se san užrašila». Zak tist na vien ali ries. Na vien... Jaz ne verjen.

(И одна женщина шла, она ходила занималась контрабандой, как это говорится, контрабанда, контрабандой занималась та женщина. И вот она шла утром рано. И говорит: «Я остановилась, слышу, как молятся, это были мертвые, которые шли процессией из церкви на кладбище. Все они были мертвые, все, кто был. Я остановилась, я испугалась». И вот я не знаю, правда ли это. Не знаю... Я не верю).

(7) Včasih se je slišalo to. San pošlušuw nega duhovnika iz moje vasi. On je rekew, de je biw cerkvenik, mežnar, in zjutra v našo cierkuw je hoduw zvonít jutarince. Že ponoč prej ko je sonce wstalo. An dan more bit tele dni je odpar cierku, je šuw notre an je viduw, de na oltarju je biw duhovnik, ki je mašewaw. Je šuw blizu, mu je odgovarjuw zakar gre, an ob na koncu maše je rekuw: «Jez že sadá že štirideset let vsaki dan hoden tukaj mašo darovat, ampak nihče mi ne odgovarja, tako de se na moren rešit iz vic». Tisto san šlišaw iz mojih ušes, na moren pričet, a je ries al ne, takó san šlišaw. Eko, tisto je.

(Иногда такое можно услышать. Я слышал от одного священника из моей деревни. Он сказал, что был один пономарь, церковный служка, и он ходил по утрам в нашу церковь звонить к утренней молитве. И еще ночью, до восхода солнца. И однажды, может быть, в эти дни [поминальные дни 1–2 ноября] он открыл церковь, зашел внутрь и увидел, что у алтаря был священник, который служил мессу. Он приблизился, ответил [на возглас, когда это требовалось].

И в конце мессы тот священник сказал: «Я уже сорок лет как каждый день сюда прихожу служить мессу, совершать Евхаристию, но никто мне ни разу не отвечал, поэтому я не могу спастись из чистилища». Это я сам слышал собственными ушами, но не могу сказать, правда это или нет, но я так слышал. Вот так, есть такое).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилипенко Г. Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. 2388.
2. Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Экспедиция к словенцам в Италии // *Славяноведение*. 2018. № 1. С. 106–111.
3. Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Из календарной обрядности словенцев в Италии // *Живая старина*. 2018. № 2 (98). С. 55–58.
4. Ясинская М.В. Календарные поминальные обряды и обычаи словенцев // *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы* / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2019. С. 187–202.
5. Ясинская М.В. Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // *Etnografia*. 2021. № 1 (11). С. 50–74.
6. Ясинская М.В. Обычай *Božična Devetica* (*Novena di Natale*) на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность // *Живая старина*. 2022. № 4 (116). С. 2–6.
7. Ясинская М.В. Сюжет о мессе мертвых в мифологических рассказах и поверьях словенцев // *Слово и человек. К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого* / ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 566–578.
8. Balloch B. *Lučice na oknah. Naš svet pouan naposebnosti / il nostro mondo pieno di meraviglia* / ur. R. Dapit, L. Trusgnach in D. Zuljan Kumar. *Čedad / Cividale del Friuli: Kulturno društvo Ivan Trinko*, 2018. 480 s.
9. Merku P. Unejci, Onejci ali Vnejci? // *Traditiones*. 1999. Letnik 28. 1. S. 309–310.
10. Špehonja N. *Vocabolario Nediško – Italiano*. San Pietro al Natisone: Associazione Lintver, 2010. 348 s.
11. http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Nadisko_narecje/Spehonja_2010_vocabolario_nedisko_italiano.pdf
12. Tomasetig A. *Od Idrije do Nediže = Dal Judrio al Natisone. Benečija = Slavia Friulana*. Udine: Istituto di Ricerca Achille Tellini, 2010. 568 s.
13. Zuljan Kumar D. Nekaj besednorednih posebnosti v nadiškem in briškem narečju // *Jezikoslovni zapiski*. 2003. No. 9 (2). S. 59–80. <https://doi.org/10.3986/jz.v9i2.2589>

REFERENCES

- Balloch B. *Lučice na oknah. Naš svet pouan naposebnosti = il nostro mondo pieno di meraviglia*, ed. R. Dapit, L. Trusgnach, D. Zuljan Kumar. *Čedad = Cividale del Friuli, Kulturno društvo Ivan Trinko Publ.*, 2018, 480 p. (In Slovene, in Italian)
- Merku P. Unejci, Onejci ali Vnejci? *Traditiones*, 1999, letnik 28, no. 1, pp. 309–310. (In Slovene)
- Pilipenko G.P., Yasinskaya M.V. Ekspeditsiia k sloventsam v Italii. *Slavianovedenje*, 2018, no. 1, pp. 106–111. (In Russ.)
- Pilipenko G.P., Yasinskaya M.V. Iz kalendarnoi obriadnosti sloventsev v Italii. *Zhivaia starina*, 2018, no. 2 (98), pp. 55–58. (In Russ.)
- Pilipenko G. Nekotorye kontaktnoobuslovlennyye iavleniia v slovenskom dialekte doliny Natizone. *Slavia Meridionalis*, 2021, no. 21, 2388. (In Russ.)
- Špehonja N. *Vocabolario Nediško – Italiano*. San Pietro al Natisone, Associazione Lintver, 2010, 348 p. (In Slovene, in Italian)
- Tomasetig A.A. *Od Idrije do Nediže = Dal Judrio al Natisone. Benečija = Slavia Friulana*. Udine, Istituto di Ricerca Achille Tellini Publ., 2010, 568 p.
- Yasinskaya M.V. Kalendarnyye pominal'nyye obriady i obychai sloventsev. *Slavianskije arkhaiskije arealy v prostranstve Jevropy*, ed. S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 187–202. (In Russ.)
- Yasinskaya M.V. Obraz granitsy i sosedei v vospriiatii slovenskogo etnicheskogo men'shinstva v Italii (provintsii Goritsii). *Etnografia*, 2021, no. 1 (11), pp. 50–74. (In Russ.)
- Yasinskaya M.V. Obychai *Božična Devetica* (*Novena di Natale*) na ital'iansko-slovenskom pogranich'je: traditsiia i sovremennost'. *Zhivaia starina*, 2022, no. 4 (116), pp. 2–6 (In Russ.)

Yasinskaya M. V. Siuzhet o messe mertvykh v mifologicheskikh rasskazakh i pover'iyakh sloventsev. *Slovo i chelovek. K 100-letiyu akademika Nikity Il'yicha Tolstogo*, ed. S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2023, pp. 566–578. (In Russ.)

Zuljan Kumar D. Nekaj besednorednih posebnosti v nadiškem in briškem narečju. *Jezikoslovni zapiski*, 2003, no. 9 (2), pp. 59–80. (In Slovene)

Информация об авторах:**Пилипенко Глеб Петрович,**

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения Российской
академии наук,

г. Москва, Российская Федерация.

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Ясинская Мария Владимировна,

кандидат филологических наук, научный
сотрудник Института славяноведения
Российской академии наук,

г. Москва, Российская Федерация.

ORCID: 0000-0001-9137-6668

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

Information about the authors:**Pilipenko Gleb P.**

Ph D. (Philology), Senior Researcher,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Yasinskaya Maria V.

Ph D. (Philology),

Research Fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9137-6668

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 3, с. 95–103

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 95–103

DOI: 10.31857/S0869544X0025878-8

Оригинальная статья / Original Article

50 лет кафедре славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

В 2021 г. кафедре славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова исполнилось 50 лет.

История кафедры началась в 1971 г., когда была создана межфакультетская кафедра славянских языков, которая функционировала в рамках Отделения по преподаванию иностранных языков при филологическом факультете МГУ. Многие слависты-нефилологи получали здесь языковые знания. Славянские языки преподавались на историческом, экономическом, географическом, юридическом, философском факультетах и на факультете журналистики.

Начиная с 1988 г. кафедра входит в структуру вновь созданного факультета иностранных языков МГУ, ныне факультета иностранных языков и регионоведения.

Основателем кафедры и многолетним ее заведующим была Р.П. Усикова. В разные годы кафедрой заведовали В.Я. Тихомирова, О.Н. Шапкина, в настоящее время руководителем является Н.Н. Запольская.

Юбилею этого подразделения МГУ была посвящена научная конференция с международным участием «Славянские языки в системе гуманитарного образования (к 50-летию кафедры славянских языков и культур)», которая планировалась в 2021 г., но из-за пандемии была перенесена и прошла 5–6 апреля 2022 г. За два дня прозвучало 45 докладов, которые были включены в следующие крупные тематические блоки:

1. Старославянский язык → церковнославянский язык: актуальные проблемы изучения и преподавания.
2. Актуальные вопросы изучения славянских языков.
3. Книжность и литература у славян.
4. Этнолингвистика и лингвокультурология.

Ниже публикуется, мемуар-размышление долголетнего сотрудника кафедры болгариста В.Н. Гливинской, а также статья, подготовленная на основании доклада Е. Маричевич Балач.

50 лет жизни кафедры

© 2023 г. В.Н. Гливинская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

gli-vera21@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена 50-летию кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. Описывается жизнь кафедры, увиденная глазами рядового преподавателя, которому посчастливилось все эти годы быть членом ее коллектива. На примере преподавания болгарского языка прослеживается движение кафедры от межфакультетской при филологическом факультете к обретению статуса профилирующей («выпускающей») на факультете иностранных языков и регионоведения. Перечисляются проблемы, с которыми пришлось столкнуться коллективу кафедры на этом непростом пути, анализируются причины утраты в настоящий момент этого престижного и почетного статуса. Автор приходит к выводу, что кафедра – это живой организм, непосредственно связанный с жизнью страны и зависящий от ее основной стратегии в развитии просвещения и образования.

Ключевые слова: болгарский язык, преподавание, коммуникативный подход, перевод.

Ссылка для цитирования: *Гливинская В.Н.* 50 лет жизни кафедры // Славяноведение. 2023. № 3. С. 95–103. DOI: 10.31857/S0869544X0025878-8

Fifty Years of a Department

© 2023. Vera N. Glivinskaya

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

gli-vera21@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the 50-th anniversary of the Slavonic Languages Department of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies at Lomonosov Moscow State University. The article describes the life of the department through the eyes of a teacher, who has had the luck of being a member of its staff all these years. With teaching Bulgarian as an example, the article traces the transformation of the department from being an interfaculty one attributed to the Philological Faculty to gaining the status of a department that produces graduates with majors in Slavonic languages at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies. The author describes challenges that the department has faced and analyses the unfortunate reasons why the department has stopped administering majors in Slavonic languages. The author concludes that the department is a living organism directly related to the country's life and depending on its strategy in development of education.

Keywords: Bulgarian language, teaching, communicative approach, translation.

Reference for citation: *Glivinskaya Vera. N.* Fifty Years of a Department // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 3. P. 95–103. DOI: 10.31857/S0869544X0025878-8

50 лет для человека — это целая жизнь, в истории же Московского университета, основанного в 1755 г., — это всего лишь эпизод. Однако, если принять во внимание исторический контекст этого периода времени, то нельзя не согласиться с тем, что это один из самых напряженных, динамичных, и я бы сказала, драматичных эпизодов.

В 1971 г. межфакультетская кафедра славянских языков (ныне кафедра славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ) создавалась в условиях расширения сотрудничества славянских стран в рамках СЭВ и Варшавского договора. Для того чтобы подготовить квалифицированных специалистов было необходимо организовать преподавание славянских языков студентам-нефилологам. На филологическом факультете уже было подразделение — Отделение по преподаванию иностранных языков (ОПИЯз), обеспечивающее обучение студентов нефилологических специальностей западноевропейским языкам. Именно в этой структуре и была образована новая межфакультетская кафедра славянских языков. Возглавила ее доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Р.П. Усикова, которая четко знала, какой она хочет видеть кафедру: молодой, растущей в профессиональном отношении (все сотрудники должны были пройти аспирантуру), работающей с полной отдачей сил. Она собирала команду единомышленников, готовых служить Университету. Под ее руководством преподавание славянских языков было введено на экономическом факультете и факультете журналистики, были созданы славянские группы на философском, юридическом и географическом факультетах. Продолжалось обучение студентов-историков.

Перед сотрудниками кафедры ставилась задача профессионально ориентированного обучения студентов, причем при полном отсутствии специализированных учебных материалов и при невозможности ограничиться какой-либо одной профессиональной сферой (например, два преподавателя болгарского языка должны были обеспечить учебный процесс на пяти-шести факультетах). К этому прибавлялись еще другие трудности — факультеты были расположены в разных районах Москвы — в старом здании на Манежной площади и на Ленинских горах.

Тогда компетентностный подход еще не вошел в моду, но все преподаватели были едины в понимании того, что должны уметь студенты после обучения, а именно: студент должен уметь читать, понимать и переводить на родной язык (со словарем, но за определенное время) иноязычный текст по своей специальности; уметь его реферировать. Конечно, беседа на бытовые и специальные научные темы также входила в перечень обязательных заданий на экзамене. Для реализации этих целей необходимо было создать собственные учебные материалы, подходящие для разных видов работы.

Болгарское направление возглавила Р.П. Усикова. Уже в 1978 г. вышла в свет «Книга для чтения по болгарскому языку», подготовленная авторским коллективом — Зоей Ивановной Карцевой, Ириной Вадимовной Платоновой и Ринной Павловной Усиковой [5]. Она содержала учебные материалы страноведческого характера по географии, истории и литературе Болгарии, которые были необходимы для студентов самых разных направлений, начинающих изучать болгарский. Особо следует отметить значение этого учебного пособия для внеклассной работы учащихся. В то время, как, впрочем, и сейчас, такой вид работы, как домашнее чтение был обязательным условием получения зачета. В том

же 1978 году появился еще один ценный источник учебных материалов – сборник «Упражнения по лексике и грамматике болгарского языка» И.В. Платоновой [7].

Однако все эти годы остро не хватало учебника болгарского языка, предназначенного для русскоговорящих студентов, написанного с опорой на родной язык. По инициативе Р.П. Усиковой началась работа над его созданием. В рамках программы международного межвузовского сотрудничества к работе над учебником приступили Р.П. Усикова (со стороны МГУ им. М.В. Ломоносова) и Ст. Гинина (со стороны Софийского университета им. Климента Охридского, Болгария). На тот момент Ст. Гинина уже была одним из авторов «Учебника болгарского языка для иностранцев» [1] и работала на нашей кафедре в качестве приглашенного лектора. Несколько позднее к авторскому коллективу присоединилась И.В. Платонова.

В 1985 г. «Учебник болгарского языка» был опубликован [2]. Он предназначался для студентов гуманитарных факультетов университетов – как филологов, так и нефилологов, и мог быть использован в вузах общественно-политического профиля. Однако сами авторы отмечали, что учебник был предназначен лишь для начальных этапов обучения. Продвинутый этап – обучение переводу и реферированию оставался не обеспеченным учебными материалами. Именно это побудило меня приступить к созданию такого пособия для студентов-нефилологов гуманитарных факультетов. Когда пособие было написано, возникли трудности с его публикацией. В конце 1980-х годов издательства не принимали заказы на малотиражные учебные пособия, а факультет мог предложить своим авторам-преподавателям лишь ротاپринт, с помощью которого малыми частями, по 25–30 страниц, размножались так называемые учебные разработки. По этим «разработкам» мы со студентами и работали несколько лет. Впоследствии я учла опыт использования этих материалов и подготовила «Пособие по болгарскому языку для групп референтов-переводчиков», которое сдала в издательство МГУ им. М.В. Ломоносова. Пособие было подписано к печати 08.06.1989 г. Но превратности судьбы не позволили ему увидеть свет и послужить подготовке референтов-переводчиков, оно стало одной из многочисленных жертв тех непростых лет.

Перестройка сделала возможным создание новых структур в высших учебных заведениях страны. Событием в жизни кафедры стало образование в 1988 г. на базе ОПИЯз нового факультета – факультета иностранных языков (с 2005 г. он именуется «факультет иностранных языков и регионоведения», ФИЯиР). Кафедра помимо своих привычных функций обучения славянским языкам студентов-нефилологов обрела новую функцию подготовки специалистов-славистов – преподавателей и переводчиков.

Этот период интенсивного и прогрессивного развития кафедры был инициирован уже новой заведующей – В.Я. Тихомировой. Под ее руководством кафедра сумела подготовить специалистов по четырем славянским языкам (болгарскому, польскому, сербскохорватскому, чешскому) по четыре выпуска по каждому языку. Наши выпускники успешно работают в МИД, представляют страну в посольствах РФ за рубежом, преподают славянские языки в вузах Москвы, а М.М. Макарец и М.А. Гаврилков продолжают научные исследования в Институте славяноведения РАН.

Силами наших преподавателей была обеспечена подготовка по славянским языкам практически всех выпускников последних 50 лет кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которые в продолжении долгих лет трудились и трудятся в Институте

славяноведения РАН, а именно: К. В. Никифоров, А. Л. Шемякин, М. В. Лескинен, М. М. Фролова, Н. С. Гусев, П. В. Мошечков и многие другие.

Следует отметить огромный вклад в подготовку студентов-болгаристов, который внесли лекторы из Болгарии, носители языка. С первых дней существования кафедры они щедро делились своим педагогическим опытом и профессионализмом. С благодарностью хочется вспомнить их имена: М. Маринова, А. Лазарова, Ст. Гинина, М. Божилова, Т. Костова, Н. Дончева, Р. Кордовская, Е. Чаушева, Л. Велкова, М. Китанова, Й. Дапчева, Б. Даскалова, М. Димитрова, М. Конова.

Одним из отличий обучения на новом факультете должно было стать более серьезное внимание, уделяемое методике преподавания и дисциплинам переводческого цикла.

Для реализации на факультете программы обучения наших первых студентов необходимо было разработать множество новых курсов. Только по теории и практике перевода в эти годы были подготовлены и проведены курсы: «Общая теория частного перевода»; «Лексические, грамматические и стилистические вопросы перевода»; «Теория и практика перевода научного текста (юридического и экономического)»; «Теория и практика устного перевода (последовательного и синхронного)».

Также кафедра участвовала в реализации программы «Школа—вуз»: два преподавателя обучали школьников двух московских и одной одицовской школы болгарскому языку и одновременно писали учебник для детей «Давайте вместе учить болгарский». Учебник был издан в 2004 г., а затем переиздан в 2008 и 2011 г. [4].

Факультет развивался быстро и так же быстро менялась концепция обучения. Создание специализированного переводческого отделения повлекло за собой переструктурирование, возможно, полезное для студентов, изучающих английский язык: их количество позволяло создать несколько групп, учитывая конкретные интересы обучающихся. В славянских же группах, численностью пять — семь человек, подобное деление было невозможно, и наши студенты были переориентированы на дидактику. Это был очень сложный процесс. Нам пришлось менять уже утвержденные темы дипломных работ и направление исследований самих преподавателей. Из учебных планов были исключены как обязательные все переводоведческие дисциплины. Тогда еще ошибочность такого шага не осознавалась: малое число выпускаемых специалистов (пять — семь человек один раз в четыре года) требовало более широкой специализации. Все силы были брошены на поиск обходных путей. Казалось, с этим можно справиться. На совещании-семинаре преподавателей болгарского языка, болгарской литературы и культуры (27—28 октября 2009 г.) на филологическом факультете МГУ я докладывала об успехах в этой области. Гибкое использование спецкурсов, спецсеминаров и курсов по выбору позволило до некоторой степени проводить и более узкую специализацию.

Например, спецсеминар «Основные направления и методы лингвистических исследований в современной Болгарии» знакомил студентов с терминологической базой, а также с современными методами лингвистического исследования. Спецкурс «Проблемы межъязыковой асимметрии и перевод» позволил обратить внимание студентов на асимметричный характер близости болгарского и русского языков с «содержательной» и «формальной» точек зрения, научил понимать опасность интерференции и находить пути ее возможного преодоления. Спецкурс позволил выработать навыки сопоставительного

лексикологического анализа текстов, создать предпосылки для овладения практикой перевода.

Понимание необходимости обеспечить, помимо всего прочего, формирование и развитие этнокультурной и социокультурной компетенций у наших студентов требовало создания еще одного крайне трудоемкого курса – «Болгарские лингвисты о национальной своеобразии болгарского языка». Определение «трудоемкий» связано с тем, что каждую предлагаемую для прочтения статью необходимо было снабдить комментарием и толкованием рассматриваемых авторами фразеологизмов.

Большую роль в поддержании интереса к переводу сыграл и играет до сих пор ежегодный Всероссийский межвузовский конкурс переводов художественного текста с болгарского языка на русский, который проводится вот уже более 20 лет совместными усилиями преподавателей-болгаристов филологического факультета и ФИЯиР под эгидой Посольства Республики Болгария в Москве. Студенты нашего факультета занимали и продолжают занимать почетные первые места.

Однако вскоре была поставлена задача перейти на Болонскую систему образования. Этим процессом на кафедре руководила О.Н. Шапкина, сменившая на посту В.Я. Тихомирову. Ей удалось сохранить главное – «независимость и суверенитет» кафедры.

Переход к Болонской системе мы обсуждали с нашими коллегами из Санкт-Петербурга на вышеупомянутом совещании-семинаре на филологическом факультете. Все мы были обеспокоены переходом на двухуровневую подготовку специалистов; нам необходимо было обсудить новые вызовы, с которыми нам предстояло столкнуться. Помимо студентов нашего факультета этот переход коснулся и наших студентов с других факультетов. А как выяснилось в скором времени, далеко не все студенты-болгаристы этих факультетов намерены были продолжать обучение в магистратуре на той же кафедре, где они завершили бакалавриат. Вставали вопросы: как планировать обучение в такой ситуации? Какие темы и в каком объеме следует включать в программы обучения в бакалавриате и в магистратуре? Не следовало ли преподавателям редких языков и редких специальностей настаивать на сохранении специалитета?

Введение ЕГЭ поставило новые вопросы: программа «Школа–вуз» ушла в небытие. В 2015 г. нашим факультетом был выпущен последний набор студентов со специализацией по славянским языкам и культурам. Кафедра опять из профилирующей превратилась во вспомогательную. Нагрузка преподавателей резко сократилась, над кафедрой нависла угроза ликвидации. В это время кафедру возглавила Н.Н. Запольская, которая внесла много инноваций в преподавание: сотрудники кафедры вспомнили свои дополнительные специализации, расширили тематику и включились в преподавание таких дисциплин, как «Культура русской речи» и «Риторика» (на биологическом факультете и факультете почвоведения).

Активной формой обучения стали факультативы, которые оказались очень продуктивными. На них записывались студенты самых разных факультетов: географического, почвоведения, социального развития и управления, особенно много с факультета журналистики. В свободное от основной учебы время они усердно и успешно занимались славянскими языками. Успешная работа этих факультативов послужила прологом к новой инициативе заведующей кафедрой Н.Н. Запольской – идее создания и проведения межфакультетского курса «Мир славянского зарубежья», собравшего студентов 16 факультетов МГУ. Интерес к курсу проявили будущие историки, математики, филологи,

биологи, географы, физики, журналисты, химики, почвоведы, биоинженеры, геологи, юристы, философы, психологи, студенты Института стран Азии и Африки и факультета мировой политики. Информация о болгарском блоке этого курса представлена в сборнике *«Лексикографията в началото на XXI в.»* [3].

Факультативы по славянским языкам на нашем факультете также пользовались успехом. Но самое главное, именно они позволяли продолжать работу по обучению студентов теории и практике перевода. Опираясь на идеи И. Ликомановой [6], я рискнула предложить участникам факультативов по разным славянским языкам курс по выбору «Славяно-славянский перевод». В процессе работы нам удалось дополнить предложенный И. Ликомановой анализ переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на польский, сербский и болгарский языки двумя исследованиями перевода на чешский.

Прослушавшие этот курс студенты успешно использовали полученные знания при написании своих курсовых и дипломных работ, а также для подготовки докладов на студенческих научных конференциях, в частности на Студенческой международной научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык», которая проводится уже пять лет.

Замечательным развитием деятельности кафедры в последние годы стало преподавание славянских языков на ФИЯиР в качестве второго иностранного на отделении культурологии и отделении лингвистики и межкультурной коммуникации бакалавриата, а также в качестве третьего иностранного в магистратуре. Особенно важным стал междисциплинарный курс «Мир второго иностранного языка», предполагающий ознакомление не только с филологическими, но и историческими знаниями.

Параллельно с этим менялась и методика преподавания, поворачиваясь в сторону коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам. Один из методистов, А.Н. Щукин, в 2008 г. писал: «Современные требования к изучению иностранного языка ограничивают роль перевода, так как основной целью является беспереводное выражение мысли на иностранном языке и понимание на слух и при чтении. Частое применение этого способа (перевода. — В.Г.) тормозит формирование беспереводного владения языком» [9. С. 211]. Действительно, нашим студентам не хватало смелости говорить, не боясь ошибок, что свойственно тем, кто учил иностранный язык без опоры на родной, беспереводным методом. Однако очевидно, что подобные навыки нужны и полезны не во всех сферах речевой деятельности.

Двадцать лет ориентации на коммуникативную модель обучения иностранным языкам привели к тому, что у современных студентов нет ни умений, ни навыков перевода. Само задание — «переведите на русский язык» повергает их в уныние, если не в ступор. Привыкшие усваивать лексико-грамматический материал путем многократного повторения, многие студенты противятся заданиям типа: выпишите из текста и переведите незнакомые слова и выражения. Более того, они совсем не склонны замечать различия в употреблении сходных (родственных) лексем, игнорируют различия в управлении. Естественно, подобные ошибки мы наблюдали и ранее, но тогда у студентов был навык, выработанный еще в школе, соотносить новые понятия с родным языком. Как показывает практика, учить переводу без опоры на родной язык невозможно! А то что переводу надо целенаправленно учить, сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения.

Не случайно в 2021 г. появляется статья В.В. Сафоновой под весьма многозначительным заглавием: «Переводческая образованность как неотъемлемое

качество преподавателя университета XXI века» [8. С. 29]. Появляется надежда на то, что и будущих учителей начнут учить правильному переводу.

А между тем время не стоит на месте. Новый учебный год, новые обстоятельства, новые вызовы... Жизнь продолжается. В воздухе витает идея отказа от Болонской системы. Создаются новые курсы и новые учебники. И. В. Платонова в соавторстве с доцентом Софийского университета Й. Дапчевой готовит новый «Учебник болгарского языка» для будущих студентов (и не только нашей кафедры).

Весь предыдущий накопленный опыт позволяет надеяться, что кафедра сумеет выжить, вернуть специалитет и продолжит успешно готовить славистов самого разного профиля, продолжая давние традиции университетской славистики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ОПИЯз – отделение по преподаванию иностранных языков
ВУЗ – высшее учебное заведение
МИД – Министерство иностранных дел
РАН – Российская Академия наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинина Ст., Николова Цв., Сакызова Л. Учебник болгарского языка для иностранцев. София: Наука и искусство, 1972. 404 с.
2. Гинина С. Ц., Платонова И. В., Усикова Р. П. Учебник болгарского языка. М.: Московский университет, 1985. 440 с.
3. Гливинская В. Н. Мир славянского зарубежья // Лексикография в начале XXI в. София: БАН «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 726–734.
4. Гливинская В. Н., Платонова И. В. Давайте вместе учить болгарский. Учебник болгарского языка для начинающих М.: АСТ, Астрель, 2004. 267 с.
5. Карцева З. И., Платонова И. В., Усикова Р. П. Книга для чтения по болгарскому языку. М.: Московский университет, 1978. 228 с.
6. Ликоманова И. Славяно-славянский перевод [Текст]: лингвистичен подход към художественния текст. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2006. 301 с.
7. Платонова И. В. Упражнения по лексике и грамматике болгарского языка. Ч. 1. М.: Московский университет, 1978. 59 с.
8. Сафонова В. В. Переводческая образованность как неотъемлемое качество преподавателя университета XXI века // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: КДУ Университетская книга, 2021. С. 28–32.
9. Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель, АСТ, Хранитель, 2008. 746 с.

REFERENCES

- Ginina St., Nikolova Tsv., Sakyzova L. *Uchebnik bolgarskogo iazyka dlia inostrantsev*. Sofia, Nauka i iskusstvo Publ., 1972, 404 p. (In Bulg.)
- Ginina S. Ts., Platonova I. V., Usikova R. P. *Uchebnik bolgarskogo iazyka*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1985, 440 p. (In Russ.)
- Glivinskaia V. N. Mir slavianskogo zarubezh'ia. *Leksikografiata v nachaloto na XXI v.* Sofia, BAN «Prof. Marin Drinov» Publ., 2016, pp. 726–734. (In Russ.)
- Glivinskaia V. N., Platonova I. V. *Davajte vmeste uchit' bolgarskii. Uchebnik bolgarskogo iazyka dlia nachinaushchikh*. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2004, 267 p. (In Russ.)
- Kartseva Z. I., Platonova I. V., Usikova R. P. *Kniga dlia chteniia po bolgarskomu iazyku*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1978, 228 p. (In Russ.)
- Likomanova I. *Slaviano-slavianskiiat nrevod [Tekst]: lingvistichen nodkhod k'm khudozhestvenniia tekst*. Sofia, Univ. izd-vo «Sv. Kliment Okhridski» Publ., 2006, 301 p. (In Bulg.)
- Platonova I. V. *Uprazhneniia po leksike i grammatike bolgarskogo iazyka. Ch. 1*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1978, 59 p. (In Russ.)

Safonova V.V. Perevodcheskaia obrazovannost' kak neot"jemlemoje kachestvo prepodavatelja universiteta XXI veka. *Iazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiia: sbornik nauchnykh trudov. Vyp 3.* Moscow, KDU Universitetskaia kniga Publ., 2021, pp. 28–32. (In Russ.)

Shchukin A.N. *Lingvodidakticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Astrel', AST, Khranitel' Publ., 2008, 746 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Гливинская Вера Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0009-0008-5077-6866
E-mail: *Gli-vera21@yandex.ru*

Information about the author:

Glivinskaya Vera N.,
Ph D. (Philology),
Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0009-0008-5077-6866
E-mail: *Gli-vera21@yandex.ru*

Славяноведение, 2023, № 3, с. 104–116

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 104–116

DOI: 10.31857/S0869544X0025879-9

Оригинальная статья / Original Article

Русская тема в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича (1791)

© 2023 г. Е. Маричевич Балач

Университет в Нови-Саде
(Нови Сад, Сербия)

jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

Исследование выполнено в ходе работы по проекту, финансируемому Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия «Аспекты идентичности и их формирование в сербской литературе» (178005).

Аннотация. Исследование русской темы в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» («*Бож змаја с орлови*») Йована Раича в статье проводится параллельно с анализом языковых особенностей и интертекстуальных связей данной поэмы с произведениями русской литературы. Автор рассматривает эпическую поэму в сравнительной перспективе и проводит сопоставительный анализ со «Словом о полку Игореве» и «Османом» Джива Гундулича. Аналитический подход применен в изучении геральдических символов, а также мифологических и сказочных образов. Отмечено, что в изображении России в основном звучат хвалебные ноты, которые у Йована Раича изрекают античные боги; при этом пренебрежительное отношение в русском высказывает Мухаммед. Российская империя в эпической поэме представлена как в образах города (Херсон, Очаков, Хотин), так и в образах Екатерины II и ее храбрых генералов.

Ключевые слова: Россия, эпическая поэма, история, геральдика, миф, сказка, державность.

Ссылка для цитирования: *Маричевич Балач Е.* Русская тема в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича (1791) // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 104–116. DOI: 10.31857/S0869544X0025879-9

Russian Themes in Jovan Raić's Epic «*Boj Zmaa s Orlovi*» (1791)

© 2023. Jelena Marićević Balać

Faculty of Philosophy: Department of Serbian Studies
(Novi Sad, Serbia)

jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

The study was carried out as part of a project funded by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia «Aspects of Identity and Their Formation in Serbian Literature» (178005).

Abstract. Researching Russian themes in Jovan Raič's epic *Boj Zmaja sa Orlovi* is a continuation of up-to-date explorations of the language, versification, and intertextual relations of the poem with the texts of the Russian literature. We have approached the epic from a comparative perspective and analyzed it in parallel with *The Tale of Igor's Campaign* and *Osman* by Dživo Gundulić. We were analytically focused on the heraldic symbols, as well as on the mythical and fairy-tale imagination. The images of Russia vary from dominant ones – distinctively commendable, uttered by gods from the Antiquity and shaped by Jovan Raič, to derogatory ones, uttered by Muhammad. In the epic, the Russian Empire is materialized both through cities (Kherson, Ochakiv, Khotyn) and by stressing tsarina Catherine II and her courageous generals.

Keywords: Russia, epic, history, heraldry, myth, fairy tale, statehood.

Reference for citation: *Maričević Balač Jelena*. Russian Themes in Jovan Raič's Epic «Boj Zmaja sa Orlovi» (1791) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No 3. P. 104–116. DOI: 10.31857/S0869544X0025879-9

Русская тема занимает в сербской литературе столь существенное место, что ее по праву можно считать поэтической константой. Несмотря на то что эта тема не раз становилась предметом анализа в литературоведении, до сих пор систематизированные выводы не сделаны, отсутствуют также подробные исследования в компаративистском ключе. На сегодняшний день исследования, представленные в сборниках «Югославские страны и Россия в XVIII веке» (1986) («*Југословенске земље и Русија у XVIII веку*») (см. [25]) и «Русско-сербские литературные связи: XVIII – начала XIX века» (1989) (см. [7]) могут считаться самыми важными и объемными публикациями. Цель этой работы – еще раз обратиться к изучению образа России и русской темы в сербской литературе данного периода, чтобы синтезировать исследуемый материал и в конечном итоге создать более полное представление по этой проблематике.

Жизнь и творчество сербского архимандрита, поэта и историка Йована Раича (1726–1801) во многом определила учеба в Киевской духовной академии, где он слушал лекции русских проповедников, изучал теологию, риторику и поэтику, занимался переписыванием церковных произведений. Повлияли на него также пребывание в Москве и Смоленске, контакты с митрополитом Самуилом Миславским [3. С. 8–9] и переписывание «Образца отрицания» Феофана Прокоповича. Язык, на котором он писал, тяготеет к русскому и рускославянскому¹, а эмблемы² в его творчестве основаны на русских источниках «пикторальной поэтики» [24. С. 153–277].

¹ «В сложной проблематике нашего литературного языка XVIII века особенное место занимает многослойный язык произведений Йована Раича. Народный аспект языка Йована Раича подробно изучен проф. Александром Младеновичем, в то время как о русском и рускославянском языке его произведений сказано вскользь, что, определенно, не достаточно и не полно. Несколько полезных наблюдений принадлежит Борису Унбегауну, Александару Беличу, Никите Толстому, Павлу Ивичу, Александару Младеновичу, Владимиру Гудкову. [...] Ученые различают четыре языковых слоя: сербскославянский, рускославянский, русский литературный язык XVIII века и сербский народный язык с примесью элементов украинского языка» [23. С. 141].

² Эмблемы здесь понимаются в узком смысле, т.е. как символические изображения, снабженные кратким девизом и подробным дидактическим текстом, что характерно для культуры маньеризма и барокко.

Эпическая поэма «Битва между драконом и орлами» – «один из первых героических эпосов, написанных на сербском народном языке», но в нем ощутимо влияние «русского или, говоря шире, славянского исторического и аллегорического эпоса XVIII века» [14. С. 160]. Что касается художественных приемов, особенно реализации аллегории в произведениях Раича, то здесь необходимо подчеркнуть значение символики Габсбургской монархии и Российской империи [4. С. 60–96; 20. С. 155–160].

Мила Стойнич подробно исследовала славянскую предысторию в «Истории разных славянских народов» Йована Раича (*Istorija raznih slovenskih naroda*) и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина [21. С. 87–93]. В своей статье «Пересечения некоторых поэтик в поэзии Йована Раича» [22. С. 29–39], анализируя связи Раича с русской историей, литературой и культурой, она отмечает особенность славянских литератур, «которые относятся к византийскому культурному ареалу», но впоследствии встали на путь «оригинального и самобытного развития» [22. С. 31]. В этом контексте XVIII век является переломным, потому что сербская и русская литературы начинают вливаться в европейскую. Прежде всего, Стойнич выделила те части эпической поэмы «Битва между драконом и орлами», которые можно сравнить с текстами русской литературы. Так, она обнаружила сходство концепта времени в поэме и в произведениях «русских философов богоискателей и писателей символистов». Кроме того, по ее мнению, очевидна обращенность Раича к средневековой традиции военной повести, которая... особенно в русской литературе, базируется на мотивах актуальных исторических событий (например, “Задонщина”, произведение XIV в., в котором повествуется о битве на Куликовом поле 1380 г., или цикл повестей о татаро-монгольском нашествии и о жизни под игом)» [22. С. 32]. Ссылаясь на книгу «Смех в Древней Руси» Д.С. Лихачева, она пришла к выводу, что методы «осмеяния и сатирического описания» Раича являются «типично средневековым» приемом [22. С. 33]. Стойнич полагает, что структура эпоса Раича «близка структуре русских былин. Подобно былинам, эпос обрамляется исходной и завершающей клаузулой (“зачалом” и “исходом”), между которыми находится содержание произведения» [22. С. 34]. Автор уделяет внимание и сходству в освещении войны между Россией и, с одной стороны, Австрией, а с другой – Турцией в оде «На войну с турками» (1769) Василия Петровича Петрова; отмечает она и близость в «сатирическом описании антигероя как площадного шута» у Державина и Раича [22. С. 35]. Когда Йован Раич пишет лирические стихи на темы жизни и смерти, за образец он берет творчество Феофана Прокоповича; также автор статьи их сравнивает со стихами «Хор ко гордости» А.П. Сумарокова и с одой «На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина [22. С. 36–38]. Обзор интертекстуальных связей между сербским эпосом и русской литературной традицией, представленный в указанной статье, намечает перспективу для расширения и дальнейшего осмысления темы сербско-русских культурных связей, т.е. обозначает ту исходную точку, отталкиваясь от которой, можно найти разные варианты прочтения и интерпретации текста.

В эпической поэме Раича, безусловно, выделяются и другие русские темы, мотивы или аспекты, и на этом основании было бы уместно провести их типологизацию. Некоторые историки литературы считают «Битву между драконом и орлами» первой эпической поэмой в сербской литературе [18. С. 109]. Также необходимо отметить, что Раич одним из первых начал писать на народном языке, «усваивая стих и эпическую манеру изложения» [11. С. 185], а это

немаловажно, если учитывать, что «эпос эпохи Барокко написан на русскославянском языке» [11. С. 179]. Если говорить об истории сербского эпоса, то в качестве предшественников Йована Раича можно назвать Андрия Змаевича, Ивана Крушали, Захарию Орфелина, Йована Чарноевича, Павла Ненадовича и Христофора Жефаровича [11. С. 180–186]. К примеру, изображение Мухаммеда как комического персонажа связано с серией «смешных персонажей южнославянского барокко», это персонажи Примовича в «Фьока» («*Фјока*»), Радонья у Шишко Менчетича, Дервиш у Стъепы Джурджевича и Марунка у Игњьята Джурджевича. Добавлю, что современник Раича, хорватский поэт Йосо Крмпотич, написал эпическую поэму с той же тематикой, что и «Битва...» под названием «Екатерина II» («*Катарина II*») и «Иосиф II путь в Крым» (1788) («*Јосе II пут у Крым*») [11. С. 184]³.

В немалой степени на творчество Йована Раича повлияли его культурные и исторические связи с Дубровником. Академик Мирослав Пантич подчеркнул влияние «Королевства славян» (1601) («*Краљевство Словена*») Мавра Орбина на «Историю разных славянских народов, прежде всего болгар, хорватов и сербов» («*Историја разних славенских народав, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов*») Раича [12. С. 41–63]. Исследователи, однако, обошли вниманием проблему возможного влияния эпической поэмы «Осман» Джива Гундулича на осмысление русской темы в эпической поэме Раича.

В XVIII в. было заметно стремление напечатать «культовую книгу дубровницкой литературы XVIII в. — поэму Гундулича “Осман”». Самое популярное произведение дубровницкой литературы, которое еще со времен Гундулича писатели разных поколений изучали и цитировали, сохранено в двухстах копиях [...] францисканец Амброзий Маркович, работая в течение десяти лет над его подготовкой, напечатал эпическую поэму в 1826 г. в Дубровнике с дополнениями Пьерка Соркочевича» [1. С. 497–499].

Русскую тему в «Османи» в контексте «барочного славизма», «панславизма», т.е. «патриотической тенденции» [11. С. 329] и «христианского сопротивления магометанству» как «большой темы эпохи» акцентировала и систематизировала Злата Бойович [2. С. 358–364]. По ее мнению, это согласуется с «поэтикой эпического творчества, закрепленной в рассуждениях Бернардо Тассо» [2. С. 358]. Ее статья посвящена, с одной стороны, истории России и геотопонимии, а с другой стороны, анализу вымышленных персонажей, т.е. неисторической составляющей. Автор аналитически подходит к освещению борьбы между турками и казаками, эпической биографии королевича Владислава, претендента на шведский и московский престолы. Также автор обращается к анализу сражений между польским королем Зигизмундом I и князем Василием III Ивановичем, который в 1513 г. отвоевал у Польши Смоленск⁴. В эпической поэме Гундулича присутствуют многочисленные эпизоды, касающиеся и ранней истории русско-польских отношений, например, сражение между Болеславом Храбрым (X в.), Болеславом III Кривоустым (XII в.) и русскими [2. С. 361]. Из топонимов упоминаются Хвалынское (Каспийское) море, Черное море, «северные страны» и реки Днепр и Дон [2. С. 363], в поэме появляется образ вымышленного персонажа Василья, «церевића мошковског», и дается семейное древо султана Османа II (1604–1622), мать которого была «русского

³ Более подробный анализ эпических поэм Крмпотича в контексте «Битвы между драконом и орлами» дала Мирьяна Д. Стефанович [18. С. 112–113].

⁴ Важно иметь в виду, что Йован Раич посетил Смоленск. Джив Гундулич в «Османи» также упоминает этот русский город на берегу Днепра в контексте русско-польских войн.

царского происхождения», но ее похитил татарин и передал султану Ахмету I (1590–1617) [2. С. 363].

Уместно сравнить эпическую поэму Раича со «Словом о полку Игореве», старейшей русской эпической поэмой XII в. [19], особенно если учитывать, что борьба между русскими и половцами происходила на Днепре и Доне (именно там шли сражения, которые описывает Йован Раич⁵), а также специфические эмблематические уподобления русских соколам: «Уже соколам крыльца подсекли саблями поганых» [19. С. 63], а «по Русской земле простерлись половцы / точно выводок гепардов» [19. С. 64] или «волком побежал» [19. С. 72]. У Раича же турки-османы названы «куржацима»⁶ [18. С. 47]. В «Османе» весьма последовательно показывается связь турок с Драконом-змеем, а христиан, особенно поляков, — с орлом: «истоchnога разби Змаја, / летећ за њим у потјеру / сиви Оро до Дунаја» [5. С. 63]; «Паче Змај се овијем путем / у Орлово гнијездо умјести»⁷ [5. С. 79]. У Гундулича соколы, несмотря на амбивалентное значение образа, чаще всего служат знаками османов, ср. героиню Соколицу, дочь монгольского хана и любимицу Османа, а также описание борьбы с орлами: «Соко вије брже од стријеле / врх свијех птица перја охоло, / али лети више веле / оро сиви врх сокола»⁸ [5. С. 98].

Создается впечатление, что в поэме «Битва между драконом и орлами» Йован Раич сублимирует все эмблематические и аллегорические представления, характерные для русского и дубровицкого эпосов. Дракон — это метонимия, связанная с Мухаммедом [4. С. 375], в то время как орлы являются геральдическим образом таких христианских земель, как Россия, Сербия и Австрия: «аллегорический образ орла, прежде всего, относится к этому мотиву в изображении христианских царств в геральдике. Сначала в эпическую поэму вводится мотив орла “руска двојеглавна”, а затем и мотив орла, указывающего на австрийское царство» [4. С. 385]. Сербь представлены не только геральдическим орлом, но и в образе соколов: «автор не оспаривает их значение в битве, потому что, если говорить о храбрости и умении вести войну, они равны орлам, царям птиц» [4. С. 386]. Таким образом, и в поэме Раича, и в «Слове о полку Игореве» образ сокола ассоциируется с мужеством как сербов, так русских.

Двуглавый орел, изображаемый на гербах, щитах, флагах служил символом победы [8. С. 205], а в литературе — символом властителя и правды, особенно в период формирования нации в конце XVIII в. [8. С. 206]. Если учесть, что этот символ относится к византийской геральдике и унаследован от Римской империи [8. С. 206], — то выбор Раича оказывается глубоко продуманным. Орлы, обозначавшие могущество христианского мира, как православного, так и католического⁹, должны были обеспечить победу и освобождение от турок, а это *per se* было бы торжеством справедливости и привело бы к закреплению идеи державности, если говорить о сербском народе, в истории которого только назревали восстания. По этой причине, может быть, в эпической поэме не

⁵ «Дарданеле начини / и све клуче узе / Дона, Дњепра и Дњестра; / Муји даде сузе» [18. С. 35] («Дарданеллы были покорены / и все ключи взяты / Дона, Днепра и Днестра; / Муйе слезы принесли»).

⁶ Устаревшее сербское «волками».

⁷ «Восточного поразил Змея, / за ним устремившись, / серый Орел с Дуная»; «Однако Змей этой дорогой / в гнездо Орла прилетел».

⁸ «Сокол летит быстрее стрелы, / возвышаются над всеми птицами перья гордые, / но лететь вверх ему велят / орел синий над соколом».

⁹ Орел, как принято считать, обладает способностью смотреть на солнце с широко раскрытыми глазами. Верят также, что он представляет душу умершего, которая идет к Богу, возносится к Христу и символизирует Иоанна Предтечу [8. С. 205].

нашлось места для песни, посвященной трем орлам. Если на этот факт смотреть сквозь призму поэтической мысли древнерусской школы, можно прийти к заключению, что Раич писал эпическую поэму не в соответствии с «Поэтикой и риторикой», а с оглядкой на наставников «Старой Академии» [7. С. 60]. Хотя Россия, Сербия и Австрия были союзниками в войне с Турцией, здесь трудно обнаружить становление панславизма, что заметно у Гундулича. Кроме того, сербам все еще предстояла борьба за державность.

Орел как «царь птиц» объединяет в себе категории *Deus* и *lus* [8. С. 206], посему и в понимании сербов, представленных в образе орлов, державность должна осуществиться посредством сублимации божественного и светового аспектов, — так, как это понималось в Византии. Йован Раич украсил этот путь эстетической «вариацией античного мотива “сражения между орлом и драконом”, упоминаемого Аристотелем и Цицероном, Гомером в “Илиаде”, Эсхилом в “Коефоре”, Вергилием в “Энеиде” и Овидием в “Метаморфозах”; примеры можно обнаружить и в Священном писании, в проповедях Святого Амброзия и трудах по алхимии» [4. С. 371–372]. В христианском понимании победа орла над змеей символизирует победу Христа над злом. В древности люди верили, что в начале времен боги свергли первобытного мифологического Дракона или змея, и тем самым побороли Хаос, — и мир стал Космосом [6. С. 95]. Природные и политические силы хаоса объединены в сказочно-мифологическом чудище или драконе [9. С. 160]. В случае слияния этих аспектов можно сделать вывод, что Господь Иисус Христос, побеждая змею, восстанавливает порядок, обновляет мир и в этом контексте обновляет сербскую державность. Поэтому орлы, представляющие и солярный символ, обладают силой, которая им даст возможность побороть хтоническую змею или змея, подобно святому Георгию, которого по христианскому календарю чествуют с наступлением весны. В таком понимании свет является божественным, но одновременно он символизирует просветление/просвещение народа, — поэтому Екатерина II и Иосиф II воспринимались как просвещенные монархи и опора сербского народа.

В дискурсе отсылка к античным произведениям необходимо указать на поэму «Война мышей и лягушек» («Батрахомиамахия») Псевдо-Гомера, которая также могла оказать влияние на творческое воображение Йована Раича. Особенно следует выделить три места для сравнения. Прежде всего, «Война мышей и лягушек» и «Битва между драконом и орлами» принадлежат «пародийному дискурсу» [16. С. 36]. Если Раич создал аллегорию на мифологическую и христианскую картину сражения между орлами и драконом-змеем, Псевдо-Гомер воспользовался идеями басни Эзопа о мыши и лягушке: «Согласно этой версии, мышь хочет путешествовать и просит лягушку перенести ее через лужу; лягушка соглашается, однако она связывает лапку мыши со своей и начинает перемещаться с мышью по воде; мышь больше не хочет плыть, но она не в состоянии освободиться от лягушки, которая решила ее утопить; в этот момент появляется сокол, хватая мышь, а вместе с ней и лягушку. Нравоучение басни адресовано тем, кто затевает преступление и в результате сам становится жертвой» [16. С. 37]. В отличие от басни, в которой сокол схватил мышь и лягушку, в поэме главный виновник — змея: «Змија водена ту се / створи наједном, призор страшни за обоје»¹⁰ [16. С. 10]. Этим подчеркивается, что сражение между жабой-лягушкой и мышью отражает соотношение хтонического (змея)

¹⁰ «Змеей водяной здесь / возник ниоткуда, страшная картина для обоих».

и небесного (сокола) и конечную победу будет предрешать воля богов: «Олимп не остаје по страни»¹¹ [16. С. 37].

Однако в эпической поэме Йована Раича античные боги не вмешиваются в борьбу между змеем и орлами. Нептун, Плутон, Юпитер, Вулкан, Минерва, Меркурий, Эол отказывают Мухаммеду в помощи. Кульминация эпической поэмы приходится на пятую песню, в которой Мухаммед встречается с нимфой Эхо, убеждающей его, что он один виновен в своем несчастье, потому что является зачинателем войны [4. С. 371]. Следовательно, как и в басне, которая стала образцом для Псевдо-Гомера, тот, кто пытается навредить другому, сам становится жертвой: «Ја сам досад бич био / и страх свима давао. / Јехо њему говори: / Ал' сад теби јао! / Ја сам многим црн комад / метуо у торбу – / Јехо шушкав цвркуће: / Сад твоју утробу»¹² [18. С. 87].

Гундулич также часто находил вдохновение в античных эпосах Гомера и Вергилия [13. С. 283] и в «мифологии и многочисленных мифологических личностях. Мифология – это важнейшая пружина всех классических элементов, реализованных в “Османи”»: ее роль важна в поэтических рассуждениях Аристотеля и Горация, затем в произведениях самых значимых поэтов античного эпоса – Гомера и Вергилия – и, кроме всего прочего, особое значение имеет мифологическая надстройка всех событийных повествований, которые достоверно преподносит историография» [13. С. 286]. И поэт из Дубровника, и поэт из Сербии обратились к теме Трои: Гундулич размышляет о настоящем и прошлом Трои, которая господствовала на Востоке, но «од грчкога огња пала»¹³ [5. С. 128], а Раич в горящем Белграде видит Трою и Рим, охваченные пламенем: «Што Троја под Улисем, / што Рим под Нероном, / тако букти Белиград / сад под Лаудоном»¹⁴ [18. С. 59]. Падение Трои должно было означать смерть Османа и поражение Мухаммеда.

Йован Раич под влиянием «русской поэтической школы» [10. С. 47–48] написал эпическую поэму в польском тринадцатисложнике, осваивая его через Мануила Козачинского [11. С. 147]. Польский тринадцатисложник был «основным стихом русской поэзии эпохи барокко», «стих “Османи” Гундулича представляет барочный стих дубровицкой литературы, александрийский стих относится к эпохе французского барокко» [11. С. 145]. В научных исследованиях решение Раича использовать тринадцатисложник объясняется не только его тяготением к народной традиции, но и тем, что он учитывал типичную для Дубровника традицию сложения стихов, основоположником которой является именно Гундулич, писавший, как и Раич, «на актуальную тему» [18. С. 120].

Звучание стихов и динамичность рифмы способствовали усилению эмоционального накала у Гундулича в плачах Крунославы над телом Коревского и у Раича в сцене, когда Мухаммед впадает в отчаяние: «Он једнако дере се / и са себе чупа / и то мало перчина, / у главу се лупа»¹⁵ [18. С. 85]. Интересно, что плач Крунославы сопоставим с плачем Ярославны в «Слове о полку Игореве»: и там и там это образы женщин, которые оплакивают своих любимых, и там и там лирическая напряженность достигается за счет убедительной метафоризации солнца и света. Ярослава обращается к Солнцу как к божеству,

¹¹ «Олимп не стоит в стороне».

¹² «Ја до сих пор был бичом / и вселял всем страх. / Эхо ему говорит: / «Но теперь тебе ах! / Я многим черный кусок / положил в сумку». / Эхо шелестит: / «Теперь – твою утробу».

¹³ «От греческого огня пала».

¹⁴ «Что Троя под Улиссом, / что Рим под Нероном, / так горит Белиград / теперь под Лаудоном».

¹⁵ «Он в то же время кричит / и у себя вырывает / немного волос, / по голове себя бьет».

которое не проявило милосердия к войскам: «Светлое и трижды светлое солнце! / Всем ты тепло и прекрасно: / зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи / на воина моего лады?» [19. С. 71]. Гундулич же, в свою очередь, сравнивает Коревского с солнцем, без которого жизнь для Крунославы теряет смысл: «Гди си, о сунце мојијех дана, / вјерениче, гди си, мили? [...] ја без тебе нијесам жива, / ако у мркој с тобом тмини / срце и душа ма̄ прибива»¹⁶ [5. С. 119]. В противовес трагическим плачам в русском и дубровицком эпосах, у Раича плач окрашен юмористической и пародийной интонацией, в соответствии с чем меняется значение солнца и света. Орлы, кстати, не только солярные птицы, но и мудрые – они «обладают просвещенным умом» [4. С. 393], так что темнота, в которой оказался пораженный Мухаммед, является олицетворением «центрального предмета критики эпохи Просвещения – невежества ума и непросвещенности, в которой он в конце пути окажется» [4. С. 401]. У него теперь нет возможности никому навредить, ведь его настигла судьба Ярославны и Крунославы.

С орлами ассоциируется не только свет, но и тепло, потому что считается, что Бог согревает сердце птиц изнутри, и, таким образом, снег, зима, холод над ними не властны [4. С. 390]. Мухаммед в своей военной стратегии учитывает тяжелые климатические условия, но Вулкан его вразумляет следующим образом: «Мухамеде, мили мој! / познајеш ли Русе. / Не уздај се у себе, / ни у своје кљу-се. / Тај се зиме не боји, / ни снегова страши, / нити твојих јунака, / ни топова плаши. / На зими је он рођен / и у снегу купан / и сунцем је и мразом / од свуда пролупан. / Остао је ка' челик»¹⁷ [18. С. 27–28]. Римский бог огня сравнивает русских с хорошо выкованной саблей, которая прошла испытание огнем и холодом, и потому стала еще смертоноснее. Создается впечатление, что Россия в глазах Вулкана, как и Ахилл, представляется закаленной, героической и великой. Вдобавок надо учесть и фактор холода, ведь на поражение Османа, так же как и на его предка Сулеймана Великолепного, повлияло наступление зимы: «и Сулиман цар огњени, / кога је силом силу одбију / с польскијех краја мраз ледени»¹⁸ [5. С. 207]. У Гундулича полякам также помогла спастись зима, хотя свою роль сыграла и усталость войск, и недисциплинированность янычар [2. С. 360].

О силе и величии русских Мухаммеду говорили античные боги. Кроме похвал Вулкана, чувство восхищения и уважения выражали Нептун, Плутон, Эол, Юпитер, Минерва и нимфы. Мухаммед жаловался Нептуну, прося у него поддержки, однако бог моря ему напомнил, что «Хотин и Яссы» [18. С. 15] теперь принадлежат русским, как и Фокшани¹⁹: «Све узеше, то север, / у снаги жестоки»²⁰ [18. С. 15]. Плутон не одобряет поступки Мухаммеда, советует ему пойти

¹⁶ «Где ты, о солнце моих дней, / суженый, где ты, милый? [...] мне без тебя нет жизни, / если с тобой в мрачной темноте / не обитают мое сердце и душа».

¹⁷ «Милый мой Мухаммед, / знаешь ли ты русских. / Не доверяй себе, / но своему коню. / Он ни зимы не боится, / ни снега не страшится, / ни твоих героев, / ни гром пушек его не пугает. / Он родился зимой / и в снегу купался, / и солнце и мороз / его закалили. / Сделалась из него сталь».

¹⁸ «И Сулейман, царь огненный, / сила которого напоролась на силу / из польских краев мороза ледяного».

¹⁹ В сносках к эпической поэме Йован Раич приводит подробные исторические обстоятельства: «По узећу Хотина Аустријцима, принц Кобург с 20000 Аустришчев и генер[ал] Субаров [Суворов] с 7000 Руса при Фокшанах напали на логор турски о[д] 30000 Турака и Арнаута 31. јунија и сасвим побили их и растерали и сав овоз придобили» («После того как Хотин взяли австрийцы, принц Кобург с 20000 австрийцев и генерал Суворов с 7000 русских под Фокшанами напали на турецкий лагерь, состоящий из 30000 турок и арнаутов. 31 июня они полностью их истребили и прогнали и весь обоз взяли») [18. С. 15].

²⁰ «Все прибрали, это север, / в силе своей жестокий».

на перемирие и высказывает недовольство по поводу его непослушных детей, склонных к конфликтам и в подземном царстве. Даже Эол, бог ветра, не желает причинить вред русским: «Не видишь ли ты звере / по мору летуће, / којим противити се / није ми могуће»²¹ [18. С. 19], упоминая «сражение между турками и русскими на воде – на реках и на Черном море» [4. С. 389]. В этом контексте надо воспринимать и «реформы русского флота во время Петра Великого. Война выигрывается не по прихоти Судьбы, и исход войны не зависит от воли богов или магических ритуалов, как это было в великих военных эпосах античной литературы, но решающий момент приписывается Рацио – разработке нового оружия, планированию военных стратегий» [4. С. 381]. Юпитер как верховное божество даже угрожает Мухаммеду и злится на него, напоминая, что орлы его птицы и находятся под его защитой: «Змај се ти називаш; / али у чије ти птице / тако дрско дираш? / Не знаш ли ти да су то / моје слуге верне, / моја снага и крепост / и силе ветрене? / Ја ти кажем, не дирај»²² [18. С. 20].

Вулкан в своей речи именуется Потемкина как «солдата нетрудно»²³, а Суворова – как «јунака дивно»²⁴ [18. С. 28]. В эпической поэме храбрость и мужество русских иллюстрируются сербской народной пословицей: «Два лешника ораху / читава је војска»²⁵ [18. С. 28–29]. Даются «в паре» и Лаудон и Кобург и впоследствии Екатерина II и Иосиф II, так что в воображаемом плане Потемкин и Суворов представляют одного двуглавого орла, Лаудон и Кобург – второго, а русская императрица и австрийский царь – третьего, что подтверждают стихи: «У њима је дух један, / и срце једино»²⁶ [18. С. 29]. Наконец, и нимфы поют о славе русских, предрекая поражение Мухаммеду, если он отвергнет перемирие: «Рат ти водиш велики / с Руси и цесарци, / ми чујемо да су то велики јунаци»²⁷ [18. С. 30].

Ко всему этому можно присоединить и письмо Потемкина паше в Очакове с предложением сложить оружие и сдаться, «јербо Руси мирником, / кркачу не дору»²⁸ [18. С. 31]. Этот фрагмент эпической поэмы представляется особенно важным, потому что здесь говорится о мужестве русских и о политике перемирия. Еще в первой песне русский орел обращается к дракону, призывая отказать от нападения ради подписания мирного договора в 1774 г.: «Јер смо се помирили, свак' своје узели, / свак' својим управљати / веће смо почели. / Шта сад опет наново / ти од мене тражиш? / Још те сврби кркача, / те ти мене дражиш»²⁹ [18. С. 10]. Тем самым Россия высказывалась против войны, потому что для государства важно установление мира – если Мухаммед «за шалу мир држи; / ал' се Рус не шали»³⁰ [18. С. 12].

В рамках словесного диалога, характерного для сербских эпических песен, дракон, отвечая орлу во второй песне, сетует на огромные территориальные потери, которые в очередной войне хочет возместить. Желая приободрить

²¹ «Не видишь ли ты, зверь, / летящих по морю, / которым противиться / нам не возможно».

²² «Ты Змеем зовешься, / но чьих птиц ты / так дерзко трогаешь? / Не знаешь ли ты, что это / мои верные слуги, / моя сила и крепость / и силы ветра? / Я тебе говорю, не трогай их».

²³ «Солдата неумоимого».

²⁴ «Героя дивного».

²⁵ Букв. «Два фундука – / целое войско». Пословица означает, что в руках хорошего и умного военачальника вся армия может состоять из двух умелых и храбрых воинов, потому что качество важнее количества (как у спартанцев).

²⁶ «В них один дух / и одно сердце».

²⁷ «Войну ведешь ты великую / с русскими и царями, / мы слышали, что они великие герои».

²⁸ «Потому что русские мир принявших / по спине не бьют».

²⁹ Потому что мы помирились, каждый взял свое, / каждый своим управляет, / вече уже началось. / Что ты теперь опять / требуешь от меня? / У тебя все еще чешется спина, / поэтому ты меня вызываешь».

³⁰ «В мире игру видит, то русский не играет».

войско, Мухаммед называет русских разными уничижительными именами: «кад пред нама ђаур Рус / на колена падне [...] Видите ли ви сами, / какав је он акмак, / што навалује на град, / кано један крмак»³¹ [18. С. 24–25]. Раич в сносках объясняет турцизмы, которыми описаны русские, представляющиеся османам безбожниками, безумцами и свиньями (нечистыми животными). Еще в старейшей огузской эпической поэме XV в. «Книга моего деда Коркута» мусульмане-огузы в Закавказье и Малой Азии называли «ђаурима» или «неверницама» трапезундских греков, грузин и абхазцев [9. С. 157]. Теми же именами турки называли православных сербов – что, скорее всего, и имел Раич в виду, – так что изображение русского орла иногда идентично представлению о сербском орле. Тем более, Белград и Херсон практически соединяются, как две головы орла: «Белиград се већ одсад / са Херсоном равна, / у којих тргови-на, / хоће бити равна; / један другом на руку / дават' што имаде / и што поље доноси, / и што земља кладе»³² [18. С. 67].

При помощи русизма «ребјата» поэт обращается к русскому войску во время сражения, которое для них обернется победой: «како ребјата Турком / ђинђерише браду»³³ [18. С. 34] и продолжает: «Деца руска жестока / навалише путо, / окваше до грла, / дахнути не даду»³⁴ [18. С. 84]. Показана молодость русских солдат в сопоставлении со старостью Мухаммеда, и это свидетельствует, что будущее за орлами, которые одни «ведают “умением” омолаживаться, потому что Бог греет их сердце изнутри, поэтому и старое тело чувствует себя молодым» [4. С. 390].

В конце концов Фавн сообщает Мухаммеду, что не нужно было воевать с «риђим родом»³⁵ [18. С. 82]; русские в эпической поэме также обозначаются как Север, «љут север»³⁶ с Черного моря, который «раздувао ожаковске стене»³⁷ [18. С. 36]. Север – не только метафора, связанная с географическим положением России, но и обозначение сильного и непобедимого ветра. Противник Севера Дракон также предстает в образе вихря, что указывает на «многозначное значение сокращенного слова [А]ала[x], которое, конечно, связывается с частым мотивом устной традиции – ала, змај, аждаја» [4. С. 393]. В некотором смысле Россия и Турция обладают определенными чертами демонологического персонажа «ала» (змея, дракона), но это надо понимать в контексте сказки, где причиной гибели змея становится другой змей [15. С. 276]. Поэтому Россия превращается в производимый змеем ветер, который в одиночку способен победить турецкого дракона.

Для архаического эпоса характерна установка на сражение «посланных богами героев с хтоническими чудовищами» [9. С. 119], но мотив змеборства присущ и англосаксонской эпической поэме о Беовульфе, и многим другим традициям, что создает один узнаваемый эпический топос [9. С. 132]. Ценные наблюдения, которые могут предоставить надежную основу для толкований змея у Раича, изложены в «Исторических корнях волшебной сказки» В.Я. Проппа (см. [15]) и исследованиях Б.Н. Путилова о русском и южнославянском эпосе (см. [17]), на которое опирается Е.М. Мелетинский: «В южнославянском и восточнославянском эпосе

³¹ «Когда перед нами безбожник русский / на колени упал [...] Видите ли вы сами, / какой он глупый, / нападающий на город, / как некий кабан».

³² «Белиград уже сейчас / Херсону равный, / в них торговля /будет такой же;/ будет один другому в руки / давать, что имеется / и что в поле производится / и что земля родит».

³³ «Как ребята турка / волокут за бороду».

³⁴ «Дети русские жестокие / навалились сильно, / дойдя до горла, / дышать не дают».

³⁵ «Рыжим народом».

³⁶ «Лютый север».

³⁷ «Раздул стены Ожакова (Очакова)».

огромное место занимает борьба с чудовищем-змеем [...] Сам В.Я. Пропп и вслед за ним Б.Н. Путилов убедительно демонстрируют трансформацию этих тем в процессе перехода [...] от “догосударственного” эпоса к “государственному”. Чудовища в славянской эпике сочетают в себе образы стихий, насильника-похитителя женщин и символ язычества, образ врага православной веры и родной земли» [9. С. 99–100]. Победой над змеем русские орлы, а они одной веры с сербскими, должны помочь сербскому орлу в обновлении и укреплении державы.

Несомненно, помощь ожидается от австрийских орлов, но часто встречающиеся призывы к русским генералам (Потемкину, Суворову, Румянцеву, Каменскому, Волконскому, Булгакову) и императрице Екатерине II, которую Раич ласково называет «силном, славном Катом»³⁸ [18. С. 34], подтверждают, что надежда на русского орла тоже крайне важна. После победы над турецким драконом звучит сербская молитва и благословление: «Нек' живи Катерина, / свој Русији дика! / Мухамеду дерному / нек се пуши кика! [...] Боже, ти на небеси, / сав труд њин наплати! Амин»³⁹ [18. С. 77–78]. Учитывая византийскую символику орла, который должен объединить мирское и духовное начала, очевидно, что австрийский орел выступает в роли исключительно политического союзника, в то время как русский синтезирует многочисленные варианты разных значений, несущих мифологические, архаические и духовные смыслы.

В новейших исследованиях русской темы в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича отмечается, что автор учился и жил в Российской империи, анализируется его язык (соотношение сербского народного и русскославянского), характер стиха (польский тринадцатисложник) и многочисленные интертекстуальные связи с русской историей, культурой и литературой (как, в частности, это обозначила Мила Стойнич). В моем исследовании интертекстуальное поле расширено данными сравнительного анализа эпической поэмы Раича со «Словом о полку Игореве» и «Османом» Гундулича. Я акцентировала внимание на аллегорических и эмблематических представлениях о фауне (орлы, соколы, пантеры, волки) и о плаче (Ярославны, Крунославы и Мухаммеда). Творческое воображение Йована Раича опирается на геральдику, мифологические и сказочные образцы, в результате чего особенно выражены аналогии с традицией эпоса как в его ранних, так и классических формах. Принимая во внимание византийские корни сербской и русской культур, важными представляются следы античной культуры, особенно если учитывать, что самые громкие прославления русских изрекают античные боги. Мухаммед именуется русских «ђаурима»⁴⁰, «акмакцима»⁴¹ и «крмцима»⁴², подобным образом обозначается и весь остальной для него иноверный мир. В эпической поэме русские также названы и «риђим родом»⁴³, вечно молодыми борцами («ребјата»), Севером и северным ветром, а также косвенно и драконом «ала», который в одиночку может победить турецкого змея. И, наконец, в похвалах Екатерине II и ее генералам, в обращенных к ним молитвах ощущается надежда, что сербский народ вновь обретет свою державность. Йован Раич в русских видел братский народ, на что указывает также сближение городов Белград и Херсон.

Перевод Лазаря Миленевича

³⁸ «Сильной, славной Катей».

³⁹ «Пусть живет Екатерина, / краса России! / У Мухаммеда проклятого / пусть волосы встают дыбом [...] Боже, ты на небесах, / рассуди по заслугам! Амин».

⁴⁰ Гяур, презрительное название немусульман у турок.

⁴¹ Тур. разг. «глупый, недальновидный человек».

⁴² Устар., «свиньями».

⁴³ См. примечание 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Бојовић З.* Историја дубровачке књижевности. Београд: Српска књижевна задруга, 2014. С. 1–525.
2. *Бојовић З.* Руске теме у «Осману» Џива Гундулића // *Славистика*. 2009. № 13. С. 358–364.
3. *Војиновић С.* Хронологија живота и рада Јована Рајића // *Јован Рајић* / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 7–27.
4. *Грбић Д.* Алгоритме ученог пустинољубитеља. Поступак алегоризације у опусу Јована Рајића. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2010. С. 1–516.
5. *Гундулић Џ.* Изабрана дела. Антологијска едиција Десет векова српске књижевности / прир. З. Бојовић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2014. С. 1–375.
6. *Елијаде М.* Свето и профано / прев. З. Стојановић. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића. 2003. С. 1–223.
7. *Ерчић Б.* О поэме Йована Раића «Бой змея с орлами» // Русско-сербские литературные связи: XVIII – начала XIX века / ред. Ю. Беляева. М.: Наука, 1989. С. 56–63.
8. *Лазаревић ди Бакомо П.* Орао – једноглави, двоглави, троглави. Конфигурације «краља птица» с обе стране Јадрана // *Птице: књижевност, култура* / ур. Д. Бошковић, М. Детелић. Крагујевац: Лицеум, 2011. С. 203–217.
9. *Мелетинский Е.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. С. 1–320.
10. *Остојић Т.* Поезија руске школе // Од барока до класицизма / прир. М. Павић. Београд: Нолит, 1966. С. 47–48.
11. *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба: XVII и XVIII век. Београд: Нолит, 1970. С. 1–527.
12. *Пантић М.* Јован Рајић и Дубровник // *Јован Рајић: историчар, песник и црквени великодостојник* / ур. Ј. Попов, Д. Медаковић, Б. Ковачек. Нови Сад: САНУ – Епархија Бачка – Платонеум – Архив Војводине. 2002. С. 41–63.
13. *Покрајац Г.* «Осман» Џива Гундулића и антика: поетичке основе и реминесценције // *Књижевност и језик*. 2002. Год. 49. Бр. 3/ 4. С. 281–288.
14. *Поповић Т.* О неким структурним и стилским одликама Рајићевог спева «Бож змаја с орлови» // *Јован Рајић* / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 161–166.
15. *Пропт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / перев. М. Косанович и Б. Косанович. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. С. 1–466.
16. *Псеудо-Хомер.* Жаба и мишева љути бој / прев. Д. Ацовић. Београд: Букефал, 2016. С. 1–41.
17. *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. М.: Наука, 1971. С. 1–316.
18. *Рајић Ј.* Бој змаја са орлови // *Службени гласник* / прир. М.Д. Стефановић. Београд: Службени гласник, 2008. С. 1–126.
19. Слово о полку Игореве / АН СССР; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.– С. 482–483.
20. *Стојанчевић В.* Рајићев спев «Бож змаја с орлови» као историјски извор // *Јован Рајић* / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 155–160.
21. *Стојнић М.* Словенска предисторија у Историји Јована Рајића и Николаја Михаиловича Карамзина // *Јован Рајић* / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 87–93.
22. *Стојнић М.* Преплитање неколико поетика у поезији Јована Рајића // *Јован Рајић: историчар, песник и црквени великодостојник* / ур. Ч. Попов, Д. Медаковић, Б. Ковачек. Нови Сад: САНУ – Епархија Бачка – Платонеум – Архив Војводине. 2002. С. 29–39.
23. *Терзић Б.* Један поглед на руски књижевни језик у делима Захарије Орфелина и Јована Рајића // *Јован Рајић* / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 141–147.
24. *Тимотијевић М.* Српско барокно сликарство // Нови Сад: Матица српска, 1996. С. 1–512.
25. *Чубриловић В.* Југословенске земље и Русија у XVIII веку., Београд: САНУ: Одељење историјских наука, 1986. С. 1–341.

REFERENCES

- Bojović Z. *Istorija dubrovačke književnosti*. Beograd, Srpska književna zadruga Publ., 2014, p. 1–525. (In Serb.)
Bojović Z. Ruske teme u Osmanu Dživa Gundulića. *Slavistika*, 2009, no. 13, pp. 358–364. (In Serb.)

- Čubrilović V. Jugoslovenske zemlje i Rusija u XVIII veku. Beograd, SANU: Odeljenje istorijskih nauka, 1986, pp. 1–341. (In Serb.)
- Eljijade M. *Sveto i profane*, prev. Z. Stojanović. Sremski Karlovci; Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića Publ., 2003, pp. 1–223. (In Serb.)
- Erchich B. O poeme Iovana Raicha «Boi zmeja s orlami». *Russko-serbskie literaturnye svyazi: XVIII – nachala XIX veka*, red. Yu. Belyaeva, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 56–63. (In Russ.)
- Grbić D. *Alegorije učenog pustinoljubitelja. Postupak alegorizacije u opusu Jovana Rajića*. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 2010, pp. 1–516. (In Serb.)
- Gundulić Dž. *Izabrana dela. Antologijska edicija Deset vekova srpske književnosti*, red. Z. Bojović. Novi Sad, Izdavački centar Maticе srpske Publ., 2014, pp. 1–375. (In Serb.)
- Lazarević di Đakomo P. Orao – jednoglavi, dvoglavi, troglavi. Konfiguracije «kralja ptica» s obe strane Jadrana. *Ptice: književnost, kultura*, red. D. Bošković, M. Detelić. Kragujevac, Liceum Publ., 2011, pp. 203–217. (In Serb.)
- Meletinskii E. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 1–320. (In Russ.)
- Ostojić T. Poezija ruske škole. *Od baroka do klasicizma*, red. M. Pavić. Beograd, Nolit Publ., 1966, pp. 47–48. (In Serb.)
- Pantić M. Jovan Rajić i Dubrovnik. *Jovan Rajić: istoričar, pesnik i crkveni velikodostojnik*, red. J. Popov, D. Medaković, B. Kovaček. Novi Sad, SANU – Eparhija Bačka – Platoneum – Arhiv Vojvodine, 2002, pp. 41–63. (In Serb.)
- Pavić M. *Istorija srpske književnosti baroknog doba: XVII i XVIII vek*. Beograd, Nolit Publ., 1970, pp. 1–527. (In Serb.)
- Pokrajac G. Osman Dživa Gundulića i antika: poetičke osnove i reminescencije. *Književnost i jezik*, 2002, god. 49, br. 3/4, pp. 281–288. (In Serb.)
- Popović T. O nekim strukturnim i stilskim odlikama Rajićevog speva Boj zmaja s orlovi. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 161–166. (In Serb.)
- Prop V.J. Istorijski koreni čarobne bajke, prev. M. Kosanović i B. Kosanović. Sremski Karlovci, Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića Publ., 2013, pp. 1–466. (In Serb.)
- Pseudo-Homer. Žaba i miševa ljuti boj, prev. D. Acović. Beograd, Bukefal Publ., 2016, pp. 1–41. (In Serb.)
- Putilov B.N. Russkii i yuzhnoslavyanskii geroicheskii epos. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 1–316. (In Russ.)
- Rajić J. Boj zmaja sa orlovi, red. M.D. Stefanović. *Službeni glasnik*. Beograd, Службени гласник, 2008, pp. 1–126. (In Serb.)
- Slovo o polku Igoreve*, red. D.S. Likhacheva. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950, pp. 482–483. (In Russ.)
- Stojančević V. Rajićev spev Boj zmaja s orlovi kao istorijski izvor. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 155–160. (In Serb.)
- Stojnić M. Slovenska predistorija u Istoriji Jovana Rajića i Nikolaja Mihailovića Karamzina. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 87–93. (In Serb.)
- Stojnić M. Preplitanje nekoliko poetika u poeziji Jovana Rajića. *Jovan Rajić: istoričar, pesnik i crkveni velikodostojnik*, red. Č. Popov, D. Medaković, B. Kovaček. Novi Sad, SANU – Eparhija Bačka – Platoneum – Arhiv Vojvodine, 2002, pp. 29–39. (In Serb.)
- Terzić B. Jedan pogled na ruski književni jezik u delima Zaharije Orfelina i Jovana Rajića. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 141–147. (In Serb.)
- Timotijević M. Srpsko barokno slikarstvo. Novi Sad, Matica srpska, 1996, pp. 1–512. (In Serb.)
- Vojinović S. Hronologija života i rada Jovana Rajića. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 7–27. (In Serb.)

Информация об авторе:

Маричевич Балач Елена,
доктор филолошких наука, доцент
Университета в Нови-Саде
г. Нови-Сад, Србија.
ORCID: 0000-0002-9590-0305
E-mail: jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

Information about the author:

Marićević Balać Jelena,
Ph D. (Philology), assistant professor,
University of Novi Sad,
Novi Sad, Serbia.
ORCID: 0000-0002-9590-0305
E-mail: jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, 2023, № 3, с. 117–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 117–120

DOI: 10.31857/S0869544X0025880-1

Рецензия / Review

С. Дюллен. Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940-е. / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: НЛО, 2019. 416 с.

© 2023 г. М.О. Иванова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)

moivanova@hse.ru

Рецензия подготовлена в рамках исследования, осуществленного при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Ссылка для цитирования: *Иванова М.О.* С. Дюллен. Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940-е / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: НЛО, 2019. 416 с. // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 117–120. DOI: 10.31857/S0869544X0025880-1

S. Dullin. *The Thick Frontier. The Origins of Soviet Policies (1920–1940)* / Transl. by E. Kustovaia. Moscow, NLO Publ., 2019. 416 p.

© 2023. Maria O. Ivanova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

moivanova@hse.ru

This review was prepared within the framework
of the HSE University Basic Research Program

Reference for citation: *Ivanova Maria O.* S. Dullin. *The Thick Frontier. The Origins of Soviet Policies (1920–1940)* / transl. by E. Kustovaia. Moscow, NLO Publ., 2019. 416 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 3. P. 117–120. DOI: 10.31857/S0869544X0025880-1

Книга французского ученого Сабин Дюллен, специалиста по советской истории и международным отношениям, посвящена политической истории довоенного СССР. Автор подошла к теме через исследование западного пограничья Советской России. Исследовательница предложила «взгляд сбоку, с периферии» не только для того, чтобы по-новому рассмотреть политическую историю этого периода, но и для пересмотра некоторых устоявшихся позиций в историографии.

Понятие «граница» и его производные (пограничье, фронтир [2]) являются одними из самых дискуссионных в исторической науке и крайне важными для изучения разных аспектов истории и культуры. Понимание границ и пограничья как динамичных конструктов активно разрабатывалось в научной литературе последние несколько десятилетий. Значимой работой в этом направлении является исследование П. Салинса [3], к идеям которого ближе всего настоящее исследование С. Дюллен.

Безусловно, существующие методологические подходы к изучению границ и пограничья важны для осмысления российской и советской истории. В новейшей историографии, посвященной изучению российского пограничья, со схожей представленной С. Дюллен позицией можно выделить несколько значимых работ, которые, однако, посвящены Дальневосточному региону. Это монография А.А. Киреева о формировании и функционировании дальневосточной границы [1] и книга С. Урбански об истории русско-китайской границы [4]. Исследование С. Дюллен сфокусировано на более коротком временном промежутке, но обращается к фундаментальным проблемам через анализ западных границ государства.

В данной монографии автор рассмотрела «границу как процесс, как освоение разрыва между примыкающими зонами, как трудное, являющееся предметом переговоров создание отличия, которое со временем превращается в систему». Граница для нее «существует только тогда, когда она влечет за собой последствия. Рубеж [...], когда он вмешивается в политику, влияет на повседневную жизнь, вторгается в воображаемое» (с. 12).

В исследовании были учтены и другие концептуальные положения современной историографии (модерность, история повседневности). При анализе проблем национальной политики автор опиралась на историографические позиции Дж. Смита и Т. Мартина (с. 14).

Под «уплотнением границ» (в оригинальном названии «*La frontière épaissie*») С. Дюллен понимает процесс закрытия границ СССР и начало формирования «железного занавеса». Как подчеркнула автор, на это «уплотнение» потребовалось более 15 лет (с. 16).

В исследовании рассмотрена часть западных границ Советской России «от Дуная до Петсамо», в частности особенное внимание С. Дюллен уделила «району Минска (граница с Польшей) и Ленинграда (граница с Финляндией)» (с. 14), она также затронула и другие пограничные зоны: восточные и южные границы СССР (с. 39–45, 190–218). Такие краткие обобщения и сравнение полученных результатов с иными территориями страны дали возможность более четко определить перспективы и понять логику общегосударственных изменений в управлении ее пограничными территориями, которые часто сначала апробировались именно на западных рубежах страны и только потом могли вводиться в других регионах. Это обстоятельство и объясняет важность для автора обращения, в первую очередь, к изучению ситуации в районе европейской границы СССР.

С. Дюллен также стремилась показать общеευропейские паттерны развития в вопросах границ (с. 71–73), поместив «большевистский эксперимент в контекст европейской тенденции того времени» (с. 14). Она не просто сфокусировалась на том, что происходило на советском пограничье, но и рассмотрела аналогичные процессы на территориях соседних стран (в особенности Румынии, Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии), показав отличия государственной политики у соседней и возможные методы кооперации с ними с советской стороны для достижения своих целей. Так граница представлена и как место идеологической конфронтации и борьбы, и как место не просто взаимодействия, но сотрудничества.

Книга разделена на пять самостоятельных глав. Однако у первой главы вводная роль. По этой причине, важная и интересная мысль этой части работы о репрезентациях фигуры пограничника в публичном пространстве выражена крайне сжато и, как следствие, менее убедительно. Например, это относится к положению о конструировании образа пограничника как носителя и проводника советской культуры, что помогало делать границу осязаемой (с. 21–24). С. Дюллен в основном опиралась на кинематограф и другие визуальные источники (с. 20–27), что раскрывает только методы формирования образа пограничника, но не его рецепцию.

Не менее интересными являются положения исследовательницы о героизации пограничной службы через поощрения со стороны государства, а именно вручение наград за службу (с. 39–49). С. Дюллен отметила, что во время волн политических репрессий «несмотря на обилие публикаций *pro domo sua*, посвященных пограничникам, возможные чистки в их отношении нигде не упоминаются. Ни в публичных обвинениях, ни в секретных директивах 1936–1938 годов не звучит идея возможного предательства со стороны пограничников» (с. 45). Автор предположила, что эта тема была табуирована.

Однако попытка совместить сюжеты о пограничнике (т.е. о людях) и границе (т.е. о территориях) предпринята практически только в первой главе. На фоне трансграничных процессов, роль и фигура пограничника могут показаться «брошенными» и незавершенными. Через вопрос о публичной репрезентации пограничных служб, а также выделения пограничной зоны на уровне культуры, автор плавно подводит читателя к проблеме, связанной с восприятием пограничья со стороны власти как к особому региону, так как «престиж, которым наделялась охрана границ, был чаще всего

пропорционален чувству территориальной уязвимости» (с. 18).

Таким образом, фактически основное исследование представлено в следующих четырех главах. Вторая и третья части посвящены хронологическому описанию процессов формирования новых границ и обустройству пограничья в 1920-е годы как с институциональной точки зрения, так и идеологической. Здесь автор сфокусировалась не только на том, как обустроивалось пограничное пространство, но и на объяснении причин и логики принятия тех или иных решений. С. Дюллен обратилась к концепции витрин, а именно превращению пограничных зон на западе страны в образцово-показательные территории (с. 96–110). С одной стороны, это закрепляло советскую власть в регионе, на который могли претендовать соседи, с другой – пограничье становилось местом идеологической борьбы, о чем уже говорилось выше, и пропаганды, направленной не только внутрь страны, но и вовне.

Четвертая и пятая главы также описывают пограничные процессы, но уже в 1930-е годы, где автор показала, что основные векторы в политике на границе были заложены именно в 1920-е годы. Исследовательница считает, что в 1939–1940 гг. происходит завершение процесса, который, как она полагает, «был одновременно национал-революционным и ревизионистским» (с. 191). Именно в последних главах были суммированы и дополнены более ранние исследования С. Дюллен [5–7]. Одним из главных тезисов исследования, который наиболее полно раскрывается в четвертой главе, является формирование пограничья как запретной зоны, а также проблема табуированности этой темы (с. 149–150). Хотя автор и отметила, что ей не удалось найти в архивах карт западных запретных зон (с. 154), границы этих территорий она реконструировала на основе делопроизводственных материалов.

Такая тема, как пограничье неизбежно находится на стыке двух историографических блоков, которые чаще всего существуют автономно – это внешняя и внутренняя политика. С. Дюллен, будучи специалистом именно по истории международных отношений и внешней политики СССР, обратила внимание на проблему и не только продекларировала стремление преодолеть ее (с. 14–15, 94), но и реализовала это. Благодаря сопоставлению внутренней политики с международной обстановкой (прежде всего, в Европе), история развития и формирования советских приграничных зон была встроена в общеевропейский исторический контекст, что позволило автору, помимо прочего, интерпретировать некоторые мотивы принятия

решений советским руководством и, в особенности И.В. Сталиным (с. 159–161).

Послесловие представляет не вполне стандартное заключение книги – автор предложила поразмышлять о различных процессах, происходивших в последующие годы советской истории, паттерны которых были заложены в 1920–1940 гг. и рассмотрены автором книги.

С. Дюллен обозначила весьма амбициозные цели своего труда. Это означало необходимость рассмотреть границу с разных сторон: региональной и трансрегиональной; прагматической и идеологической; повседневной и символической. Однако попытки сделать исследование максимально обобщенным и многогранным частично размыло рамки работы, что привело к неполному выполнению поставленных задач. На мой взгляд, именно символические аспекты и вопросы повседневности удались автору больше всего. Наиболее подробно они были рассмотрены в отдельных частях второй и четвертой глав. В монографии упор в основном сделан на то, как рубеж и граница вторгались в «зону вообразяемого» у политических элит.

Тем не менее указанные выше замечания не уменьшают значимости как самой работы, так и выводов автора. Подход, использованный в данном исследовании, заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего развития для анализа не только истории российского и советского пограничья, но и других проблем отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Киреев А.А.* Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 474 с.
2. *Тернер Ф.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
3. *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press. 1991. 372 p.
4. *Urbansky S.* Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border. Princeton: Princeton University Press. 2020. 367 p.
5. *Dullin S.* Une diplomatie plébéienne? Profils et compétences des diplomates soviétiques, 1936–1945 // Cahiers du monde russe. 2003. Vol. 44. № 2–3. P. 437–464.
6. *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: РОССПЭН. 2009.
7. *Дюллен С.* Логика великой державы и ловушки прошлого: сталинская внешняя политика

эпохи первой пятилетки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М.: РОССПЭН. 2011. С. 236–255.

Cahiers du monde russe. 2003, vol. 44, no. 2–3, pp. 437–464.

Kirejev A.A. *Dal'nevostochnaia granitsa Rossii: tendentsii formirovaniia i funkcionirovaniia (seredina XIX – nachalo KHKHI vv.)*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publishing House, 2011, 474 p. (In Russ.)

REFERENCES

Dullin S. *Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris, Payot. 2001. (Russ ed.: Dullin S. *Stalin i jego diplomaty. Sovetskii Soiuz i Jevropa. 1930–1939*. Transl. by E. Kustovaia. Moscow, 2009).

Sahlins P. *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press. 1991. 372 p.

Dullin S. Logika velikoi derzhavy i lovushki proshlogo: stalinskaia vneshniaia politika epokhi pervoi piatiletki. *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izuchenii*. Moscow, 2011, pp. 236–255. (In Russ.)

Turner F. *The Frontier in American History*. New York: Henry Holt and Company, 1920. (Russ ed.: Terner F. *Frontir v amerikanskoj istorii*. Transl. by A.I. Petrenko. Moscow, Ves' mir Publ., 2009, 304 p.)

Dullin S. Une diplomatie plébéienne? Profils et compétences des diplomates soviétiques, 1936–1945.

Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton, Princeton University Press. 2020. 367 p.

Информация об авторе:

Information about the author:

Иванова Мария Олеговна,
стажер-исследователь лаборатории
региональной истории России
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-3896-6815
E-mail: moivanova@hse.ru

Ivanova Maria O.,
research assistant
Laboratory 'Russia's Regions
in Historical Perspective'
HSE University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-3896-6815
E-mail: moivanova@hse.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 121–124

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 121–124

DOI: 10.31857/S0869544X0025895-7

Рецензия / Review

На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральновропейской культурах / редкол.: Н.В. Злыднева (отв. ред.), Ж. Хетени (отв. ред.), П.В. Королькова, А.Н. Красовец, А.П. Уракова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. 488 с., илл.

© 2023 г. И.Н. Проклов

Государственный институт искусствознания
(Москва, Российская Федерация)

proklov@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Проклов И.Н.* На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральновропейской культурах / редкол.: Н.В. Злыднева (отв. ред.), Ж. Хетени (отв. ред.), П.В. Королькова, А.Н. Красовец, А.П. Уракова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. 488 с., илл. // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 121–124. DOI: 10.31857/S0869544X0025895-7

At the Crossroads of the East and West: The Problems of Borderzone in Russian and Central European Cultures

© 2023. Ilya N. Proklov

State Institute for Art Studies
(Moscow, Russian Federation)

proklov@gmail.com

Reference for citation: *Proklov Ilya N.* At the Crossroads of the East and West: The Problems of Borderzone in Russian and Central European Cultures / eds. N.V. Zlydneva (editor-in-chief), Zs. Hetényi, P.V. Korolkova, A.N. Krasovets, A.P. Urakova. M.: Institute of Slavic Studies RAS, 2021. 488 pp., ill. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 3. P. 121–124. DOI: 10.31857/S0869544X0025895-7

В процессе познания фундаментальных базовых категорий пространства и времени неизбежно сопутствует понятие границы. Собственно познание начинается с определения границ предмета познания. Понятие границы как атрибута, обозначающего начало и конец, или же как инструмента формо- и структурообразования по-прежнему актуально, но ныне оно превратилось еще и в отдельный самостоятельный топос, в предмет познания и исследования

практически всех гуманитарных и социальных дисциплин.

В XX в. феномен границы стал одним из центральных лейтмотивов научного осознания как культуры в целом, так и всего множества культур (не обязательно национальных) как на микро-, так и на макроуровне. Русский формализм и в еще большей степени семиотические исследования (тут прежде всего следует назвать Ю.М. Лотмана) внесли значительный вклад

в теоретическую и методологическую разработку проблематики пограничности, обособив границы в качестве «наиболее «горячих» точек семиобразовательных процессов» [1. С. 262]. А рецензируемый труд имеет очевидный и декларируемый семиотический уклон.

В современном мире границы пребывают в необычайно подвижном состоянии, они исчезают и появляются, сдвигаются, множатся, трансформируются, проходя через пространство культуры в самых неожиданных, даже, казалось бы, непроницаемых и гомогенных местах, отчего складывается впечатление, что непограничных пространств попросту больше не осталось. С тотальным распространением виртуальной реальности проблема пограничья приобрела новую актуальность и новые измерения.

Коллективный труд, созданный в рамках российско-венгерского междисциплинарного исследовательского проекта (с российской стороны – Институт славяноведения РАН, с венгерской – Будапештский университет; руководители Н. В. Злыднева и Ж. Хетени), является попыткой в новых условиях осмыслить проблемы пограничья в широком смысле понятия, на примере русской и центральноевропейской культур, в свете ставшей уже классической дихотомии Восток–Запад.

В бескрайней и неоглядной России и располосованной границами Центральной Европе дихотомия Восток–Запад и понятия границы и пограничья имеют свои важные особенности. Во-первых, разделение на Восток и Запад проходит через географию, историю, саму сущность России, обрекая ее на существование в вечном внутреннем противостоянии, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде расколов, революций, идеологических полярностей, латентной конфликтности, «подморозок» (К. Н. Лентьев) и оттепелей и т.д., и т.п. Во-вторых, центральность (или срединность, если буквально переводить с немецкого рожденную германской политической мыслью концепцию *Mittleuropa*) той части Европы, которая на протяжении столетий являлась предметом завоеваний, передела и торгова нескольких империй, сыграла с ней злую шутку, обрекая ее также быть пространством встречи и/или столкновения Востока и Запада. Центральная Европа уже несколько столетий качается как на качелях из стороны в сторону, вырываясь из лап одной империи в лукавые объятия другой, и при этом не оставляет попыток выработать собственное центральноевропейское самосознание. В этом смысле меняются не столько государственные (имперские) и региональные границы, сколько идеологический, экономический и политический вектор, меняются формы зависимостей от метрополий, от силовых

центров. В-третьих, при всей динамичности социально-политических перемен, при всей интенсивности трансформаций границ, даже при их фактическом исчезновении культура, тем не менее, сохраняет и память о них и их актуальность. Инерция старых границ, при всей их фантомности, определяет и корректирует характер новых, образуя тем самым новые пограничья и так, видимо, до бесконечности. Уже более ста лет нет Австро-Венгрии, но культурная память хранит и вновь и вновь переосмысливает как в национальных, так и в центральноевропейском масштабах ее мультикультурное «наследие». Более тридцати лет не существует СССР, а следы его присутствия, с различной, правда, степенью интенсивности, если сравнивать современную Россию и страны бывшего СЭВ, все еще обжигают горячи.

Об этой всепроникающей пограничности и повествуют две статьи, имеющие более общий и панорамный характер, хотя материал подан и интерпретирован с определенного национального ракурса. Д. К. Поляков в статье «Вариации на центральноевропейские темы» Данило Киша как опыт конструирования пространства рассматривает регион через призму восприятия сербского писателя, поэта и драматурга Данило Киша. Насыщенная именами и ссылками на источники (что создает историческую ретроспекцию вопроса и предельно широкий контекст дискуссий 1980-х годов, заданных эссе М. Кундеры «Похищение Запада, или Трагедия Центральной Европы» (1983)), статья позволяет по-новому взглянуть на пограничную проблематику региона и критерии центральноевропейскости.

Взгляд из Польши (но отнюдь не пропольский) предлагает статья В. Г. Щукина «От Эльбы до Волги. В лабиринтах культурных границ». Типологизируя границы и размежевая Восточную и Центральную Европу, автор пытается совершить почти невозможное: зафиксировать все множество границ – старых и новых, историко-имперских и государственно-политических, естественно-ландшафтных и культурно-ментальных на пространстве «от Эльбы до Волги».

За Восток в заявленной в книге дихотомии Восток–Запад отвечает, разумеется, Российская империя/СССР/Российская Федерация. Но, как известно, данная дихотомия обусловила содержание самой русской культуры, создав в непреходящей попытке спаять Восток и Запад мучительное внутреннее ментально-культурное напряжение, что, в свою очередь, определило ее крайнее своеобразие. Поэтому закономерно, что большая часть статей книги посвящена именно русской (российской, русскоязычной, советской) культуре.

К русской классике в статье «Экономить или тратить? Западный и восточный экономические дискурсы в русской художественной литературе XIX века» обращается Х. Гюнтер. Аспект его исследования весьма специфичен: «экономическое» поведение героев Гоголя, Гончарова, Л.Н. Толстого и Достоевского. Опираясь на труды М. Вебера, в первую очередь, разумеется, «Протестантскую этику и дух капитализма», он проводит черту между русским Востоком и европейским (протестантским) Западом на основе конфессиональной обусловленности моделей этого «экономического» поведения.

Мотив Восток–Запад внутри русской культуры исследует Н.В. Злыднева в статье «Диалог Восток/Запад в русском авангарде и поэтика примитива». Автор статьи на примере примитивизма как одного из стилей, с которым активно взаимодействовали художники русского авангарда в 1900–1930-х годах, рассматривает присутствующее в русской культуре балансирование между Востоком и Западом. В продолжение небольшого по историческим меркам временного отрезка в 30 лет ориентация на Восток или Запад неоднократно менялась, что, согласно мысли Н.В. Злыдневой, являлось не признаком неискоренимого противоречия, а напротив, продуктивной стратегией с точки зрения генерации новых смыслов.

Подобная синтезирующая тенденция характерна для воспитанника «поликультурной эпохи Серебряного века» коми писателя Каллистрата Жакова, о котором повествует статья Е.К. Созиной «На границе культур и народов: феномен коми писателя Каллистрата Жакова». Практически раздираемый идентичностями (личной, национальной, этнокультурной), коми писатель в своем художественном творчестве стремился, как показывает автор статьи, к преодолению границ между народами и культурами.

Ж. Калафатич в статье «Творческая встреча на сцене трех художников: Эден Палашовски, Николай Евреинов, Ева Цайзель» представляет венгерскую постановку монодрамы Н. Евреинова «В кулисах души» в 1928 г. как плодотворный творческий диалог, которому не могут воспрепятствовать ни жанровые, ни государственные границы.

Иронично-игровая (не без обреченно-пессимистического или даже трагедийного оттенка) рефлексия на тему Востока и Запада и национальной идентичности в современной, т.е. постсоветской русской литературе рассматривается в статье П.В. Корольковой «Россия между Востоком и Западом: поиск идентичности в переходную эпоху». Материалом для статьи послужили тексты А. Кабакова, Д. Глуховского и А. Степанова, где по-постмодернистски иронично, со скрытой цитацией мировых

классиков, стилевой пародией и отсылками к архетипическим моделям и мотивам на очередном историческом витке осмысливается все та же восточно-западная амбивалентность русской культуры.

Тему Запада на Востоке в рамках СССР развивает статья Кристины Кодрес «Восток или Запад? Подвижные границы эстонской культуры» (на англ. языке). Рассуждая об «очень маленькой эстонской культуре» в контексте советского социально-культурного строительства, автор отмечает, что государственные границы СССР (с их обязательным атрибутом в виде вспаханной полосы с забором из колючей проволоки) в культурном отношении были не столь непроницаемы.

В статье Андреа Майера-Фрацца «Текст границы в творчестве Андрея Битова» прослеживается эволюция авторского взаимоотношения с самыми разными границами: внутрисоюзными и государственными, жанровыми и стилистическими, официоза и личного пространства.

Понятие границы становится отправной точкой и для размышлений о «Новой драме» в статье Ренате Хансен-Кокоруш «Опыт границы и ее преодоления в современном русском театре (Гришковец, братья Пресняковы, Вырыпаев)» (на англ. языке). Автор статьи показывает, как именно «Новая драма» «нарушает» границы традиционного театра.

Статья Даниэлы Лугарич-Вукас «Я как глаз: к поэтике руин в эссе Бродского “Посвящение Марку Аврелию”» (на англ. языке) описывает руины как символа пограничья (как пространственного, так и временного).

Переживание пограничности как личный опыт представлено в статье Т.Д. Кузовкиной «Пространства юношеской биографии Ю.М. Лотмана». Автор показывает, что мультикультурность с детства вошла в кровь и сознание юного Лотмана, а опыт войны – пограничный как в экзистенциальном смысле, так и географическом (от Кавказа до Германии) – стал своеобразной лабораторией, где личный опыт трансформировался в научную концепцию.

Роман Минх в статье «“Евразийский соблазн” Дмитрия Чижевского» интерпретирует личностное соприкосновение ученого с более широкими концепциями и категориями, в частности, с евразийством, лишь как эпизод в его научной практике, но этот эпизод позволяет автору статьи осветить отдельные аспекты евразийского движения в русской эмигрантской среде.

Эмигрантская тема присутствует и в статье Ж. Хетени «Антропоним как нарративный прием проблематизации идентичности автора и героя (Набоков и Шкловский в Берлине)», но она в данном случае подчинена

антропомастическому решению проблемы (само)идентификации как героя, так и автора.

Т. Сабо – автор статьи «Аспекты трансгрессии в творчестве Л. Улицкой» – акцентирует внимание на постмодернистском элементе в прозе Улицкой, воспринимаемой, как правило, в контексте реалистической традиции. Рассматривая творчество российской писательницы, автор статьи прослеживает «нарушения» нарушаемых границ – трансгрессии, явленные в семиотическом и антропологическом аспектах. Область пограничья в данном случае распространяется на пространство между фикцией и реальностью.

Эту же тему – фикции и реальности, равно как и тему выдуманных миров, подхватывает статья С. Озгюра «Алетическая республика: вымышленный мир как источник вдохновения для реального мира поверх границ» (на англ. языке).

В статье Ж. Калавски и А. Ураковой «На границах текста и культа» приводятся примеры совершенно феерической трансформации вымысла в реальность и реальности в вымысел. Вопрос реальности своеобразно преломляется в статье О.Д. Бурениной-Петровой «“Интерпланетарные” художественные и искусственные языки». Искусственные и вымышленные языки интерпретируются автором статьи как средство преодоления границ, в том числе и планетарных, как бы фантастично это не звучало.

В статье Ж. Калавски «Метаморфозы украинской песни “Іхав козак за Дунай”»: был ли знаком венгерскому графу поэту Ференци Телеки немецкий перевод Вильгельма Кюхельбекера?» дается пример преодоления границ и показывается, как и какие мутации претерпевает при пересечении границ и языкового перекодирования то или иное явление культуры, в данном случае – известная украинская песня.

Центральноевропейский материал, рассматриваемый в книге в контексте дихотомии Восток–Запад, представлен отдельными примерами, которые, впрочем, свидетельствуют о не меньшей актуальности, остроте и напряженности

этого сопоставления-противопоставления. Так, например, Р. Бобрык уже в название статьи («Венгрия – Восток или Запад? Имидж Венгрии в современной польской литературе и популярных путеводителях») прямо ставит вопрос о месте Венгрии в Европе, причем с точки зрения поляков. Специфическая югославская проблематика затронута в статье А.Н. Красовец «Иммигранты в Словении и их язык: роман Горана Войновича “Чефуры вон!”». Анализируя (в первую очередь, лингвистически) один из словенских романов последних десятилетий, автор показывает драматическую ситуацию в регионе, где вечный конфликт Востока и Запада приобретает самые неожиданные и причудливые черты. Д. Микола в статье «Филателист из Помпеи. Спиритуализация границ в творчестве Отто Толнай» также касается югославской проблематики, но в первую очередь исследует так называемую транзитную идентичность, сформированную подвижностью центральноевропейских границ, но уводящую вслед за Толнай к Солнцу, в будущее, в вечность, в пространство без границ.

Книга предельно насыщена материалом, концепциями, именами, а статьи книги отличаются глубиной аналитики и широтой научного горизонта. Из ряда исследований пограничья как феномена культуры эта книга выделяется разнообразием, возможно даже пестротой тем, проблем и путей их решения, но это пестрота – отражение пестрого мира, свидетельствующего, что проблема пограничья безгранична.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // Семiosфера. СПб., «Искусство – СПб», 2000. С. 262.

REFERENCES

- Lotman Iu.M. Vnutri mysliaishchikh mirov. *Semiosfera*. St. Petersburg, «Iskusstvo – SPB». 2000, p. 262. (In Russ.)

Информация об авторе:

Проклов Илья Николаевич,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Государственного института искусствознания,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID ID: 0000-0001-8666-2272
E-mail: proklov@gmail.com

Information about the author:

Proklov Ilya N.,
Ph D. (Philology), senior research fellow,
State Institute for Art Studies;
Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-8666-2272
E-mail: proklov@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 3, с. 125–128

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 125–128

DOI: 10.31857/S0869544X0025881-2

Рецензия / Review

Зборник Матице српске за славистику. Бр. 100. Нови Сад, 2021. 942 с.
Славистический сборник Матицы сербской

© 2023 г. О.В. Соколова

Институт языкознания Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

olga.sokolova@iling-ran.ru

Ссылка для цитирования: Соколова О.В. Зборник Матице српске за славистику. Славистический сборник Матицы сербской. Бр. 100. Нови Сад, 2021. 942 с. // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 125–128. DOI: 10.31857/S0869544X0025881-2

Matica Srpska Journal of Slavic Studies. Vol. 100. Novi Sad, 2021. 942 p.

© 2023. Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olga.sokolova@iling-ran.ru

Reference for citation: Sokolova Olga V. Matica Srpska Journal of Slavic Studies. Vol. 100. Novi Sad, 2021. 942 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2023. No 3. P. 125–128. DOI: 10.31857/S0869544X0025881-2

*Сотую –
верю! –
встретим годовщину.*

*В. Маяковский
«С товарищеским приветом, Маяковский», 1919*

Один из известнейших славистических журналов «Зборник Матице Српске за славистику», который выходит при Белградском университете с 1984 г., в 2021 г. представил читателям выпуск юбилейного, сотого номера.

Журнал был основан в 1970 г. Матицей сербской, старейшим культурным, просветительским и научным учреждением в Сербии (1826). В течение пятидесяти лет своего существования журнал расширил интересы от филологии (литературоведения и языкознания) в сторону близких гуманитарных и социальных

дисциплин – искусствоведения, философии и истории. Значительно увеличилось и число авторов, в том числе и ученых из самых разных стран, и журнал занял прочное место среди самых высококачественных славистических изданий.

Главными редакторами журнала были Милорад Живанчевич, Миодраг Сибинович, Предраг Пипер, а начиная с 2013-го года идейным вдохновителем и организатором журнала стала Корнелия Ичин. Благодаря ее неиссякаемой научной энергии, Белград стал центром

притяжения и тех ученых, кто специализируется на литературном авангарде. В 2022 г. в очном формате прошла уже 20-я конференция «От андеграунда до акции: русский контекст», актуальная повестка которой остро резонирует с современными историческими и культурными событиями. Многие постоянные участники этих конференций выразили свою признательность журналу в виде статей для юбилейного номера.

Открывает юбилейный том статья «Словенство и современны свет» недавно ушедшего из жизни выдающегося лингвиста П. Пипера. Целью этой публикации является очерчивание основополагающих характеристик совокупности славянских народов и культур в начале третьего десятилетия XXI в. Принимая во внимание фактор кризиса, в котором находится как современный мир, так и славянские народы, П. Пипер делает вывод о значимости межславянского сотрудничества и единства в современных условиях.

Далее следуют два основных раздела: «Филология и лингвистика» и «Литература и искусство». В первом разделе представлены статьи, охватывающие чрезвычайно широкий спектр тем. Он начинается с работ о лексическо-семантических процессах в диахронии: блок открывает статья «К проблеме синонимии в праславянской лексике» С. Толстой, которая предлагает интерпретацию синонимических рядов с использованием методов семантической реконструкции. В своей статье «Слово *царь* в истории русской письменности» Б. Успенский, опираясь на эволюцию форм *цъсар-*, *цесар-*, *цьсар-* и сменившей их формы *цар-*, восстанавливает историю появления наименования русского монарха. В статье «О три глагола надања у старосрпском: *nadati se*, *mzdati (se)*, *mpvati /mfati (se)*» Я. Гркович-Мейджор анализирует глаголы со значением надежды. Этимологическую версию семантической реконструкции славянских форм с разветвленной семантикой ‘очищать поле от сорняков, шупать в темноте, смотреть, заботиться, помнить, избегать, колдовать’ предлагает Ж. Варбот в статье «К этимологии слав. *šatriti / *šatрати / *šetiriri». О диалектных единицах хорватского языка пишет В. Бориш в публикации «Hrvatska dijalekatska imenica *zulo / zjulo*». Статьи «Что значит слова “азбучные стихи Константина Философа” в Минее праздничной XIV в. старого собрания Национальной библиотеки Сербии № 135 (293)? К вопросу об авторстве древнейших славянских азбучных стихир» А. Турилова и «Почетна анализа и претпоставке о рукопису бр. 261 из Знанствене књижнице у Задру» П. Лазаревич Ди Джаккомо посвящены актуальным проблемам славянской письменности. Интересное расследование литературной

мистификации фольклорных материалов проводит А. Топорков в статье «Фольклорные материалы И. П. Сахарова в статьях В. Г. Белинского о народной поэзии». Особый класс демонов в народной культуре славян описывает в своей статье «Мифологические персонажи для устрашения детей у славян» Л. Раденкович. Антропология питания и проблемы диалектной лексикографии стали предметом анализа Г. Кабаковой в статье «“Дорожная” еда в терминологии и традиционных представлениях конца XIX – начала XXI века»

Далее следуют статьи, посвященные разным вопросам славянской грамматики. Анализ пространственно-предложной семантики представлен в статье «Приёмниково-просторова семантика в сучасних интерпретаціях: граматичний і лексикографічний виміри» А. Загнитко. В. Плунгян в статье «Геометрия русского словоизменения: о традиционных и нетрадиционных таблицах склонения» рассматривает теоретические проблемы морфологии с точки зрения создания оптимальной таблицы склонения русских имен. Компаративное сопоставление деривационных отношений на разных языковых уровнях проводится в следующих статьях: «K vybraným typům deverbativních adjektiv v češtině (v rogovnání s ruštinou)» Й. Паневова и «Суффикс *-inat* в резыанском диалекте и его параллели в сербском и хорватском языках» Р. Бенаккьо. Важнейшие вопросы современной грамматики славянских языков освещаются в статье М. Гроховского об омонимии в польском языке («Szyk leksemów homonimicznych o postaci *jak*»), Б. Нормана о проблемах грамматического рода в славянских языках («К проблеме феминитивов: объективная реальность, языковая картина мира и метаязыковая оценка»), Л. Попович – о коммуникативных тенденциях и грамматикализации в современном сербском языке («Комунікативне формуле у српском језику: питања типологије и анализе»).

Второй раздел «Литература и искусство» включает несколько тематических блоков, в которых славянские литературы и культуры рассматриваются в разных аспектах: теоретических и исторических, идиостилевых и сопоставительных. Открывающая первый блок второго раздела статья «К теории пародии» И. Смирнова освещает актуальную проблему негативного мимесиса, с помощью которого пародия апроприрует смысл у претекстов, когда переносное значение оригинала становится буквальным или перенос значений преподносится как ничем не мотивированный. Во второй статье этого блока – «Теория трикстера» – М. Липовецкий предлагает концепцию трикстер-тропа как «формулы», которая актуализирует устойчивые

черты трикстера, окружая их богатым спектром вариаций и модификаций. Анализируя сербские и русские тексты, реконструкцию необычных представлений о враге и вражде, прекращении конфликта, победе в войне, а также об отношении победы и мира в православии производит П. Боянич в крайне современной и проблемной статье «*Neprijatelj i prekid neprijateljstva. Da li je moguć jedan „srpskoruski“ protokol za uspostavljanje mira?*». Актуальная проблема взаимоотношений России и Запада, которая обнаруживается в политической, философской и художественной рефлексии, изучается в статье «Федор Достоевский: “У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа”» Л. Сараскиной. В статье «Семиотика пространства в рассказе Чехова “Скрипка Ротшильда”»: несколько интертекстуальных параллелей» В. Гречко рассматривается метафорика чеховского произведения. В статье «*Stihovna forma. Komparativni pogled na rusku liriku 20. vijeka*», посвященной вопросу, почему формальный стих в России сохранился на протяжении всего XX в. как доминирующий тип, Р. Ходель обращается к более общему сравнению развития русской поэзии с развитием немецкой, польской и сербской. Дискурсивный анализ русских экспериментальных художественных и научных лингвистических текстов с позиции теории лингвокреативности проводит В. Фещенко в статье «*Creatio ex lingua. Параметрические новации в художественных и научных текстах эпохи русского авангарда*», делая вывод о полярности языковой креативности в этих дискурсах: от максимальной — в художественном до минимальной — в научном дискурсе. В статье «Пролегомены к “Некоторому количеству разговоров” А. Введенского» К. Ичин ставит сложнейшую задачу осмысления логики мышления Введенского как способа преодоления аристотелевской логики, отрицавшей беспредельность пространства и времени, и развития парадоксального мышления в духе Зенона. На материале текста «Некоторое количество разговоров» (1936–1937) К. Ичин раскрывает логику Введенского как «поэтическую критику разума», задающую новые логико-семантические связи между словами и новые координаты в коммуникативном акте. История топонима Ardis Hills, которое В. Набоков использовал в своем романе Ада, описывается в статье «Владимир Набоков и “Книга Еноха”» Е. Курганова. В статье «“Образы Италии” П. П. Муратова — единственный в своем роде шедевр русской литературы» Р. Джулиани показывает уникальное сочетание европейской традиции травелога, английской эстетической критики и ренессансной эстетики в этом известном произведении. В статье «Соцреалистический

классицизм, или Некоторые статистические наблюдения о месте классического наследия в советской культуре» Л. Геллера ставится вопрос о правомерности сопоставления соцреализма с художественной системой классицизма. Автор формирует перечень характерных признаков, актуальных в связи с аналогией соцреализм/классицизм. Комплекс интертекстуальных связей, порожденный легендой о Летучем Голландце, анализируется в статье «Рихард Вагнер, Франц Кафка и Александр Грин: К истории одного либретто» М. Вайскопфа. В статье «*Vladimir Markov's Staircase in Moonlight: Questions of Russian modernist chinoiserie and Sinological modernism*» Дж. Ховарда выявлены особенности художественного стиля В. Маркова как ориенталиста, примитивиста, архаиста и модерниста, в творчестве которого преломляется китайское искусство и китаеведение начала XX в. Изучение творчества Василия Чекрыгина в контексте научных и философских идей его времени в статье «Новая антропология в творчестве Василия Чекрыгина» Е. Бобринской основано на подробном анализе парадоксального сплава научно-окультурной мысли и идей христианской антропологии, что позволяет Е. Бобринской сделать более общие выводы о принципиальных чертах русской культуры 1910-х — начала 1920-х годов. В статье «*Transfixed by Meridians of Darkness: Frantsisko Infante and Nonna Goriunova*» Дж. Болулт и Н. Мислер с разных сторон изучают художественную концепцию ведущих современных российских художников Франциско Инфанте и Нонны Горюновой, рассматривая генезис и эволюцию лэнд-арт инсталляции «Артефакт» с точки зрения внешнего окружения, внутренней структуры и перцептивно-концептуальной природы заложенного в ней конфликта.

Специальный блок посвящен поэтике Велимира Хлебникова как ключевой фигуры русского авангарда. В статье «Хлебников — Маяковский — Митурич: к истории одного конфликта» А. Парнис проливает свет на загадочные события 1922 г. Статья «*Velimir Khlebnikov's Hunger poems: a textual-critical analysis*» Р. Вроона посвящена анализу одного из вариантов поэмы Хлебникова «Голод» и рассмотрению трех основных путей развития, по которым могла бы пойти поэма, если бы Хлебников ее закончил. Различные образы смерти, их сложные корреляции с мотивами воды, любви, борьбы и лошадей, которые меняются на продолжении творческого пути Хлебникова, исследует В. Вестстейн в статье «*Death in the early lyric poetry of Velimir Khlebnikov*». Р. Тименчик в статье «Из именного указателя к Записным книжкам Анны Ахматовой (Велимир I)» намечает реконструкцию неизученных прежде литературных

взаимоотношений между Хлебниковым и Ахматовой, основываясь на ее поздних стихах.

Другой блок, направленный на разностороннее исследование глубин авторской поэтики, связан с именем Андрея Платонова. Первая статья блока – «“Социальный роман” Андрея Платонова: контексты творчества и эпохи» Н. Корниенко – раскрывает историю создания романа «Чевенгур», а также историю ряда недописанных и ненаписанных романов, среди которых «Технический роман», «Счастливая Москва» и др. В статье «Трагические решения в романе “Чевенгур” Андрея Платонова» Л. Магаротто с научной смелостью выделяет для анализа самые острые и неоднозначные стилевые и тематические черты романа, охватывающие трудную для декодирования манеру письма Платонова, теорию о воскрешении мертвых, гомосексуальность, отмену труда и массовое убийство буржуев. Ключевые проблемы творчества Платонова осмысляются в статье «Пространство и время: Андрей Платонов и Освальд Шпенглер» Х. Гюнтера. Исследователь рассматривает их сквозь призму концепции О. Шпенглера: для обоих авторов было свойственно представление о пространстве как о застывшем времени, однако Платонов, развивая эту идею, акцентировал временной вектор революционного устремления в будущее.

Отдельный «научно-матерный кластер», как характеризуют этот блок во вступительной статье «Русский мат: вчера, сегодня, завтра» И. Пильшиков и Д. Иоффе, называется «*Verbum Iugo*». Он посвящен русской обсценной лексике в лингвистическом, историческом и культурном освещении. В статье «Русский мат: что мы о нем знаем? (О происхождении и функциях русской обсценной идиоматики)» И. Пильшиков осмысляет диахронические изменения в морфологии, акцентологии, семантике и стилистике, которые повлияли на разного рода модификации

обсценной лексики; выделяет такие механизмы «матообразования», как метафоризация, прономинализация, дисфемизация, эвфемизация и др. Структурный разбор обсценной паремии, а также обзор почти тридцатилетней истории употребления и издательского купирования обсценной лексики в разных текстах приводится в статье «Секс в рамках – 2021» А. Жолковского. Обсуждение различных случаев полисемии и особой перформативности русской обсценной табуированной лексики предлагает Д. Иоффе в статье «К вопросу о перформативной многозначности русского мата», очерчивая контуры будущей теории обсценного высказывания в связи с концепцией психоанализа. Изучение ключевых коммуникативных, лингвистических и полимодальных стратегий, которыми пользуется музыкант и блогер Сергей Шнуров (группа «Ленинград»), рассматривается в статье «Портрет героя в Инстаграме: #Это не он» Ю. Левинга. В. Отяковский прослеживает линию преемственности русской матерной поэзии и изучает творческие стратегии и литературные источники поэтического проекта «Лейтенант Пидоренко В.П.» в статье «Барков, Прутков и прочие: о “Стихах поэзии” лейтенанта Пидоренко В.П.».

Подборка статей, представленных в юбилейном выпуске, затрагивает множество интересных, смелых и актуальных тем, касающихся самых разных областей славистики: в диахронии и синхронии, в области фундаментальной классики и обостренной современности, в переосмыслении канона и введении в фокус внимания табу. Такое уникальное сочетание тем и подходов служит залогом непреходящей актуальности и научной ценности этого издания и позволяет рекомендовать его самому широкому кругу филологов, историков и культурологов.

Сборник выложен в открытый доступ по адресу: https://www.maticasrpska.org.rs/stariSajt/casopisi/ZMSZS_100.pdf.

Информация об авторе:

Соколова Ольга Викторовна,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языкознания
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-4399-0094
E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Information about the author:

Sokolova Olga V.,
DSc. (Philology), Senior research fellow,
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-4399-0094
E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

VI конференция в рамках Междисциплинарного
центральноевропейского семинара «Женщина в сердце Европы:
неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре
Центральной Европы и сопредельных регионов»

© 2023 г. А.М. Дронов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

dronov839@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Дронов А.М.* VI конференция в рамках Междисциплинарного центральноевропейского семинара «Женщина в сердце Европы: неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре Центральной Европы и сопредельных регионов» // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 129–132. DOI: 10.31857/S0869544X0025896-8

VI Conference as Part of the Interdisciplinary Central European Seminar
«A Woman in the Heart of Europe: Non-Obvious Aspects of Gender Issues
in the History and Culture of Central Europe and Neighboring Regions»

© 2023. Aleksandr M. Dronov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Science
(Moscow, Russian Federation)

dronov839@gmail.com

Reference for citation: *Dronov Aleksandr M.* VI Conference as Part of the Interdisciplinary Central European Seminar «A Woman in the Heart of Europe: Non-Obvious Aspects of Gender Issues in the History and Culture of Central Europe and Neighboring Regions» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. № 3. P. 129–132. DOI: 10.31857/S0869544X0025896-8

1 и 2 ноября 2022 г. в Институте славяноведения РАН прошла VI конференция в рамках Междисциплинарного центральноевропейского семинара «Женщина в сердце Европы: неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре Центральной Европы и сопредельных регионов» [1]. В ней приняли участие представители научных и образовательных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Архангельска, Ростова-на-Дону, Саратова, а также Белграда (Сербия) и Баня-Луки (Босния и Герцеговина).

Конференция открылась секцией «Женщина-символ». *М.В. Лескинен* (Москва) обратила внимание, что в одних культурах образ родины в его женской ипостаси персонифицируется в образ Девы, а в других – в образ Матери. По мнению докладчицы, в России XIX в. именно образ Девы, а не Матери воплощает ипостась воинственного, тогда как образы «удалых поляниц» вряд ли можно считать

символическим или визуальным источником иконографии России-воительницы, как это было с образами валькирий для «иконаграфии» Германии-воительницы. *С.А. Кочуков* и *О.В. Кочукова* (Саратов) отметили, что в период Восточного кризиса 1870-х годов центральными образами в политической карикатуре австро-венгерских сатирических журналов стали образы Турции и балканских народов. Карикатуристы использовали два основных женских образа: «девы-мученицы» и «девы-обольстительницы, обманщицы». Тогда как в русской карикатуре эти образы были строго разграничены, в австро-венгерской оба образа могли применяться к одному и тому же народу/государству одновременно.

В рамках секции «Женщина в эго-документах» прозвучало четыре доклада. *М.В. Батшеев* и *С.А. Трифонова* (Москва) показали, что изучение «Записок» Е.С. Телепневой позволяет увидеть картину мира русской провинциальной дворянской барышни в процессе получения ею новых впечатлений от знакомства с неизвестными ей до этого странами и людьми. Данный источник не переиздавался с момента первой публикации и представляет интерес как пример женских аутодокументальных текстов, созданных в первой половине XIX в. *Ю.Е. Бут* (Екатеринбург) проанализировала содержание типовых ежедневников «для молодежи женского пола» Австро-Венгрии и пришла к выводу, что такие «календари» (ежедневники) формировали представление о прошлом страны, а также выполняли функцию гражданского и патриотического воспитания. *Т.И. Чепелевская* (Москва) рассказала, что у русской писательницы Е.И. Витте не было социального заказа на путешествия и определенных требований со стороны издателя. Докладчица поставила Е.И. Витте в один ряд с английскими путешественницами Дж. Маккензи и А. Ирби (ср. с докладом *К.В. Мельчаковой*), объяснив это желанием героини разорвать порочный круг ссылок на авторитеты и выразить собственное мнение на увиденное. *Ю.В. Лобачёва* (Москва) всесторонне рассмотрела мемуары И.Г. Грицкат-Радулович – представительницы одновременно двух культур, русской и сербской. Исследовательница рассказала, какие воспоминания связывали героиню ее доклада с известными историческими личностями.

В рамках секции «Женщина в языке и народной культуре» *Т.В. Шалаева* (Москва) показала подборку географических карт распространения феминитивных суффиксов у славянских народов в словах, обозначающих людей и самок животных, и пришла к выводу, что ареалы суффиксов в названиях самок животных и женщин совпадают лишь частично. *Л.И. Чович* и *Б. Чович* (Баня-Лука, Босния и Герцеговина) представили анализ сербских и русских пословиц и поговорок (паремий) с гендерной проблематикой на предмет наличия их эквивалентов в двух языках. Докладчицы пришли к выводу, что бывают лишь единичные случаи совпадения и по форме, и по содержанию русских и сербских паремий, что свидетельствует о различных культурных моделях двух анализируемых языков. Основной проблемой перевода таких паремий с одного языка на другой становится, по их мнению, интерпретация их конкретным переводчиком.

В рамках секции «Женщины на троне» *А.М. Кузнецова* (Москва) на примере венгерских средневековых источников осветила проблему подчеркнуто негативных характеристик отдельных королевы на фоне панегирических образов их мужей. Вслед за венгерским историком Я. Баком докладчица охарактеризовала это явление как типичное предубеждение против королевы с целью представить короля безгрешным и справедливым правителем. Тему продолжил *Г.С. Рагозин* (Архангельск), придя в докладе к выводу, что в исследованном им «Австрийском Плутархе» Й. фон Хормайра больше всего места из представительниц династии Габсбургов отводится императрице-королеве Марии Терезии, что было связано с временем создания данного источника (период наполеоновских войн), когда были особенно востребованы доказательства легитимности династии Габсбургов и их роли в истории как защитников отечества. *О.В. Саприкина* (Москва) сопоставила в докладе образы Марии Терезии и Елизаветы Баварской (Сисси) как элементы «Габсбургского мифа» и отметила, что, по ее мнению, популяризаторских работ о них написано больше, нежели научных.

В рамках секции «Женщина в зеркале прессы» *Л.А. Кирилина* (Москва) обратила внимание на то, что в 1870–1890-е годы словенцы рассматривали женский вопрос преимущественно в национальном, а не социальном ключе. Изменения произошли лишь в первой половине 1890-х годов, когда среди словенцев стало больше сторонников женского равноправия и обучения. *Н.С. Пилько* (Москва) представила краткую историю появления и деятельности женских организаций у словенцев Королевства СХС/Югославии в межвоенный период и уделила преимущественное внимание их основным центрам – Любляне, Целье и Марибору. *Е.В. Каменская* (Екатеринбург) в докладе пришла к выводу, что в российских женских журналах начала XX в. помимо традиционных образов женщины-матери и женщины-хранительницы домашнего очага все чаще появлялись образы активных женщин, в том числе влияющих на политическую жизнь Европы.

В рамках секции «Карьера женщины при социализме» *Н.Н. Станков* (Москва) рассмотрел основные этапы научной деятельности чешского историка Веры Оливовой, отметив, что в условиях появившихся в чешской историографии конца 1980-х годов мнений об Австро-Венгрии как

успешном проекте и критики в отношении Т. Г. Масарика и независимой ЧСР В. Оливова делала многое для сохранения и распространения позитивных оценок об истории независимой Чехословакии. *А. С. Стыкалин* (Москва) обратился к «феномену» Елены Чаушеску, обратив внимание на пропагандистские механизмы, создавшие ей образ «матери нации», а также сравнил ее с современными ей женами лидеров других стран социал-режима и несоциалистических авторитарных режимов.

Во второй день работы конференции в рамках секции «Женщина-образ» *А. Ю. Перетяшко* (Ростов-на-Дону) и *М. А. Селезнёва* (Москва) привлекли внимание к проблеме низкой изученности контактов казаков и полков в Российской империи XIX в. Между тем в архиве казачьего генерала и писателя *И. С. Ульянова* в Ростовском государственном архиве сохранились его переводы польской лирики на русский язык. Докладчики сопоставили отношение к женщине в традиционной казачьей среде и в городском обществе польских земель и Петербурга в XIX в. *Л. М. Аржакова* (Москва), сопоставив романы-трагедии первой половины 1870-х годов – «Будни Марты» Э. Ожешко и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, сделала вывод, что в них поднимается общий для русских и поляков женский вопрос, решение которого во многом зависело не столько от социального положения женщины, сколько от психологического и нравственного состояния общества. *Е. В. Байдалова* (Москва) охарактеризовала «новую женщину» в романах В. К. Винниченко 1910-х годов как самостоятельную, независимую, активную, самодостаточную, с сильным характером и пониманием своих гендерных потребностей и вместе с тем стремящуюся к духовной свободе.

Е. Ю. Моряков (Москва) сравнил образы Э. Батори и Д. Салтыковой в литературе соответственно Венгрии и России, оценив придание авторами мистического ореола этим историческим персонам. Докладчик обратил внимание, что обе помещицы начали совершать преступления против своих крестьян после смерти мужей, а также что преступления обеих привлекли широкое внимание общественности. Следующие два доклада были посвящены курортной тематике. *Л. Н. Полубаяринова* (Санкт-Петербург) сравнила два художественных австрийских текста середины XIX в. – «Лесную тропу» А. Штифтера и «Письма из Франценсбада» М. фон Эбнер-Эшенбах. Докладчица отметила, что оба произведения акцентируют специфическую активность и особый вес женских персонажей в контексте курортного хронотопа, маркируя тем самым сам феномен европейского курорта как своеобразную лабораторию модерна. *О. Н. Кулишкина* (Санкт-Петербург) обратила внимание на то, что роман Л. фон Захер-Мазоха представляется одной из знаковых литературных репрезентаций курортного топоса как пространства кодифицированной девиации, маркированного (в отличие от традиционного социума), в том числе, преобладающей властью женщины.

В рамках секции «Женщины-творцы» *О. В. Гусева* (Санкт-Петербург) показала масштаб литературной и общественной деятельности польской писательницы К. Таньской-Хоффмановой на ниве воспитания детей и подростков в XIX в. и отметила, что авторитет писательницы в области детской литературы был настолько велик, что ее произведения служили образцом для подражания вплоть до конца столетия. *Д. Г. Вирен* (Москва) оценил женские образы в польском «кино морального беспокорства» 1980-х годов и сделал вывод, что Дорота Сталинская проявила себя в рассмотренных им фильмах как многоплановая актриса, создавая образы, выходящие далеко за рамки поверхностного стереотипа о ее героинях как женщинах на грани нервного срыва. *И. А. Адельгейм* (Москва) проанализировала категории телесности/материальности в прозе О. Токарчук и пришла к выводу, что этот нарратив выступает в роли особого конструкта, с помощью которого, с одной стороны, осваивается реальность окружающего мира, с другой – совершается коммуникация с ним (через потенциального адресата текста).

В рамках секции «Призма гендера» *В. В. Котов* (Москва) обратил внимание на сочетание в практиках молодежного сокольного движения в Австро-Венгрии иерархически подчиненного статуса женщин и широкого распространения занятий по гимнастике для девочек, что привело к созданию «Гимнастического общества пражских дам и барышень», ставшего одним из центров чешского женского движения. *И. А. Седакова* (Москва) рассмотрела особенности места женщины в обрядовой культуре болгар, в том числе роль хранительницы традиций, и пришла к выводу, что в современной Болгарии происходит нарушение строгой оппозиции «мужское vs женское» в традиционно сугубо мужских и женских обрядовых практиках. *Н. С. Гусев* (Москва) обратился к спектру оценок русскими обычаями и нравами болгар за период 1878–1945 гг., обратив внимание на столкновение модерна с традицией при взаимодействии русских и болгар. Русские путешественники и эмигранты в Болгарии, как представители городского общества, не понимали не только болгарских, но и русских крестьян и особенности «чужого» приписывали влиянию ориентализма. *А. Р. Лагно* (Москва) проанализировала 35 аудиозаписей воспоминаний полков, родившихся в 1920–1930-е годы, как источник по польской истории XX в. Несмотря на то что выжившие и дожившие до нашего времени женщины

встретили войну в разных географических точках страны, в будущем они смогли получить высшее образование и реализовать себя.

В рамках секции «Женщины и дело их жизни» *К. В. Мельчакова* (Москва) осветила деятельность английской благотворительницы А. Ирби по созданию образовательных учреждений для девочек в Боснии и ее непростые отношения с другими организациями, рассматривавшими работы подвизницы как конкуренцию своим инициативам. И тем не менее на Балканах в наши дни Ирби помнят и чтут как «мать сербских сирот» и «женщину с большим сердцем». *Л. К. Новосельцева* (Москва) в докладе воссоздала биографию дочери сербского радикального политика С. Милетича – Милицы Томич и рассказала об этапах ее во многом пионерской для Балкан просветительской деятельности среди сербов сначала Австро-Венгрии, а затем Королевства СХС/ Югославии. Прежде всего, это касалось усилий по повышению медицинской грамотности населения. *М. Живанович* (Белград, Сербия) рассказала о судьбе русской эмигрантки Н. К. Эрдели, которая стремилась перенести в Королевство СХС образовательные традиции Смольного института для воспитания девочек из семей русских эмигрантов. *М. Г. Смольянинова* (Москва) поведала о своих предках – меценатах Морозовых и их вкладе в культуру и науку России. Она процитировала фрагменты писем В. О. Ключевского к А. Т. Морозовой с благодарностью за помощь, которую та оказывала Обществу истории и древностей российских, почетным членом которого она являлась.

Доклады сопровождались оживленной дискуссией. Обсуждались национальные особенности периодической печати для женщин, трудности, с которыми сталкивались программы по подготовке женщин-учителей, специфика учебных планов, составленных специально для девочек, сопоставлялись судьбы женщин – вынужденных эмигранток и женщин, связавших судьбу с другой страной. Не остались без внимания слушателей вопросы женских художественных образов и особенностей женской прозы и режиссуры. Коллективный портрет женщины в сердце Европы включил в себя черты харизматических правительниц, политических активисток, путешественниц, ученых, писательниц, дочерей, жен, матерей. В целом успехом конференции можно считать ее междисциплинарный характер и широкий охват стран, относящихся как к Центральной Европе, так и к сопредельным регионам.

Сборник тезисов опубликован на сайте Института славяноведения <https://inslav.ru/publication/zhenshchina-v-serdce-evropy-neochevidnye-aspekty-gendernoy-problematiki-v-istorii-i>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женщина в сердце Европы: неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре Центральной Европы и сопредельных регионов. Тезисы конференции. 1–2 ноября 2022 г. / ред.-сост. О. В. Хаванова, Д. Ю. Вашенко. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. 62 с.

REFERENCES

Zhenshchina v serdse Evropy: neochevidnie aspekty gendernoy problematiki v istorii i kul'ture Tsentral'noy Evropy i sopredel'nyh regionov. Tezisy konferentsii. 1–2 November 2022, ed. O. V. Havanova, D. Yu. Vashchenko. Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS Publ., 2022, 62 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Дронов Александр Михайлович,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-7348-5219
E-mail: dronov839@gmail.com

Information about the author:

Dronov Aleksandr M.,
PhD. (History), Research Fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-7348-5219
E-mail: dronov839@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 3, с. 133–136

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 133–136

DOI: 10.31857/S0869544X0025882-3

Рецензия / Review

Международная конференция «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной традиции»

© 2023 г. И.В. Копченова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

irinakop@rambler.ru

Ссылка для цитирования: Копченова И.В. Международная конференция «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной традиции» // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 133–136. DOI: 10.31857/S0869544X0025882-3

International Conference «“End Times» in the Slavic and Jewish Cultural Traditions»

© 2023. Irina V. Kopchenova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

irinakop@rambler.ru

Reference for citation: Kopchenova Irina V. International Conference «“End Times» in the Slavic and Jewish Cultural Traditions» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. № 3. P. 133–136. DOI: 10.31857/S0869544X0025882-3

7–9 декабря 2022 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная конференция «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной традиции», организованная центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН совместно с Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «СЭФЕР» и Центром изучения религий, кафедрой теологии, библеистики и иудаики РГГУ. Двадцать шестая по счету конференция проводилась в рамках международного проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» (материалы всех конференций 1995–2021 гг. опубликованы, полные тексты сборников выложены на сайте ежегодника <https://slavsjewsculture.org>).

Конференция была посвящена эсхатологии как значимой части космогонии, книжным и народным представлениям о «последних временах», о конце света и предвещающим его знамениям, о приходе Мессии и Страшном суде, о грядущей участи человечества. Эсхатологическая тематика нашла отражение в текстах древности и средневековья, литературы, фольклора, иконографии. Сюжеты и образы Апокалипсиса, отражаясь в трактовке исторических событий, социальных потрясений, военных конфликтов, природных и техногенных катастроф, составляют неотъемлемую часть «устной истории» Нового времени и современности. На материале разных источников (исторических, литературных, фольклорных, изобразительных) докладчики не только обсудили семантику и символику эсхатологических сюжетов и мотивов, но и проанализировали механизмы,

задействованные элитарной и традиционной культурой в процессе подготовки к «последним временам» и направленные на сохранение общечеловеческих ценностей в будущем мире.

Конференция собрала 46 докладчиков из Республики Беларусь, Германии, Израиля, Латвии и России, в том числе семь сотрудников Института славяноведения.

На первом заседании состоялась традиционная презентация выпуска ежегодника академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», основанного на материалах прошлогодней встречи «Профессионалы и маргиналы в славянской и еврейской культурной традиции» (под ред. С.Н. Амосовой, О.В. Беловой (отв. ред.), И.В. Копченовой, В.В. Мочаловой, М.В. Ясинской. М., Бостон, СПб., 2022).

Доклады конференции распределились по нескольким тематическим блокам. Конференцию открыл большой блок докладов, посвященных эсхатологической теме в книжной культуре древности и ее исторической перспективе. С. Бабкина (РГГУ) исследовала историю жизни и смерти царя Саула как «личный апокалипсис», напоминающий греческую трагедию о проклятом. Доклад Н. Брагинской (НИУ ВШЭ) был посвящен представлению о конце мира без казней и бедствий в иудео-эллинистической повести об истории женитьбы патриарха Иосифа на дочери языческого жреца Асенет («Иосиф и Асенет», датировка между 200 г. до н.э. до 200 г.н.э.). Н. Сидоренко (СПбГУ) на основе текстологического анализа показала, как в результате экзегетических решений переводчика арамейского таргума книги пророка Исаяи (I в.н.э. и последующая редакция IV–V вв.) трансформируется эсхатологический смысл стихов о награждении праведников и наказании нечестивых, и как слова, которые в еврейском оригинале текста имели различные коннотации, получают однозначную интерпретацию. Ю. Матушанская (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т) на примере жизни иудейского историка Иосифа Флавия (I в.н.э.) рассмотрела представления древнего автора о своем месте в мире в эпоху больших исторических событий, воспринимаемых современниками как конец света. А. Лулева (СПбГУ) в своем исследовании раннехристианских антииудейских текстов применила методы когнитивного религиоведения (феномен «взаимного альтруизма» (reciprocal altruism)), что позволило по-новому рассмотреть формирование христианской концепции спасения после смерти и иудео-христианские отношения II–III вв. в целом. Доклад Б. Рашковского (ИВИ РАН) представил первый опыт систематического описания различных чудес из книги о путешествиях р. Петахи Регенсбургского в контексте эсхатологических представлений, при этом были использованы материалы ранее не вводившихся в научный оборот лондонской рукописи «Путешествия Петахии» (Jews' College № 146) и перевода первого идишского издания книги, опубликованного в 1600 г. в Праге. В докладе Г. Зелениной (ИСАА МГУ, РГГУ, РАНХиГС) рассматривалось конструирование образа иудеев в антииудейских трактатах испанского Золотого века, связи традиционных юдофобных стереотипов с новой реальностью, роль иудеев в апокалиптических сценариях. Л. Чаковская (ГИИ) описала образ реки Сион огненной в русских духовных стихах и эсхатологической топографию Иерусалима, города, неотделимого в славянской и еврейской традиции от судеб конца времен. Основным предметом сообщения И. Бессонова (МГУПП) стало взаимодействие эсхатологической иудейской и христианской традиций, отразившееся в еврейских апокалиптических сочинениях раннесредневековой Византии, в первую очередь в «Сефер Зерубавель» («Книга Зоравеля», VII в.н.э.). В докладе Д. Антонова (РГГУ) шла речь о том, какие представления об Антихристе циркулировали в русской книжности второй половины XV–XVII вв. (в переводных текстах Ирины Лионского, Ипполита Римского, Кирилла Иерусалимского, Василия Великого и др., а также в сочинениях русских авторов), и как они коррелировали с иконографическими моделями. А. Грищенко (ИСЛ РАН) рассмотрел вопросы о различиях в терминах, обозначавших иудейского мессию («машьякъ», «машика», «машляхъ», «машиаакъ» и др.) в средневековой восточнославянской книжности, о возможных источниках этого гебраизма, а также о его роли в эсхатологических представлениях средневековой Руси. Д. Харман (Гёттингенский ун-т) посвятила доклад анализу миниатюры с вооруженным Мессией в рукописи ашкеназской агады XV в. из Манчестерской университетской библиотеки (Rylands 7), проследив связь Мессии-рыцаря с другими изображениями рыцарей в литературе и искусстве ашкеназов. В докладе В. Мочаловой (ИСЛ РАН) об эсхатологических ожиданиях 1666 г. в христианской и иудейской среде был рассмотрен обширный труд Иоанникия Голятовского «Мессия правдивый», отразивший обеспокоенность христианских кругов появлением и влиянием на умы иудейского лжемессии Шабтая Цви. И. Соломин (МГУ) проследил актуальность темы эсхатологии в московских изданиях «Паренесиса» Ефрема Сирина середины XVII в. для ее владельцев и читателей (по материалам владельческих записей и маргиналий) и сопоставил эти представления с библейской эсхатологической традицией и параллельными эсхатологическими представлениями евреев Восточной Европы. Д. Прохоров (Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского), исследуя караимские нарративы XVII–XVIII вв., обратил внимание на взаимосвязь между стихийными

бедствиями и социальными потрясениями на Крымском полуострове и ухудшением положения представителей иудейской и караимской общин Крыма. Т. Хижая (Владимирский государственный ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) на основе микроисторического анализа документов дела о коллективном самоубийстве крестьян саратовского села Копены в 1827 г., относящихся к Спасову соглашению, и ряда документов более раннего периода, сделала вывод о влиянии эсхатологических ожиданий на произошедшую трагедию. Е. Новокрепленных (ТюмГУ) рассмотрела рукописные маргиналии на миниатюрах старообрядческого издания лицевого «Апокалипсиса трехтолкового» 1910 г. из собрания А.Г. Елфимова (Отдел редкой книги библиотеки ТюмГУ), отражающие интерпретацию христианской эсхатологии читателем-старообрядцем начала XX в.

Тема последних времен и эсхатологических ожиданий в художественной литературе, драматургии и кино объединила на конференции доклады другого блока. Г. Элиасберг (РГГУ) рассмотрела восприятие в еврейской театральной критике первой половины XX в. драматического цикла «Мессии» Давида Пинского (1906–1940), осмыслявшего философскую тему, связанную с надеждой на преодоление исторических кризисов. С. Пахомова (МВШСЭН) обратилась к репрезентации темы смерти еврейского местечка и конца времен на примере спектаклей ГОСЕТа «Ночь на старом рынке» (1925) и театра «Габима» «Гадибук» (1922). И. Адельгейм (ИСЛ РАН) представила сложную мозаичную систему персонажей и повествователей в произведении Ольги Токарчук «Книги Якова, или Большое путешествие через семь границ, пять языков и три большие религии, не считая маленьких», посвященном Якову Франку и его мессианскому движению. Д. Вирен (ИСЛ РАН, ГИИ) обратился к анализу двух апокалиптических фильмов-антиутопий режиссера Петра Шулькина («О-би, о-ба. Конец цивилизации» (1984) и «Га-га. Слава героям» (1985)). Е. Шатко (ИСЛ РАН) обратила внимание на особое восприятие апокалипсиса как «хэппи-энда истории» в творчестве современного черногорско-боснийского писателя Андрея Николаидиса.

Еще один блок докладов был посвящен трансформации представлений об апокалиптических событиях и «последних временах» в истории идей, историографии и публицистике. В. Шнирельман (ИЭА РАН) проследил формирование на протяжении веков и бытование в современной России богословской и политологической концепции Катехона (Удерживающего) – деятеля, призванного препятствовать окончательному торжеству зла в истории и приходу Антихриста. Доклад А. Ковельмана (ИСАА МГУ) был посвящен пророческой книге Владимира Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» и ее переосмыслению спустя столетие после смерти философа в фильме режиссера Кристи Пуу «Малькрог» (2020). В докладе В. Максакова (независимый исследователь, Москва) был рассмотрен один из ключевых эсхатологических сюжетов истории идей и культурного трансфера в еврейской истории – движение Шабтая Цви в интерпретации историка религии Гершома Шолема. В. Дымищ (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) обратился к кругу текстов пророчеств (реальных и вымышленных) о «последних временах», к которым апеллирует люди традиционных сообществ, объясняя для себя катастрофические события в прошлом и будущем. Таким образом формируется особый вид «текстуального сообщества» («Textual Community»), существование которого было постулировано американским историком Брайеном Стоком. М. Каранавев (независимый исследователь, Москва) рассмотрел работу советского историка древности А.Б. Рановича «Еврейские осенние праздники» (1931) с точки зрения завершения старого, привычного мира и предвестия новых времен, когда историку надо быть очень аккуратным в формулировках и при выборе тематики. Доклад Г. Прохорова (Государственный социально-гуманитарный ун-т, Коломна) был посвящен переживанию апокалиптики в русской консервативной публицистике XIX в. на примере полемики Ф.М. Достоевский vs К.Н. Леонтьев. Д. Браткин (СПбГУ) в своем докладе попытался ответить на вопрос, в какой мере нарратив обвинения в деле Бейлиса, репрезентированный прокурором Оскаром Юрьевичем Виппером, мог оказать влияние на научное творчество старшего брата обвинителя – московского профессора всеобщей истории Роберта Юрьевича Виппера; докладчик ищет возможные следы этого воздействия в трактовах сюжетов, связанных с историей раннего христианства. В. Керов (РАНХиГС) анализировал воздействие «книжной» эсхатологии и эсхатологического чувства староверов на возникновение новых ценностей, способствовавших активизации их социальной и хозяйственной деятельности, складыванию новой трудовой этики. В докладе А. Львова (Свободный ун-т, Рига) на основе анализа двух легенд (о Наполеоне, прикасавшемся к чумным бубонам своих солдат, и о раввине Салантере, отменившем пост Йом-Киппура во время эпидемии холеры) была предпринята попытка показать, что понятие «любовь к человечеству» является не ранее XVIII в. и является идеологическим оформлением процессов дисциплинирования и нормализации (в понимании М. Фуко), которое придает этим процессам характер эсхатологических движений. В докладе С. Алтатова (МГУ) обсуждалась проблема структурного изоморфизма эсхатологических мотивов «спасенные на единственном бревне/камне» и этиологических мотивов

«рожденные из дерева/тела каменного великана». *И. Сапогов* (РГГУ) представил поиск новых описательных моделей современного российского эсхатологического мифа рубежа XX–XIX вв. (по материалам кубанской газеты «Исцелись верой» за 1997–2002 гг.), в которых, помимо архаики, исследуются и устойчивые мотивы позднесоциалистической культуры.

Большой блок докладов на конференции был посвящен теме эсхатологии в еврейском и славянском фольклоре по материалам устной истории. *М. Гаммал* (ИСАА МГУ) на примере караимского локального праздника на Пурим показал амбивалентную природу еврейских праздников, которые всегда содержат в себе потенциал поста и покаяния. *Х. Ванникова (Шмулевич)* (Ун-т Бар-Илан, Израиль) на основе материалов еврейского фольклора на венгерском и славянских языках, а также хасидской и миснагедской литературы от конца XVIII в. до наших дней проанализировала эсхатологическое значение хасидских мистических практик использования нееврейских языков, подготавливающих мир к наступлению мессиянского периода. *А. Мороз* (НИУ ВШЭ) по сетевым материалам (соцсетям, форумам, видеороликам) рассмотрел конспирологические теории апокалиптических ожиданий и новых признаков конца света, связывающих воедино события последних нескольких лет, прежде всего пандемию COVID-19 и военные действия в Украине. Пять докладов этого блока были объединены анализом универсальных и локальных эсхатологических сюжетов в славянском фольклоре. *О. Белова* (ИСЛ РАН) на основе материалов украинского и белорусского Полесья, Галиции, Македонии и других регионов представила общую картину народной эсхатологии славян, охватив магистральные темы, сюжеты и мотивы. *М. Чайкина* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) на примере материалов, собранных в ходе полевых исследований на русско-белорусском пограничье, рассмотрела ряд мотивов, присущих современному эсхатологическим нарративам, и их приспособление к локальным топонимам, реалиям и конкретным персонажам. *Е. Боганева* (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАНБ) показала особенности эсхатологических предсказаний в белорусской устной Библии, в частности, представление о том, что конец мира – это всегда трансформация, и что информантами всегда дается ссылка на источник предсказаний. В докладе *М. Ясинской* (ИСЛ РАН) были рассмотрены представления старообрядцев Южной Вятки и Верхокамья о конце света и временах, этому предшествующих (материалы экспедиций с 1980-х до 2010-х гг.). *О. Чёха* (ИСЛ РАН) обратилась к анализу греческих народных эсхатологических легенд по архивным материалам Греческого фольклорного центра, записанных до Второй мировой войны, отметив сочетание универсальных библейских мотивов и древнегреческих мифологических сюжетов.

Два доклада были объединены исследованием эсхатологических сюжетов в интервью, связанных с Холокостом. *С. Белянин* (РАНХиГС), *Е. Закревская* (РГГУ, ЛТФ ШАГИ РАНХиГС) в своем совместном докладе анализировали механизмы реинтеграции локального сообщества на примере рассказов об оккупации и Холокосте. *С. Амосова* (ИСЛ РАН) на основе материалов из Беларуси, Латвии, Литвы, России и Украины от нееврейских информантов показала самые распространенные эсхатологические мотивы в рассказах о Холокосте (конечность еврейской истории, благословение раввина евреев на смерть и др.). В последнем докладе этого блока *А. Андриюшин* (НИУ ВШЭ) проследил трансформацию эсхатологических нарративов бывшего схигумена Сергия Романова и его сторонников за последние три года в перспективе актуальных событий с помощью качественных методов, а также цифровых методов анализа текстовых данных.

В 2023 г. планируется опубликовать одноименный выпуск по материалам конференции «Последние времена» в славянской и еврейской культурной традиции» в ежегоднике академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

Информация об авторе:

Копченова Ирина Владимировна,
младший научный сотрудник
Центра Славяно-иудаики Института
славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.
ORCID ID: 0000-0002-7268-2608,
E-mail: irinakop@rambler.ru

Information about the author:

Kopchenova Irina V.,
Junior research fellow of Judaic-Slavic Centre,
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-7268-2608,
E-mail: irinakop@rambler.ru

Славяноведение, 2023, № 3, с. 137–144

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 137–144

DOI: 10.31857/S0869544X0025883-4

Рецензия / Review

Международная конференция «Семиотика в прошлом и настоящем»

© 2023 г. М.В. Завьялова, Н.В. Злыднева, И.А. Седакова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mariazavyalova@gmail.com
natzlydneva@gmail.com
ised@mail.ru

Конференция проведена в рамках гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве:
Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Ссылка для цитирования: *Завьялова М.В., Злыднева Н.В., Седакова И.А.* Международная конференция «Семиотика в прошлом и настоящем» // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 137–144. DOI: 10.31857/S0869544X0025883-4

International Conference «Semiotics in the Past and in the Present»

© 2023. Maria V. Zavyalova, Natalia V. Zlydneva, Irina A. Sedakova

Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mariazavyalova@gmail.com
natzlydneva@gmail.com
ised@mail.ru

The study is supported by the Russian Science Foundation (RSF),
project № 22-18-00365 «Semiotic Models in the Cross-Cultural Space: Balcano-
Balto-Slavica», <https://rscf.ru/en/project/22-18-00365/>

Reference for citation: *Zavyalova Maria V., Zlydneva Natalia V., Sedakova Irina A.* International Conference «Semiotics in the Past and in the Present» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 3. P. 137–144. DOI: 10.31857/S0869544X0025883-4

«Семиотика в прошлом и настоящем» – под таким названием 11–13 октября 2022 г. в Институте славяноведения состоялась международная конференция, которая проходила в смешанном онлайн- и офлайн-формате и собрала 50 докладчиков из Беларуси, Болгарии, Германии, Израиля, Латвии, США, Хорватии, Швейцарии и Эстонии. Среди участников были как ученые, стоявшие у истоков семиотики (Д.М. Сегал, М.Б. Мейлах, С.Ю. Неклюдов, С.М. Толстая, Т.В. Цивьян, А.К. Байбурин), так и совсем молодые начинающие исследователи. Доклады охватывали разные научные области – лингвистику, фольклористику и мифологию, этнологию, литературоведение и искусствоведение

и основывались на древних и на современных языковых и культурных текстах России, славянских, балтийских и балканских стран.

По словам председателя оргкомитета *И.А. Сedaковой* (Москва), конференция преследует несколько целей: она призвана отметить 100-летие выдающегося ученого Ю. М. Лотмана, почтить память сотрудников Института славяноведения (преимущественно «сектора структуралистов»), которые работали в рамках Московско-Тартуской семиотической школы, оценить вклад семиотических исследований в гуманитарные науки и актуализировать достижения этой дисциплины.

Первое заседание было посвящено **семиотике как научному направлению**, истории создания Московско-Тартуской школы и обзору трудов ее представителей. Конференцию открыл доклад-«размышление» *Д. М. Сегала* (Иерусалим) «Сегодняшние акценты эпохи Иванова и Топорова», в котором ученый обозначил основные специфические черты научного творчества двух выдающихся ученых-академиков и «лица российской семиотики» Ю. М. Лотмана. В отличие от последнего, Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров не сосредоточили свои интересы на семиотике культуры, посвящая ей лишь небольшие заметки. Кроме того, они акцентировали свое внимание не на форме, как Лотман, а на содержании, семантике, что докладчик определяет как «духовность», и на историчности, уходе в древность. Отсюда ностратичность, типология, реабилитация индоевропейского языкознания и методов внутренней реконструкции, столь важных для Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова. По мнению Д. М. Сегала, о семиотике нельзя говорить в прошедшем времени, ее основные методы и принципы актуальны и в наши дни, и их следует развивать.

Доклад *С. Н. Зенкина* (Москва) «Семиозис и мимесис» был посвящен современным представлениям о структуре знака: в нем содержалась идея о необходимости разделить две формы коммуникации (знаковую и собственно миметическую) и показать их взаимодействие – в частности, в литературе и искусстве, сочетающих семиотические и миметические средства и эффекты. Докладчик предложил учитывать разграничение между коммуникативным мимесисом и мимесисом репрезентативным, при котором последний рассматривается как отношение между двумя сообщающимися субъектами.

А. А. Гиппиус (Москва) в докладе «А. А. Зализняк и реконструкция древнерусских текстов» продолжил направление мысли Д. М. Сегала, рассуждая о творческом наследии ученого, с которым они в течение 30 лет работали вместе, изучая новгородские грамоты. Собственно семиотике посвящены лишь ранние небольшие работы Андрея Анатольевича, однако сотрудничество с семиотиками повлияло на его научные взгляды. Все, чего Зализняк касался, он старался привести в порядок и систему. Анализ берестяных грамот требовал и смежных знаний – филологических, исторических и пр. А. А. Гиппиус сформулировал основные критерии достоверности научных выводов по А. А. Зализняку, которые затрагивают графику, грамматику и исторический контекст анализируемых текстов.

Е. В. Вельмезова (Лозанна) в докладе «К истории и эпистемологии работ по семантической реконструкции» поставила вопросы об актуальности трудов А. Шлейхера для сравнительно-типологических исследований В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова. Не отрицая достижений Шлейхера, ученые-семиотики, однако большее значение придавали семантической реконструкции, особенно реконструкции крупных семантических блоков. Такой подход позволил расширить охват семиотических штудий, к примеру, проследить стирание границ между собственным и именем нарицательным. В дискуссии после доклада Н. Н. Казанский выразил мнение, что большинство семантических реконструкций, предложенных В. Н. Топоровым и Вяч. Вс. Ивановым, выдержали испытание временем. Сейчас семантическая реконструкция проводится на материале заговорных текстов.

Общетеоретические проблемы современной семиотики затрагивались и в докладе *Т. В. Черниговской* (Санкт-Петербург) «Асимметрия мозга и семиозис: 40 лет спустя». Тема языка и сознания – одна из ключевых проблем семиотики, которая, в частности, занимала Ю. М. Лотмана и Вяч. Вс. Иванова. Докладчица провела экскурс в историю нейронауки, выделив ее основные задачи и главные пункты теории полшарной дифференциации. Она обозначила категорию биполярности как минимальную структуру семиотической организации, объединяющую устройство человеческого мозга и культуры. Основные задачи нейронауки на современном этапе, по мнению докладчицы, – отказ от атомарного восприятия и привязки функций к определенным зонам, необходимость обращения к высшим проявлениям человеческого гения. Семиотический подход в этой связи очень актуален.

Сугубо теоретический характер носил доклад «Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории» *В. В. Фещенко* (Москва), в котором он рассмотрел художественную коммуникацию как одну из разновидностей языковой коммуникации. Докладчик представил лингвоэстетические модели художественной коммуникации на основе существующих в семиотике, лингвистике и поэтике моделей знака и семиозиса. Он также рассмотрел модели знаков и соответствующие им модели семиозиса применительно к художественным системам. Модель

художественной коммуникации была представлена в виде соответствий между уровнями художественного знака и звеньями в коммуникативной цепи.

В блоке, посвященном **древности и античности**, с докладом «К вопросу о существовании культа ветров в гомеровской и микенской Греции» выступила *В.П. Казанскене* (Санкт-Петербург). Источниками для ее сопоставительного исследования послужили документальные тексты (микенские таблички с Крита) и текст поэтический (23-я песнь «Илиады» Гомера). На обилие этнографического материала в гомеровском эпосе, предоставляющего факты для сопоставления с другими источниками и культурами, указывал В.Н. Топоров, в частности, он использовал его в своих работах о конских состязаниях на похоронах. Трагическое описание погребения Патрокла включает в себя мольбу Ахилла, который, встав в отдалении, обращается к Зефиру и Борею, обещаая богатые дары за возжигание погребального костра. Микенские таблицы в перечне божеств упоминают жриц – богинь ветров, им приносится в жертву оливковое масло. Таким образом, ветры почитались в сонме всех древних божеств Греции.

Н.В. Брагинская (Москва) посвятила свой доклад «Нить Ариадны и пояс Хлои: следом за “пленником ямы” С.Ю. Неклюдова» проблеме соответствия мифологического мотива и его предполагаемого литературного преобразования. В греческом романе имперского периода «Дафнис и Хлоя» обнаруживается несколько мифологических мотивов, которые, судя по ареалу распространения, – аккадский эпос, древнеиндийский эпос, разнообразные фольклорные жанры Центральной Азии – отличает большая древность. В «Дафнисе и Хлое» мифологические мотивы «бытовизируются», приобретают вид жизненных обстоятельств, в то же время сам роман, на первый взгляд – незамысловатая история о любви и приключениях Дафниса и Хлои, встраивается в рамку аретологии и имитирует сказание об установлении поныне существующего культа.

Доклад *Н.Н. Казанского* (Санкт-Петербург) «Индоевропейская метрика в отечественных исследованиях второй половины XX века» носил мемориальный и библиографический характер. Ученый поделился воспоминаниями о том, как изучал хеттский язык на семинаре у Вяч.Вс. Иванова, и охарактеризовал атмосферу обсуждения научных вопросов, проблем семиотики как очень вдохновляющую: для ученых этого круга была характерна удивительная энциклопедичность. Исследованиями русской и европейской метрики, продолжая изыскания В.М. Жирмунского, в те годы занимался М.Л. Гаспаров, а П.А. Гринцер предложил типологию литератур древнего мира и средних веков, ему принадлежит сравнение античной и древнеиндийской литературы. В своем докладе Н.Н. Казанский рассмотрел теории развития гекзаметра и сопоставил метрику в гомеровском эпосе и микенской поэзии.

Блок, посвященный этнолингвистическим и семиотическим исследованиям **языка, народной культуры и фольклора, а также изучению мифологии**, открыл доклад *С.М. Толстой* (Москва) «К типологии персонажей низшей мифологии славян». Демонология принадлежит к одной из наиболее исследованных областей народной культуры, накоплен колоссальный материал, который требует своей систематизации. К имеющимся принципам классификации мифологических персонажей исследовательница предложила добавить систематизацию по функциям с учетом их синтаксиса, сочетания и последовательности, следуя теории В.Я. Проппа («Морфология сказки», 1928). Она также призвала вернуться к изучению других книг В.Я. Проппа, особенно к монографии «Русские аграрные праздники» (1963), по ее мысли, недооцененной.

Систематизацию мотивационных признаков фитонимов, которые обозначают деревья, считающиеся прорклятыми, *Е.Л. Березович* (Екатеринбург) и *Н.А. Шляхтер* (Холон) предложили в своем докладе «“Иудино дерево” как культурно-языковой знак (на материале славянских и германских традиций)». Основанные на прецедентных текстах, мотивационные импульсы исходят от свойств денотата (цвет, форма) и деталей нарратива (монеты, кровь) и подчинены логике символизации в рамках культурной традиции. Исследовательницы рассмотрели целую «рощу» «иудиных деревьев» (багряник, бузину, осину, тополь и др.) преимущественно на материале славянских и германских народных представлений.

Знаковой природе вещи и его термина посвятила свой доклад «Бытовой предмет и его языковая номинация – взаимозаменяемые семиотические средства защиты от нечистой силы: символика *очкура*» *Л.Н. Виноградова* (Москва). Функция вещей в ритуале как медиатора между своим и чужим мирами основана на том, что они принадлежат миру природы (материал изготовления) и миру культуры (результат человеческой деятельности). Мужской пояс (*очкур*) соединяет в себе множество символических значений – замыкание, круг, границу, отделяющую верхнюю часть от нижней, и используется как для установления контакта с иным миром, так и, наоборот, для отделения от него и защиты от демонов. Этот предмет использовали в разных целях – для защиты домашнего скота от порчи, в святочных гаданиях – для привлечения духов-прорицателей, ребенку от глаза протирали лицо. Параллельно ритуальному использованию вещи, само слово *очкур* применялось

для отгона вихря и нечистой силы. В дискуссии было предложено обратить внимание на созвучие слов *чур* и *очкур* и на возможный параллелизм отгонных формул-оберегов с этими словами.

Типологическое сходство родильной и погребальной обрядности рассмотрели А.А. Плотникова (Москва) и Н.Г. Голант (Санкт-Петербург) в докладе «Начало и конец жизни как единый комплекс представлений (по этнолингвистическим материалам начала XXI века)». Докладчицы, основываясь на собственных экспедиционных материалах, обратили внимание на параллелизм терминологии и обрядов у старообрядцев Румынии и у влахов в долине Тимок в Сербии. Идентичность терминов (например, *повивать*, *свивальник* о покойнике и младенце, дериваты от **ležati* в качестве терминов родильной и погребальной обрядности), сходство поверий (не должна пустовать ни колыбелька, ни открытая могила) обусловлены тем, что обряды, связанные с рождением и смертью, типологически относятся к ритуалам перехода, *rite de passage*.

Культурную и природную символику календарного времени анализировала И.А. Седакова (Москва) в докладе «Болгарский праздничный март и семиотические модели календарного времени». Она обратилась к самому насыщенному ритуалами месяцу года, единственному «женскому» месяцу в календаре болгар, который соотносится с фольклорным образом «старухи Марты». Докладчица показала, как сочетаются и уживаются разные модели календаря – фракийские, дохристианские и христианские, и поздние государственные праздники социалистической и постсоциалистической эпохи. Несмотря на сложный генезис ритуалов, на соединение праздников «в числах» и переходящих праздников Пасхального цикла, временная система марта в Болгарии подчинена идеям инициации, начала весны и возрождения природы.

О.А. Белова и И.А. Швед сосредоточились на восточнославянской традиции. В докладе О.В. Беловой (Москва) «“Формулы времени” в восточнославянских этимологических легендах» анализировались заключительные фрагменты этимологических легенд, содержащие различные временные маркеры и служащие своего рода «закрепками» текстов. Их функция – закрепить трансформации и превращения, которые описываются в легендах. Сравнив эти формулы в разных сюжетах, докладчица показала изменение значений лексем, обозначающих временные промежутки, в зависимости от контекста, а также выделила некоторые локальные типы. Разнообразие и классификация «формул времени» были подробно продемонстрированы на примере вариантов легенды о превращении человека в медведя.

И.А. Швед (Брест) в докладе «Семиотика дома в современных устных рассказах о погребально-поминальной обрядности Брестчины» рассматривала дом в качестве элемента локативного кода похоронно-поминальной обрядности. На материале, собранном в Брестской области в последние два десятилетия, докладчица анализировала соотношение топографии обряда и обрядового текста с мифологическим и реальным пространством, в котором очень важной является категория границы, в контексте семантических оппозиций «свое – чужое», «внутренний – внешний», «центр – периферия», «верх – низ», «передний – задний», «правый – левый», «восток – запад» и др.

Доклад В.В. Емельянова (Санкт-Петербург) «Происходят ли русские заговоры от ассирийских?» (на примере текстов о трясавицах) был посвящен проблеме связей русской фольклорной традиции с древними восточными традициями. Исследователь анализировал русские заговорные тексты о трясавицах в сравнении с шумеро-вавилонскими заговорами против Ламашту и трясавиц. Он связывает русские заговоры с христианской традицией молитвенных текстов, в которую они пришли через посредников из арамейского языка. В свою очередь, на арамейскую традицию повлияла шумеро-аккадская, однако ее прямое воздействие в русских заговорах не прослеживается. С помощью текстологического анализа докладчик показал, что шумеро-аккадские имена и части заговорной структуры не соответствуют славянским.

С.Ю. Неклюдов (Москва) в своем докладе «Семиотика “дикости”» анализировал евразийский комплекс представлений о «диких людях» и связанные с ними нарративы. Докладчик классифицировал представления о «диких людях» в традициях разных народов и пришел к выводу, что концепция «дикого человека» появилась как оппозиция «человеку культурному», а исходным материалом для конструирования подобных образов могли послужить фигуры локальных духов дикой природы, постепенно и специфическим образом «очеловечиваемых». При этом дикий человек не наделяется ни собственно демонической, ни звериной природой, он балансирует на грани между «зверем» и духом-хозяином природных объектов. В дискуссии были затронуты темы оборотничества и одичания, которые докладчик счел более поздними явлениями.

Доклад А.К. Байбурина (Санкт-Петербург) «Из заметок о пустом и пустоте» продемонстрировал развитие научных принципов структурной антропологии в рамках Московско-Тартуской семиотической школы. В докладе рассматривался концепт *пустоты* в ритуально-обрядовых практиках традиционной русской культуры. Докладчик отметил амбивалентность функционирования концепта

в составе оппозиции «пустота – полнота» как реализации более общих противопоставлений «плохое – хорошее» и «зло – добро». Кроме того, *пустой* содержит в себе обозначение пограничья, поэтому он образует и собственную систему частных оппозиций.

Выступление *Т.А. Михайловой* (Москва) объединило мифологию и лингвистику. В своем докладе «Кельтские двучленные имена с элементом *cú, con-*: к реконструкции архаического мифа» она обратилась к истолкованию имени ирландского героя Кухулина (*Cú Chulainn*) в рамках кельтского материала. Докладчица рассматривала кельтские и галльские имена с первым компонентом *con-* в контексте индоевропейского кузнечного культа. Опираясь на теорию В.Н. Топорова об имени как «микротексте», докладчица реконструировала зашифрованный в средневековом вторичном нарративе мифический образ сакральной пары: бога огня и его зооморфного спутника.

В.Я. Петрухин (Москва) использует семиотические методы при анализе фрагментов народной культуры и религиозности, мифов и исторических фактов в их летописном изложении. Его доклад «Русь и чужое конфессиональное пространство в начальном летописании» был посвящен проблеме конфессиональной двойственности в ранних летописях. В «Повести временных лет» предпринималась попытка включить Русь в библейскую картину мира. Летописец использовал исторические источники, чтобы определить место Варяжской Руси в славянском мире («Сказание о преложении книг на словенский язык»), и в мире византийского христианства (договоры Руси с греками). «Сказание» позволило летописцу отождествить киевских полян с польскими полянами как наследниками кирилло-мефодиевской традиции. Договоры свидетельствовали о восприятии греками русских обычаев (клятва языческими богами), Русью – обычаев христианских. В докладе затронута проблема непростого внедрения христианства в языческую Русь, а также проблема этнонима «русь», восходящего к названию дружины.

В лингвистическом блоке прозвучали как исторические, так и общетеоретические доклады. Новый подход к вторичным моделирующим системам предложил *А.В. Циммерлинг* (Москва) в своем докладе «Конкретно. Лингвистика и семиотика». Исследователь охарактеризовал L-лингвистику, для которой типична междисциплинарность, такие ее ответвления, как психолингвистика, юридическая лингвистика, политическая лингвистика и др. всегда предполагают пересечение с естественным языком. Семиотика, основанная, по Лотману, на экстраполяции принципов описания естественного языка на все другие знаковые системы, не является чистой лингвистикой и (возможно) L-лингвистикой, но всегда существенно связана с теорией знака. Лингвистический анализ предполагает в некоторых случаях отход от знаковой системы элементов языка, хотя ее учет необходим при исследовании комбинаторики словарных единиц. Теоретические положения иллюстрировались разбором верифицирующих частиц и слов в древнерусских текстах.

Ф.Б. Успенский и *А.Ф. Литвина* (Москва) в докладе «Судьба одной античной формулы в книжном наследии допетровской Руси» обсуждали историю латинской формулы *ME FECIT NN* ‘меня сделал имярек’, распространенной в Средние века в Европе и попавшей в русскую традицию. Эта формула, представляющая собой своеобразный «голос вещи», на русской почве претерпевает сложную эволюцию и начинает «жить своей жизнью», оторвавшись от исходного образа. В дискуссии обсуждалось, в частности, что эта формула входит в контекст общей проблемы субъектности вещи (в том числе культурных реалий, таких как колокола), характерной также для фольклора.

П.М. Аркадьев (Цюрих–Москва) в своем докладе «Судьба “морфемы” и отношения между означаемым и означающим в постструктуралистской морфологии» сосредоточился на проблеме морфемы как минимального знака и охарактеризовал историю современной лингвистики как поворот от «морфемоцентрических» к «словоцентрическим» моделям. На примерах из балтийских и славянских языков докладчик показал преимущества «словесно-парадигматических» моделей морфологии.

Доклад *Е.В. Рахилиной*, *П.А. Бычковой*, *И.И. Колесниченко*, *О.Е. Пекелис*, *А.А. Яскевича* (Москва) «Текст XIX века сквозь лингвистический лорнет: диахронический онлайн-ресурс по повести “Фаталист”» стал переходом от лингвистики к литературе. В докладе описывалась схема онлайн-ресурса, предназначенная для создания комментариев для читателей (прежде всего школьников). На основе анализа базы данных можно решать и лингвистические задачи: анализировать типы семантических сдвигов (и сдвигов сочетаемости), их типологию, плотность, относительную частотность и под., а также проводить некоторые текстологические наблюдения. По результатам анализа можно заключить, что язык XIX в. отстоит от современного языка уже так далеко, что оказывается непонятен молодым читателям, и подобные комментарии необходимы.

Выступления **литературоведческого блока** были посвящены в основном русской поэзии и прозе с акцентом на семиотических подходах, разработанных представителями Московско-Тартуской школы и другими структуралистами.

Д. Попов (Шумен) прочитал доклад «Дискурс заклинания у Теодора Траянова как вторичный моделирующий семиозис», в котором он рассмотрел перформативные формулы в поэзии известного, но мало переведенного на русский язык болгарского поэта-модерниста. Докладчик проанализировал заклинание как жанр обрядового фольклора и как речевую практику, основанные на архаичной вере в силу слова. Заклинательные формулы в поэзии Траянова исследователь определил как вторичные моделирующие системы и обозначил в них грамматико-семантический, когнитивный и прагматический уровни.

Лингвосемиотический подход к анализу автокоммуникации (по Лотману) определил анализ феномена вдохновения в поэтическом тексте, содержащийся в докладе «Поэзия как самоописывающая система» *Н.А. Фатеевой* (Москва). Исследовательница предложила выяснить, как сами поэты (как поэты-творцы и при этом как люди, испытывающие необычное психофизическое состояние) фиксируют это состояние в стихах, инстинктивно прибегая к автокоммуникации и интроспекции. Анализ текстов приводит докладчицу к выводу: язык служит медиатором для выведения мыслей и переживаний из области подсознательного и бессознательного в проявленную словом область, чему способствует ритмическая и звуковая организация поэзии, а также ее мнемоническая составляющая, которая способствует запоминанию через звук и ритм своих прошлых состояний. Обращение же к фигурам семантического переноса дает возможность поэту найти адекватное выражение для имажинативного как формы бессознательного.

Актуальность структурно-семиотического подхода в исследовании глубинных идеологических моделей была продемонстрирована в докладе «Терпандр в Гелатах» *Н.М. Рудник-Сегал* (Иерусалим) о стихотворении Б. Пастернака «Он встает. Века. Гелаты» (1936) в сравнении со стихотворением Вяч. Иванова «Терпандр» (1902). Отметив общие черты (стихотворный размер, характеристика исторической роли поэта), а также ряд семантических различий, докладчица показала, как цепочка скрытых метафор и символов (образ поэта-завоевателя, метафоры революции как сердца, мотивы всадника и скорости, а также скрытая тема Петра Первого-реформатора) раскрывают эволюцию Пастернака от восприятия себя лишь как поэта к имперскому взгляду на мир.

А.В. Топорова (Москва) в своем докладе «Отношения живых и мертвых в “Комедии” Данте» сопоставила обозначенную тему у Данте с описаниями загробного мира в других средневековых источниках. На основании анализа текста «Божественной комедии» Данте докладчица сделала вывод о целостности картины мира, представленной в произведении, а также о тесной связи загробного мира с земным. Отношения между обитателями этих миров сохраняются в вечности и являются важными и для живых, и для мертвых.

Я. Войводиц (Загреб) в докладе «Семиотика пути Павла Ивановича Чичикова» рассматривала актуальную для поэмы Гоголя тему дороги, проявляющуюся не только в разных семантических выражениях, но и в символике круга, колеса, в том числе в замкнутой кольцевой структуре романа. С точки зрения докладчицы, семиотика пути перекликается с семиотикой еды, играющей также важную роль в композиции произведения. Таким образом докладчица обрисовала семиотический круг романа «жизнь – путь – живот». В дискуссии обсуждалась противоречивость колеса (круга) как символа статичности и изменчивости (колесо судьбы).

М.В. Завьялова (Москва) выступила с докладом «Как Катюша превратилась в гориллу: о детских переделках одной известной песни в семиотическом аспекте», в котором она коснулась темы фольклорного переосмысления художественного текста. Докладчица систематизировала варианты детских переделок песни «Катюша», выделив основные сюжеты и персонажей и проанализировав их в контексте семиотических оппозиций. По ее мнению, детские пародии, разрушая знаковую систему оригинала, создают свою, во многом перекликающуюся со средневековой смеховой традицией. В дискуссии обсуждалась важность определения жанра небывальщины, а также временной период бытования текстов переделок.

Вопросы семиотического подхода к литературному произведению были освещены и в докладе «Лотман о литературоведении как точной науке» *М.А. Меньшиковой* (Бохум), посвященном реконструкции проекта литературоведения как точной науки.

Д.К. Поляков (Москва) затронул проблему рецепции отечественной семиотики за рубежом. В своем докладе он осветил малоизвестные в России исследования чешской культуры и литературы, принадлежащие перу Владимира Мацуры (1945–1999) – чешского филолога, историка культуры, переводчика и писателя. Начиная как лингвист («Неологизм в структуре произведений Ф. Галаса», 1969), он еще в ранних публикациях демонстрировал увлеченность идеями Московско-Гартуской семиотической школы, что проявилось и в основных его публикациях.

Конференция показала неугасающий интерес отечественной и зарубежной семиотики к **визуальным текстам**. Сформулированные в докладе С.Н. Зенкина базовые принципы знаковой природы мимесиса послужили своего рода прологом к блоку сообщений о собственно художественной

коммуникации, носивших разнородный характер — и по степени отвлеченности от эмпирии, и по принципам аналитических стратегий в походах к анализу текста.

Теоретической проблеме модальности в изобразительном искусстве в свете наследия Московско-Тартуской школы был посвящен доклад «Проблема модальности в живописи — в развитии Московско-Тартуской школы» *Н.В. Злыдневой* (Москва). Докладчица обратилась к исследованиям выдающегося российского лингвиста Ю.К. Лекомцева, который, опираясь на глоссемантику Гуссерля, применил принцип семантических преобразований к анализу изображения. В известной статье 1979 г. о процессе абстрагирования в живописи Лекомцев предложил рассматривать формирование (интра)перцептивного образа на основе конкретного денотата, включив эмоции, передаваемые изображением, в том числе абстрактной живописью, в круг освоения методов семиотики. Эта пионерская работа нашла отражение в трудах продолжателей школы, развивавших идеи Ю.М. Лотмана и его коллег в направлении исследования языкового субстрата изобразительности (Е. Фарино) и модальности вневербальных текстов (Э. Тарасты).

Ряд важных проблем, касающихся знаковой природы художественного текста, возникает и на основе анализа творческого наследия С. Эйзенштейна, что было продемонстрировано в обстоятельном докладе *Ю. Цивьяна* (Чикаго) «Лотман, Эйзенштейн и неопределенность». Докладчик оспаривает тезис Ю.М. Лотмана, что в произведениях Эйзенштейна отсутствует принцип двуязычия — базовый для любого художественного текста. В качестве примера метафор, которые порождают специфический синтез в поэтике Эйзенштейна, приводится один из «озорных» рисунков режиссера с изображением Адама-Христа-быка и Евы как Церкви Христовой, двусмысленность которого задана эротической трактовкой сакральной символики, а также анализируется сцена Пещного действия в фильме «Борис Годунов», где в соответствии с христианской экзегетикой развернута система двоичных противопоставление/уподоблений (пещь огненная/утроба Девы, ангел/фаллос, жертва/палач и пр.). Исследователь рассматривает семиотику прообразов и христианскую экзегетику как вклад в интеллектуальную историю человечества. А «уличая» Эйзенштейна в отсутствие признака неопределенности, Лотман — согласно выводу докладчика — был не прав, но это была неправота конструктивная, продлевающая жизнь художника в искусстве.

Проблемы кино (в развитии идей Ю.М. Лотмана и А.Б. Ковача) стали предметом рассмотрения и в докладе *Д.Г. Вирена* (Москва) «“Человек из Лондона” Белы Тарра: свидетель в пространстве (к семиотике кино)». В центре экранизации этого «детектива без интриги» — проблема случайного свидетеля, на которого убийство «не произвело никакого впечатления» и который сам стал убийцей. Докладчик сфокусировал внимание на работе режиссера с хронотопом (неопределенность времени и пространства, стирание всяческих границ — между дневной реальностью и ночным кошмаром, между преступником и свидетелем, между Западом и Центром), а также использование им таких приемов, как отсутствие речи, недиегетический звук, специфическая манера актерской игры, построенная на эмоциональных эффектах, дубляж как прием остранения, автоцитирование, введение «лишних» персонажей в кадр и др.

И.Г. Меркулова (Москва) в докладе о семиотике театрального пространства, обращаясь к недавнему опыту вынужденной виртуальной коммуникации в эпоху пандемии, сделала интересную попытку рассмотреть категории семиосферы Ю.М. Лотмана (центр и периферия) сквозь призму опыта французской семиотики страстей (Ж. Фонтаний и его школа) и новой «гибридной реальности», в которой оказался мир в XXI в. Докладчица показала, что самоизоляция, создавшая эгоцентрический мир замкнутых кругов, санитарный кризис заставили пересмотреть ряд фундаментальных семиотических оппозиций — природы и культуры, телесного и социального, внешнего и внутреннего — и поставили перед человечеством задачу принять новую нормальность.

Актуальность системного изучения мифологии и миграции мотивов была продемонстрирована в докладе *Л.И. Акимовой* (Москва) «Собака на гравюре Дюрера “Melencolia I”». Докладчица сосредоточила внимание на генезисе мотива собаки, а имеющийся в научной литературе информацию о ее связи с мотивом Сатурна расширила посредством иконологического анализа содержащихся в изображении сопутствующих мотивов — бытовых и символических предметов — в их отношении к «персонажам» гравюры (путто, летучей мыши). Разбор структуры символов и метафор в гравюре Дюрера позволил уточнить представления о связи между иконографией и идеологией великого мастера.

Мемориальная часть конференции была посвящена истории науки и воспоминаниям о встречах и совместной работе с выдающимися учеными-семиотиками.

Г.А. Левинтон (Санкт-Петербург) в своем докладе «Заметки к эпистолярному наследству классического структурализма (переписка Якобсона с Трубецким и с Леви-Строссом)» коснулся эпистолярного наследства классического структурализма. Докладчик подчеркнул пассаизм как особенность Якобсона: для него важно было не только восстановление прерванных связей, реабилитация

мифологической школы, романтической фольклористики, но и превращение частных писем в публичные. В частности, Якобсон неоднократно обращался к письмам Трубецкого в своих статьях. В 1975 г. письма Трубецкого были опубликованы, однако, к сожалению, из писем Якобсона Трубецкому почти ничего не сохранилось.

Архивные материалы, результаты исследования которых были представлены в докладе «Наука и идеология: переписка И.З. Белобровцевой с З.Г. Минц и Ю.М. Лотманом в контексте истории Тартуско-Московской школы» Т.Д. Кузовкиной (Тарту), проливают свет на малоизвестные страницы политических обстоятельств жизни Лотмана и его окружения в период советской власти. Докладчица показала, что с 1970 г. Ю.М. Лотман и З.Г. Минц находились под пристальным вниманием КГБ в связи с делом Натальи Горбаневской, постепенно сворачивалась деятельность семиотической школы, усиливалась цензура тартуских изданий. В 1974 г. за распространение самиздата из Таллинского педагогического института были уволены ученики Юрия Михайловича и Зары Григорьевны Ирина Газер и Виталий Белобровцев. Благодаря исследованию сохранившихся писем удалось продемонстрировать участие тартуских преподавателей в судьбе своих талантливых учеников, а также реконструировать тактику сохранения научного сообщества в условиях идеологического давления.

Л. Спроге (*Puga*) в своем докладе «О возможном векторе одного исследовательского сюжета З.Г. Минц и Ю.М. Лотмана (1964 г.)» подчеркнула важность совместной работы Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц «“Человек природы” в русской литературе XIX в. и “цыганская тема” у Блока», опубликованной в 1964 г. в Блоковском сборнике и написанной на основе доклада 1962 г. на Первой блоковской конференции в Тартуском университете. Дальнейшее развитие этих идей нашло свое отражение в книгах и статьях двух авторов, что во многом предвосхитило новейшие пути блоковедения, обозначило структурный подход к изучению поэзии Серебряного века.

Также в мемориальной части конференции были показаны две видеозаписи: фрагмент видеомемуара Вяч.Вс. Иванова «Мы были странным исключением» (запись 2006 г.), в котором Вячеслав Всеволодович делится воспоминаниями о секторе структуралистов, своем общении с Ю.М. Лотманом, о занятиях семиотикой; и фрагмент интервью Т.В. Цивьян с рассказом о жизни сектора в 1960–1980-х годах, когда институт располагался в Трублиновском переулке. Своими воспоминаниями о Лотмане и о тартуских «Летних школах» поделились А.Л. Топорков (Москва) и М.Б. Мейлах (Санкт-Петербург).

Все доклады доступны в записи, их можно посмотреть на ютубе (<https://www.youtube.com/playlist?list=PLIKurElSTDrTwTnhOaJmCuUfdpfU0dBsY>). По материалам конференции готовится сборник, который выйдет из печати в 2023 г.

Информация об авторах:

Завьялова Мария Вячеславовна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0003-0613-0028
E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Злыднева Наталия Витальевна,
доктор искусствоведения,
зав. отделом Института славяноведения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-001-7153-3101
E-mail: natzlydneva@gmail.com

Седакова Ирина Александровна,
доктор филологических наук,
зав. отделом Института славяноведения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

Information about the author:

Zavyalova Maria V.,
PhD (Philology), Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-0613-0028
E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Zlydneva Natalia V.,
DSc. (Art History), Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-001-7153-3101
E-mail: natzlydneva@gmail.com

Sedakova Irina A.,
DSc. (Philology),
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru